

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ — 1956

Редакционная коллегия

*С.Н. Бибиков (ответственный редактор), Е.В. Максимов, М. Я. Рудинский,
Л. М. Славин, И. Г. Шовкопляс.*

Редактор издательства В. Л. Зуц

Технический редактор Е. Н. Розенцвейг

Корректор Л. Д. Ямпольская

**БФ 15510. Зак. № 1318. Изд. № 37. Тираж 1000. Формат бумаги 70×108/16. П-ч. листов 7,87.
Учетно-издат. листов 6,63. Бум. листов 2,88. Подписано к печати 17.IX.1956 г.**

Типография Издательства АН УССР, Киев, ул. Репина, 2.

ЖИЛИЩА МЕЗИНСКОЙ СТОЯНКИ *

И. Г. ШОВКОПЛЯС

В годы советской власти в нашей стране широко развернулись исследования памятников палеолитического времени. В результате этих исследований на многих позднепалеолитических стоянках открыты и изучены остатки разнообразных древних комплексов. Особо важное значение советские исследователи уделяют изучению остатков жилых и хозяйственных сооружений с целью выяснения устройства древних поселений в целом. Лишь этим путем можно будет раскрыть полную картину хозяйственной жизни, культуры, быта и общественной организации первобытного населения нашей страны в эпоху позднего палеолита. Однако, несмотря на то, что уже собран довольно большой фактический материал и накоплен значительный опыт исследования остатков жилых и хозяйственных сооружений, особенно на позднепалеолитических стоянках Восточной Европы, многие вопросы реконструкции этих сооружений все еще остаются не вполне ясными, а нередко и спорными.

Такое положение довольно часто объясняется плохой сохранностью изучаемых древних комплексов, ограниченностью площадей, раскопанных на стоянках, и другими причинами, не дающими достаточных данных для правильной реконструкции того или иного объекта. Поэтому каждый новый исследованный памятник имеет важное научное значение, так как не только позволяет понять раскапываемые комплексы, но и помогает разобраться в материалах исследований, осуществленных в прошлом.

Именно такое положение сложилось с Мезинской палеолитической стоянкой на Десне. Неоднократно раскапывавшаяся в прошлом и благодаря своим находкам получившая мировую известность Мезинская стоянка как поселение первобытного человека фактически осталась совершенно не понятой. Все исследователи, производившие ранее раскопки в Мезине, отмечали наличие в культурном слое стоянки разнообразных комплексов — «углублений» и «западин»¹, «куч костей», «кострищ» и «больших скоплений костей»², «вогнищ»³ и т. п. Однако никаких попыток объяснения и реконструкции всех этих комплексов исследователи в то время, как правило, не делали.

В свете достижений советской науки в области изучения палеолита появилась необходимость возвратиться к Мезинской стоянке с целью ее всестороннего изучения. Первая такая попытка была сделана П. И. Бон-

* Сокращенный текст доклада, прочитанного автором на заседании Ученого совета Института археологии АН УССР 23.XI 1955 г.

¹ П. П. Ефименко, Первобытное общество, К., 1953, стр. 462.

² Отчет о раскопках в 1912 и 1913 гг. Хранится в научном архиве Института археологии АН УССР.

³ М. Я. Рудинський, Досліди в Мізині в 1930 р., Рукописний отчет, стр. 32 и сл. Хранится в научном архиве Института археологии АН УССР.

рисковским в его обобщающем труде «Палеолит Украины»¹. В нем были систематизированы все вещественные находки и раскопочная документация, сохранившиеся от прежних раскопок. Однако при этом выяснилось, что их недостаточно для полного восстановления встретившихся на стоянке древних комплексов. В частности, на их основании еще невозможно было сделать сколько-нибудь прочно обоснованную реконструкцию ее жилых сооружений. Стало вполне очевидным, что этого можно будет достигнуть лишь при условии проведения в Мезине новых раскопок с одновременным вскрытием культурного слоя на значительной площади стоянки.

Такие раскопки были начаты Палеолитической экспедицией Института археологии АН УССР² в 1954 г.

В результате двухлетней работы экспедиции в Мезине на двух участках стоянки вскрыта площадь около 400 м² (за все предыдущие годы вскрыто около 300 м²). Раскопками обнаружен хорошо сохранившийся культурный слой с остатками нескольких крупных строительных комплексов, в конструкцию которых первоначально входили и крупные кости животных³.

Наиболее интересным объектом оказались остатки крупного сооружения на западном участке раскопанной площади стоянки, расположенному непосредственно к северо-западу от раскопов предыдущих лет⁴. Описание остатков этого сооружения и попытка его реконструкции является предметом настоящего сообщения.

Они представляли собой крупное, округлое в плане (диаметром более 5 м) скопление костей мамонта и рогов северного оленя (рис. 1), за-легавших в определенном порядке⁵. По самому краю этого скопления находились самые крупные кости — 15 черепов, несколько тазовых и ряд крупных костей конечностей мамонта. Они лежали близко одна возле другой и образовывали сплошную ограду, имея разрыв только в юго-восточной части (рис. 2). Кости сохранили свое первоначальное положение в конструкции сооружения. Так, например, все черепа мамонтов лежали на лбу, независимо от того, куда они были обращены своими носовыми и затылочными концами: наружу или внутрь скопления. Тазовые кости были расположены вдоль ограждения. Такое положение костей, в частности черепов, свидетельствует о том, что обитателей стоянки при постройке сооружения интересовали прежде всего ровные (плоские) стороны костей, которыми они должны были к чему-то плотно прилегать.

Ближе к центру в скоплении лежали кости мамонта, более мелкие, чем те, которые находились по самому внешнему краю. Это были преимущественно лопатки, нижние челюсти, бивни и небольшие кости конечностей. Интересно отметить при этом, что почти во всех лопатках расположенные перпендикулярно к их плоскостям гребни оказались отбитыми. Вероятно, обитателей стоянки при постройке сооружения интересовали и в лопатках прежде всего их ровные (плоские) поверхности.

В самом центре скопления лежало довольно мощное сплетение рогов северного оленя, перекрывавшее ряд костей и бивней мамонта. Вокруг

¹ П. И. Борисковский, Палеолит Украины, МИА, № 40, стр. 237—286.

² Экспедиция проводится Институтом археологии совместно с Институтом зоологии АН УССР и с участием Киевского исторического музея и Киевского университета. Кроме автора и проф. И. Г. Пидопличко, в ее работе принимали участие Н. П. Амбургер, Б. Я. Брязкун, Е. Л. Короткевич, Н. В. Линка, Т. Г. Мовша, С. Я. Папер, А. С. Руденко, Л. С. Шилина, А. И. Шевченко и А. М. Шовкопляс.

³ Краткие сведения о результатах раскопок в 1954 г. см. И. Г. Шовкопляс, Палеолитическая экспедиция 1954 г., КСИА, в. 5, К., 1955, стр. 7—12.

⁴ Схему раскопов в Мезине см. П. И. Борисковский, Палеолит Украины, стр. 241.

⁵ И. Г. Шовкопляс, ук. соч., стр. 8, 10.

скопления, на незначительном расстоянии от него, находилось несколько костей конечностей и нижних челюстей мамонта, первоначально также имевших отношение к древнему сооружению.

Подобное крупное скопление костей на месте разрушенного сооружения, к тому же такой исключительной сохранности, в Мезине было

Рис. 1. Скопление костей на месте жилища.

открыто впервые. Тщательное изучение его обещало внести много нового в вопрос о восстановлении характера сооружений Мезинской стоянки. Учитывая то, что подобные комплексы, сохранившиеся полностью, встречаются вообще довольно редко, его значение выходит за рамки одной только Мезинской стоянки.

Вопросу разборки указанного скопления экспедиция уделила очень большое внимание¹. Во время разборки скопления костей, в качестве главной задачи предусматривалось получение возможно большего количества фактов и наблюдений, необходимых для полной реконструкции данного древнего сооружения. Нами был осуществлен опыт частичного реконструирования сооружения в процессе разборки скопления костей на

¹ Накануне разборки скопления раскопки посетили С. Н. Бибиков, И. Г. Пидолячко, П. И. Борисковский, Н. К. Верещагин, А. Н. Рогачев, А. П. Черныш, В. И. Бибикова, а также большая группа научных сотрудников Института археологии, принявших участие в обсуждении вопроса о характере скопления и плане его разборки.

месте его развала. Разборка скопления производилась путем последовательного снятия костей. После снятия каждого верхнего ряда костей оставшаяся часть их тщательно расчищалась и фиксировалась. Вся внутренняя часть скопления, ограниченная по краям наиболее крупными костями мамонта, была разобрана в 5 этапов. Сперва были выбраны рога северного оленя и отдельные небольшие кости мамонта, занимавшие центральную часть скопления и частично перекрывавшие остальные кости, а затем разборка производилась на всей его площади. После разборки внутренней части скопления на его месте остались лишь крайние, наи-

Рис. 2. Внешнее ограждение из черепов и других крупных костей мамонта на месте жилища. Вид с СЗ.

более крупные кости ограждения (рис. 2), указывающие на форму и размеры древнего сооружения. Часть этих крупных костей находилась на своих первоначальных местах, хотя и изменила свое положение при разрушении сооружения. Часть черепов, входивших в ограждение, сохранила один или оба бивня. Все эти черепа лежали своими носовыми концами внутрь скопления, упав бивнями на пол сооружения при его разрушении.

Часть крупных костей ограждения, в том числе черепа с бивнями, при разборке была поставлена нами в свое первоначальное положение (рис. 3, 4). Эта частичная реконструкция сооружения на месте его развала, в процессе разборки, дала важные данные, необходимые для достаточно полной реконструкции этого и некоторых других мезинских строительных комплексов, раскопанных раньше, а также, вероятно, и не только мезинских.

Пол сооружения представлял собой несколько наклонную с северо-запада на юго-восток довольно ровную площадку, находившуюся в основном на одном уровне с окружающей сооружение древней поверхностью стоянки. Исключение составляла лишь северо-западная часть, где пол был несколько ниже по сравнению с окружающей поверхностью (на 30—

Рис. 3. Черепа и крупные кости мамонта, поставленные в предполагаемое первоначальное положение. Вид с СЗ.

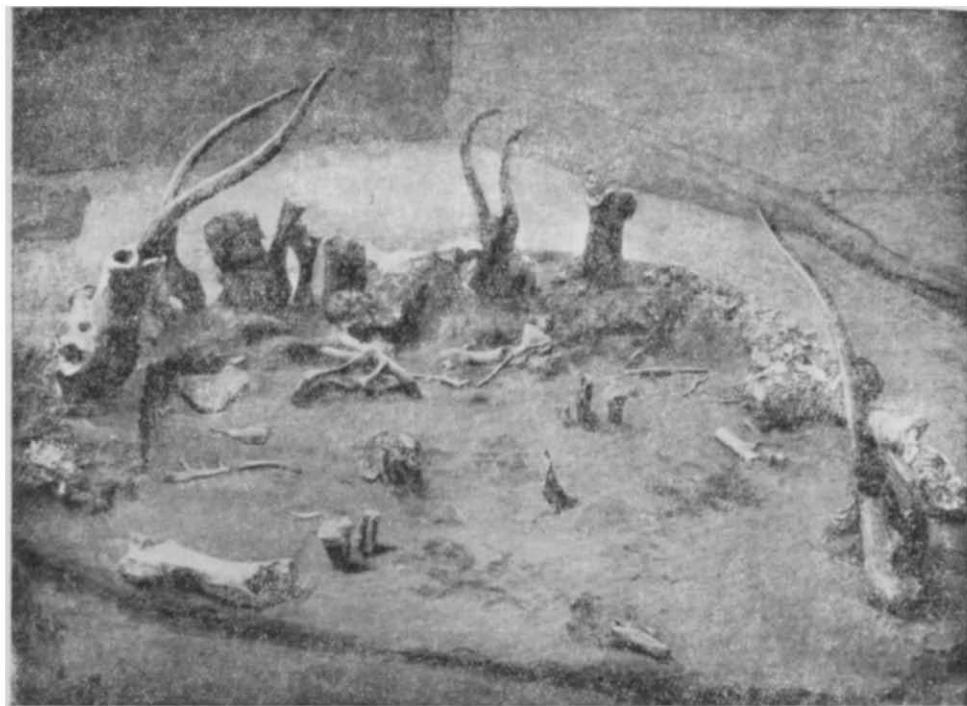

Рис. 4. Черепа и крупные кости мамонта, поставленные в предполагаемое первоначальное положение. Вид с ЮВ.

50 см). Это объясняется планировкой площадки с целью придания ей максимально горизонтального уровня перед постройкой на ней настоящего сооружения.

Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что сооружение было наземным.

На поверхности пола, вокруг центра, находилось три округлых углисто-зольных пятна, диаметром около 50—70 см, являвшихся, видимо, остатками древних очажков (рис. 2, 3, 4). Никаких сколько-нибудь заметных углублений под ними не оказалось. Они, очевидно, были местами временного разведения огня с целью обогревания сооружения в холодное время года.

В четырех местах в пол сооружения были вертикально вкопаны крупные кости мамонта (рис. 2, 3, 4), служившие, повидому, основа-

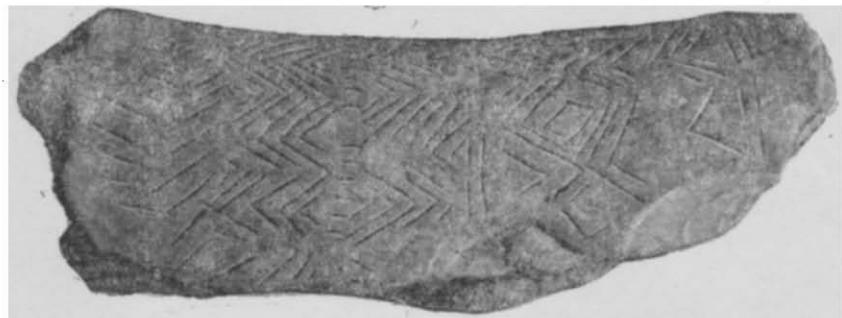

Рис. 5. Обломок бивня мамонта с геометрическим орнаментом.

ниями для деревянных столбов, поддерживающих изнутри наклонные стены сооружения.

Характер разнообразных хозяйственных и бытовых находок внутри сооружения, в частности произведения первобытного искусства из бивня мамонта (рис. 5, 6), а также остатки очагов, позволяют видеть в нем позднепалеолитическое наземное жилище, служившее местом обитания небольшой группы первобытных жителей Мезинской стоянки в холодное время года (его внутренняя площадь — около 20 м²).

На основании изучения скопления костей на месте жилища и полученных при его разборке наблюдений здесь предлагается первая, предварительная попытка реконструкции такого жилища и восстановления способа его сооружения (рис. 7). Мы хорошо представляем себе отдельные слабые стороны настоящей реконструкции, но все же решаемся на ее публикацию в надежде на доброжелательные критические замечания специалистов, которые помогут прийти к окончательному решению проблемы реконструкции позднепалеолитических жилищ Мезинской стоянки.

Исследованное в 1954—1955 гг. жилище в Мезине представляется нам в виде конусовидной, круглой в плане, долговременной постройки (типа высокого шалаша или чума народов Крайнего Севера). Его каркас (основа) состоял из серии деревянных жердей, наклонно вкопанных в землю по краю пола жилища и скрепленных между собой над его серединой. Этот деревянный каркас сверху покрывался шкурами мамонта, возможно, ветками и травой. Для укрепления и утепления жилища его стены обкладывали костями животных.

По самому низу стен, непосредственно по земле, они были обложены наиболее крупными и тяжелыми костями мамонта, сохранившимися в виде внешнего ограждения скопления костей на месте разрушенного жилища. Все они были приставлены к наклонным стенам своими наиболее гладкими сторонами, а черепа — лбами. Нижними концами эти кости упирались непосредственно в землю, а верхними были прислонены к наклонным стенам жилища. При разрушении жилища, очевидно, в ре-

зультате прогнивания деревянного каркаса, эти крупные кости упали внутрь жилища вместе с его стенами, оставаясь своими нижними концами почти на прежних местах, иногда лишь немного сдвинувшись с них. Те черепа, в которых сохранились бивни, были поставлены гверх бивнями; другие приставлялись по-разному, но обязательно лобовой стороной внутрь. Упав вместе со стенами, все черепа легли на землю именно этими лобовыми сторонами.

Выше по наклонным стенам жилища, упираясь в крупные кости нижнего ряда, лежали уже преимущественно лопатки и другие сравнительно небольшие кости мамонта. На самом верху жилища находились рога северного оленя в виде довольно значительного сплетения.

При разрушении жилища все эти кости упали вниз, к его центру, вместе с рухнувшими стенами и образовали то скопление, которое было открыто экспедицией при раскопках. Размещение костей на наклонных стенах жилища в основном определило их расположение и в скоплении.

Наблюдения за расположением костей в скоплении показывают, что жилище разрушилось не внезапно и не сразу, а постепенно, в течение некоторого времени после оставления его обитателями, унесшими с собой наиболее ценные для них предметы.

Вход в жилище находился в юго-восточной части, обращенной к балке и берегу Десны. В этой части жилища крупные кости нижнего ряда отсутствовали полностью (рис. 2, 3, 4). На наклонных стенах жилища над входом костей было значительно меньше, чем во всех других местах (рис. 7), чему соответствовало и незначительное количество их в этом месте скопления.

Описанное выше жилище, насколько позволяет судить об этом сохранившаяся документация старых раскопок, не являлось на Мезинской стоянке единственным. Нам представляется, что аналогичный жилой строительный комплекс в Мезине, в частности, был раскопан в 1912—1913 и 1916 гг. Но, будучи раскопаны по частям, небольшими участками, остатки этого жилища не были тогда надлежащим образом поняты. Из отчетных описаний и черновых зарисовок «скоплений костей» («куч костей»), раскопанных в указанные годы, видно, что по их внешним краям находились самые крупные кости мамонта, в том числе целая серия черепов и тазовых костей¹. Вероятно, они тоже входили в ограждение жилища, подобного выше-описанному. На площади, окруженной этими «скоплениями», имелось много различных костей животных, возможно, также находившихся ранее на наклонных стенах жилища и упавших туда при его разрушении. Под этими костями, на древнем полу жилища, были обнаружены остатки очагов и многочисленные вещественные находки, в том числе большинство всемирно известных произведений первобытного искусства Мезинской стоянки².

Рис. 6. Антропоморфное изображение из бивня мамонта.

¹ Отчет о раскопках в Мезине в 1912—1913 гг. (хранится в научном архиве Института археологии АН УССР); П. И. Борисковский, Палеолит Украины, стр. 241, 243.

² Мезин, К., 1931, табл. XI—XIX.

По способу сооружения и характеру залегания костей в завалах жилища Мезинской стоянки не являются чем-то необычным в позднем палеолите. При раскопках ряда других позднепалеолитических стоянок также были встречены подобные остатки долговременных зимних жилищ, но не всегда на них было обращено надлежащее внимание.

Наиболее близкими к мезинским по этим признакам являются жилища Гонцовской стоянки на р. Удай на Полтавщине. Остатки одного из них, почти совершенно аналогичного по всем признакам остаткам описанного выше жилища Мезинской стоянки, были раскопаны в 1914 —

Рис. 7. Жилище Мезинской стоянки. Реконструкция автора.

1915 гг. Они представляли собой такое же скопление костей животных, по краю которого находились черепа, тазовые и другие крупные кости мамонта. Эти крупные кости образовывали внешнее ограждение жилища, подобное мезинскому. В ограждение жилища в Гонцах входили 24 черепа, четыре тазовые кости и несколько крупных лопаток. Часть их находилась почти в вертикальном положении, как бы вкопанными в землю своими нижними концами. Внутри этого ограждения находились более мелкие кости — лопатки, нижние челюсти, бивни и ребра мамонта, рога северного оленя и др. Площадь внутренней части жилища также имела около 20 м², и вход в него был с той же юго-восточной стороны, где крупные кости ограждения в скоплении полностью отсутствовали¹.

Остатки второго аналогичного жилища в Гонцах были раскопаны в 1935 г. в виде подобного же скопления костей мамонта и других животных. Открытые по краю его пола наклонные небольшие ямки от жердей позволяют реконструировать жилище как конусовидную постройку, подобную предложенной нами здесь для жилища Мезинской стоянки. Каркас жилища был сделан из деревянных жердей, наклонно вкопанных по краю пола, сведенных и скрепленных своими верхними концами над его серединой².

Близкое по устройству наземное жилище на Добраничевской стоянке раскопано в 1953 г. Его остатки также представляли окружное в плане скопление костей мамонта, входивших ранее в его конструкцию.

¹ Розкопки палеолітичного селища в с. Гонцах, Лубенського повіту, в 1914—1915 рр., Записки Українського наукового товариства дослідження й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині, в. I, Полтава, 1919, стр. 68—70; В. А. Гординов, Исследование Гонцовской палеолитической стоянки, Труды РАНІОН, т. I, М., 1922, стр. 21—25; И. Ф. Левицкий, Гонцовская палеолитическая стоянка, Палеоліт і неоліт України, т. I, К., 1949, стр. 231—232.

² И. Ф. Левицкий, ук. соч., стр. 206—211.

По краю скопления (диаметр около 4 м) находились вертикально вкопанные в землю носовыми концами черепа, а также другие кости мамонта¹.

Остатки несколько углубленного жилища, обставленаенного по стенке вертикально стоящими костями мамонта, были обнаружены на стоянке Чулатово II, недалеко от Мезинской, на том же правом берегу Десны².

Раскопанное в Мезине жилище имеет много общих черт и с жилищами ряда других позднепалеолитических стоянок Восточной Европы и Сибири. К ним следует отнести Супоневскую стоянку на Десне около Брянска³, Елисеевichi⁴ и Юдиново⁵ на Судости, Гагарино на Дону⁶, Мальте⁷ и Буреть⁸ в бассейне Ангары около Иркутска и др.

Развалом подобного древнего жилища, повидимому, являлось и крупное скопление костей мамонта, раскопанное на Бердыжской стоянке на р. Соже. На ней, в частности, также были встречены целые черепа мамонта, лежавшие книзу своей ровной лобовой стороной⁹.

На всех этих стоянках при сооружении жилищ были широко использованы крупные кости мамонта и рога северного оленя, а иногда и каменные плиты. В скоплениях костей на месте развалов таких жилищ, как в Мезине, Гонцах, Добраничевке и др., наиболее крупные кости (или камни, как, например, в Гагарино и Мальте) располагались по внешнему краю, нередко находясь в вертикальном положении или даже частично будучи вкопанными в землю. Внутри таких скоплений, как правило, находились более мелкие кости мамонта и особенно много рогов северного оленя.

Близкие к мезинскому по форме, размерам, устройству и использованию костей мамонта при сооружении стен также жилища некоторых позднепалеолитических стоянок Чехословакии, как, например, Павлов в Моравии¹⁰ и Петржиковицы в Остравской области¹¹.

По краю пола одного из жилищ в Павлове, подобно Гонцам, при раскопках также были обнаружены наклонные ямки от жердей деревянного каркаса, сходившихся над центральной частью жилища¹². Стоянка Павлов имеет с Мезинской стоянкой и ряд других близких признаков (костяные изделия, находки нерасчененных скелетов волков, временные очаги в жилищах и т. п.).

¹ И. Г. Шовкопляс, Добраничевская палеолитическая стоянка, КСИИМК, в. 59, стр. 33—35; его же, Раскопки позднепалеолитической стоянки на р. Супое, КСИА, в. 4, К., 1955, стр. 152—154.

² М. В. Воеводский, Результати робіт Деснянської експедиції 1936—1938 рр., Палеоліт і неоліт України, т. I, К., 1949, стр. 44.

³ И. Г. Шовкопляс, Жила Супоневської палеолітичної стоянки, «Археологія», т. V, К., 1951, стр. 131—134.

⁴ К. М. Поликарпович, Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г., СА, V, стр. 287—289.

⁵ Сообщение К. М. Поликарпова.

⁶ С. Н. Замятин, Раскопки у с. Гагарино, Палеолит СССР, ИГАИМК, в. 118, стр. 33—40.

⁷ М. М. Герасимов, Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте, Палеолит СССР, ИГАИМК, в. 118, стр. 115—117.

⁸ А. П. Окладников, Палеолитические жилища в Бурети, КСИИМК, в. X, стр. 16—31.

⁹ К. М. Поликарпович, Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий верхнего Приднепровья, Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, в. VI, М.—Л., 1934, стр. 76 и 77.

¹⁰ В. Клим, Přínos nové paleolitické stanice v Pavlově k problematice nejstarších zemědělských nástrojů, Památky archeologické, Ročník XLVI, 1955, Číslo 1, Praha, стр. 12—13, 16, 26.

¹¹ В. Клим, Výsledky archeologického výzkumu na táborešti lovců mamutů v Petřkovicích, okr. Ostrava v roce 1952 a 1953, Časopis Slezského muzea (Acta Musei, Silesiae), IV, 1955, Opava ČSR, стр. 6—7.

¹² В. Клим, Přínos nové paleolitické stanice v Pavlově..., стр. 14 и 26.

Вместе с тем, кроме многих общих признаков, жилища некоторых из перечисленных выше стоянок имеют и свои особые отличительные черты. Чаще всего они сводятся к наличию в них небольших внутренних углублений, делающих их своего рода полуземлянками (например, в Гагарино). Другие имеют иную форму в плане (например, четырехугольную в Мальте, близкую к овальной в Павлове, Петржиковицах, вероятно, удлиненную в Бердыже и Елисеевичах и т. п.). Учитывая эти различия, по ряду общих признаков (по размерам и использованию костей животных при сооружении наземных частей) близко к мезинскому, гонцовскому и добраничевскому жилищам могут быть поставлены также жилище Тельманской стоянки¹ и землянка А на стоянке Костенки I² на Дону.

В свете новых раскопок в Мезине и раскопок Добраничевской стоянки, а также на основании приведенных здесь многочисленных примеров из других стоянок Европы и Сибири имеется возможность говорить о том, что для позднего палеолита были характерны преимущественно небольшие наземные или полуземляночные (вернее частично углубленные) жилища.

Нам кажется, что под этим углом зрения в настоящее время необходимо пересмотреть и вопрос о больших жилищах типа Костенок I³ и Авдеева⁴, длинного жилища Костенок IV⁵ и близкого к нему тройного жилища в Пушкарях I⁶.

Учитывая крайне низкий уровень строительной техники позднепалеолитического времени и отсутствие сколько-нибудь прочных строительных материалов, сооружение таких огромных жилищ, часто площадью в несколько сот квадратных метров, практически было делом совершенно невозможным. Вероятно, в развалих таких больших «жилищ» следует усматривать остатки комплексов небольших жилищ типа мезинских, гонцовских и добраничевских, располагавшихся рядом, одно возле другого, и образовывавших небольшие, густо застроенные поселения.

---

¹ П. П. Ефименко, Первобытное общество, стр. 326—327.

² П. П. Ефименко, Из материалов палеолитического поселения Костенки I. Землянка А, СА, XI, стр. 113—126.

³ П. П. Ефименко, Первобытное общество, стр. 425—429.

⁴ А. Н. Рогачев, Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм в 1949 г., МИА, № 39, стр. 137—191.

⁵ А. Н. Рогачев, Остатки первобытно-общинного жилища верхнепалеолитического времени у с. Костенок на Дону, СА, XVI, стр. 100—119.

⁶ П. И. Борисковский, Палеолит Украины, стр. 183—194, 197—202 и др.

ТРИПОЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ОКРЕСТНОСТЯХ ЛУКИ-ВРУБЛЕВЕЦКОЙ

С. Н. БИБИКОВ

В 1953 г. были продолжены работы Средне-Днестровской экспедиции в районе Каменца-Подольского¹.

Возобновление полевых работ по изучению памятников триполья в этом районе имело своей целью выявление местных, локальных черт отдельных вариантов культуры ранних земледельческо-скотоводческих племен, хронологизацию и синхронизацию памятников их материальной культуры.

В окрестностях раннего трипольского поселения у с. Луки-Врублевецкой изучались два трипольских памятника: Лука-Врублевецкая II и Лука-Врублевецкая III.

Первый из них (Лука-Врублевецкая II) располагается на высоком плато левого коренного берега Днестра, в 3—3,5 км к северо-западу от с. Луки-Врублевецкой и почти напротив правобережного хутора Макаровки. Здесь обнаружено много обломков керамики, несколько кремневых отщепов, сланцевая «мотыжка». Керамический комплекс состоит из кухонной и столовой посуды. Кухонная представлена обычными для триполья Поднестровья формами горшков и корчаг, украшена простой орнаментацией в виде ногтевых оттисков, ямок, налепов. Столовая посуда по найденным обломкам еще не дает представления обо всех формах сосудов, бытовавших у населения этого поселка. Пока можно говорить о мисках и горшочках. Орнаментация на столовой посуде, как всегда бывает, более сложная и разнообразная, причем отмечается орнаментация двух типов — расписная и прочерченная. Расписная орнаментация в свою очередь бывает двух видов — полихромная и монохромная. И та, и другая передают различные криволинейные построения, в том числе и спиралевидные. Судя по предварительным сопоставлениям, расписная орнаментика из Луки-Врублевецкой II стоит близко к орнаментике из Кадиевец, Кудринцов и Поливанова Яра. Прочерченная орнаментация в комбинации с ямками обнаруживает черты разительного сходства с раннетрипольской. Сходство это еще больше усиливается, когда зональное расположение ямок сочетается с круговыми канелюрами, идущими по полированной поверхности сосуда. В самих прочерченных криволинейных построениях тоже наблюдается близкое сходство их с раннетрипольскими. В целом трипольский комплекс Луки-Врублевецкой II может быть датирован развитым трипольем, при этом его ранней фазой, когда еще живы ранние традиции в керамическом производстве, а возможно, и в изготовлении каменных орудий (имеем в виду сланцевую «мотыжку»).

¹ В 1953 г. работал лишь один отряд экспедиции в составе автора, Т. Д. Белавинской, М. А. Тихановой, Е. И. Силенок и др. Отрядом изучались памятники трипольской культуры и раннеславянского времени. Настоящее сообщение посвящено результатам работы на памятниках трипольской культуры.

По условиям местонахождения близкую картину дает другое трипольское поселение — Лука-Врублевецкая III. Располагается оно в 0,5 км от восточного края с. Луки-Врублевецкой, на небольшом склоне плато высокого левого берега Днестра в урочище Глубокий Яр. Остатки его довольно сильно повреждены распашкой. На плато встречается много кусков обмазки и обломков керамики. На поселении была раскопана одна площадка. В северной ее половине наблюдалось скопление сильно обожженных плиток и вальков. Есть основания предполагать, что здесь находилась печь. Возле этого скопления отмечено небольшое количество керамических обломков. В одном месте у края площадки был найден крупный обломок биконического сосуда, в ряде других мест — обломки керамики с прочерченным узором или еще чаще без орнамента. Расписной керамики на площадке и среди подъемного материала не встречено. Что касается керамики с прочерченным орнаментом, то ее можно сопоставить с позднетрипольской керамикой Киселевки или Подзамчья около Каменца-Подольского. Простые криволинейные построения, редко передающие сложные ритмические узоры, составляют обычный орнаментальный мотив, нанесенный на поверхность сосуда довольно широким желобком. Судя по росписи и орнаментике, поселение Лука-Врублевецкая III может быть отнесено к позднему этапу триполья.

Таким образом, на основании даже предварительного анализа археологического материала, добывшегося в районе Луки-Врублевецкой, уже можно выявить три фазы развития трипольской культуры.

Второй пункт, где производились раскопки, находится в 10—12 км к западу от Луки-Врублевецкой. Пункт этот также расположен на левом берегу Днестра между сс. Большая Мукша и Устье. Здесь М. И. и И. М. Фишельевы в обрезе берега, подмыаемого рекой, обнаружили в урочище Лука-Устинская остатки поселения.

Поселение в Луке-Устинской располагалось на первой надпойменной террасе, представляющей собой обширную площадку, окаймленную возвышенностью коренного берега. Площадка обрывается 6-метровым уступом к Днестру. В обрезе берега ясно заметны остатки трех рядом расположенных глинобитных жилищ (площадок). Расстояние между площадками не превышает 3—4 м. Близость расположения жилищ составляет, видимо, характерную черту трипольских прибрежных поселений (Лука-Врублевецкая, Журы, Попенки). Все три площадки перекрываются суглинистым слоем в основном делювиального происхождения. Жилища расположены на одном уровне и отвечают одному и тому же периоду существования поселения.

Нами были раскопаны две площадки. Конструкция первой из них, размерами 9 × 4 м, простая, однослойная. Примерно в центре площадки, с некоторым смещением к северо-западу, располагалась печь. Место печи можно определить по сильному обжигу обмазки и плохо сохранившимся остаткам пода. Инвентарь, собранный на поверхности площадки, в общем, беден. Здесь встречена зернотерка, один растиральный камень, два обломка пришлифованных камней. Кроме того, здесь же найдены два кремневых концевых скребка и несколько костей животных. В западной половине площадки был обнаружен обломок крупного сосуда с округлыми стенками и широкой горловиной. Поверхность сосуда покрыта орнаментом в виде заштрихованных лент, косых параллельных линий, овала. Орнамент по своему исполнению и построению весьма близок к ранней трипольской орнаментации. Впрочем, и другие разрозненные черепки, встреченные на площадке, также с полным основанием могут быть отнесены к группе ранней трипольской керамики.

Вторая площадка, несколько меньшая по размерам (7 × 4 м), расположенная рядом с первой, находится в совершенно тех же условиях залегания и в конструктивном отношении вполне аналогична первой. Лишь одна конструктивная деталь отличает вторую площадку от первой

и, вероятно, от следующей, третьей. В восточном углу второй площадки хорошо прослежена яма. Она имеет неправильный контур, крутые стенки и отлого понижающееся с запада на восток дно. Яма уцелела частично, видимо, половина ее смыта Днестром. Глубина ямы около полутора метра, ширина около 1,70 м. В заполнении ямы обнаружены культурные остатки двух разновременных эпох: позднеславянского времени и трипольской культуры. К первой относится погребение, занимающее верхний отдел ямы. Тут встречены череп и другие кости скелета человека, а также кости лошади. Это впускное захоронение отмечалось на поверхности группой каменных плиток и одной прямоугольной, вертикально стоящей плитой, перекрытой позднейшими наносами. О возрасте впускного погребения можно судить по керамическому обломку пепельно-серого цвета от сосуда, сделанного на гончарном круге, который был найден среди могильных плиток. В нижнем отделе заполнения ямы встречены мелкие обломки сосудов трипольского возраста, нуклеусы и несколько кремневых отщепов. Самый нижний отдел ямы заполняет пласт раковин *Upio*. Слой раковин имеет толщину более 50 см. Нет сомнения в том, что эта яма не являлась мусорной ямой. Против такого предположения говорит прежде всего ее местоположение, если частично и не в самом жилище, то рядом с ним. Раковины, находящиеся в яме, как бы отсортированы и в толще своей содержат очень мало других археологических остатков. Вполне возможно, что здесь мы имеем дело со специальным запасом раковин, так как известно, что они широко применялись в быту у трипольцев — в качестве поделочного материала для украшений, в качестве примеси в раздробленном состоянии в керамическое тесто и даже для устройства вымосток пола в полуzemляночных помещениях.

Возможно, что в яме на второй площадке сохранялся зимний запас раковин на то время, когда добыча их затруднена. Вероятно также, что яма эта содержала запас раковин, находившихся в коллективном владении у населения всех трех жилищ. Это могло быть так потому, что вблизи первой и третьей площадок следов ям вообще не отмечено.

Находки скоплений раковин в яме не являются для триполя редким явлением. Такие находки ям с раковинами или раковинных куч не раз отмечались в литературе. Обычно эти скопления рассматриваются как кухонные отбросы. В связи с находкой ямы с раковинами на поселении в с. Устье хотелось бы пересмотреть этот вопрос. Вполне вероятно, что если не все, то, может быть, большую часть этих находок придется оценить иначе.

Фаунистические остатки, встреченные на площадках и в яме, принадлежат быку, козе, косуле и оленю¹.

Среди находок обращает на себя внимание массивная медная пластинка. Интересен крупный фрагмент костяного рыболовного крючка (стержневая часть), найденный под первой площадкой. Крючок имеет утолщение в верхней части, в котором просверлено отверстие для лески. Судя по размерам стержня (5,5 см) крючок предназначался для ловли крупной рыбы. Он отличается от ранних крючков, найденных, например, в Берново-Луке, наличием отверстия для закрепления лески. На крючке из Берново-Луки отверстие заменяется простыми зарубками. Правда, признак этот (наличие отверстия для лески) не может считаться датирующим, так как в относительно поздних комплексах Винчи (Югославия) имеются рыболовные крючки, снабженные одним—тремя бородками на жальце и не имеющие отверстия для закрепления лески, замененного здесь утолщением головки стержня крючка. То же можно сказать и о медных крючках. Крючок из позднего комплекса Ленгиель

¹ Определение В. И. Бибиковой.

имеет на конце стержня крючка зарубки, а медные крючки из Луки-Брублевецкой, Берново-Луки, Пристерхюгеля, Гумельницы имеют петлю для лески.

Из керамических изделий интересны ручки от ковшиков или ложек. Свободный конец таких ручек имеет треугольные очертания. Находки таких же ручек много южнее, в Голерканах (Молдавия), снабженных к тому же лицевыми признаками, позволяют видеть в этих находках датирующий признак для раннего триполья. Небезинтересны для датировки поселения в Луке-Устинской и обломки женских глиняных статуэток (2 шт.) с прорезными линиями в паху, как на статуэтках из Браги или из Гигэти, то есть на фигурках из ранних трипольских памятников.

В заключение хотелось бы обратить внимание на два вопроса, имеющих отношение к работе Средне-Днестровской экспедиции.

Первый вопрос касается уточнения хронологии раннетрипольских памятников. До сих пор мы определяем их относительную дату по совокупности признаков и не детализируем принадлежность их к более ранним или более поздним фазам раннего триполья. Между тем сейчас уже подбирается материал, дающий возможность расчленить памятники раннего триполья во времени. Мы имеем в виду два типа ранних трипольских памятников, содержащих аналогичный производственный и хозяйственный инвентарь и не отличающихся по типам жилищ. В одних случаях на поселениях имеются полуземляночные жилые сооружения, но нет глинобитных жилищ (Лука-Брублевецкая, Озаринцы, Берново-Лука). В других — имеются глинобитные жилища, но пока не выявлены полуземлянки (Лука-Устинская). В Ленковцах Е. К. Черныш как будто удалось стратиграфически выделить два раннетрипольских пласта — более ранний с полуземлянками и более поздний с глинобитными постройками, при тождестве археологического инвентаря. Это явление отмечалось нами на одном из раскопов в Луке-Брублевецкой, но в менее ясно выраженной форме. Более того, даже по косвенным данным, как, например, определениям фауны (хотя, конечно, это менее надежно) удается отделить ранние комплексы от поздних в пределах раннего триполья. Т. С. Пассек, например, не без основания считает, что Берново-Лука памятник более ранний, чем Лука-Брублевецкая. Общее же направление, по которому развивалось домостроительство в триполье, видимо, шло от сооружения полуземляночных жилищ к глинобитным. На этапе ранней фазы развитого триполья, вероятно, имело место существование полуземляночных жилищ с глинобитными (Владимировка, Солончены), а затем главенствующими формами домостроительства становятся глинобитные сооружения. Исходя из этого, поселение в Луке-Устинской, вероятнее всего, относится к поздней фазе раннего триполья.

Везде ли в области распространения трипольской культуры имел место один и тот же путь развития домостроительства? На этот вопрос пока ответить трудно. Возможно, что в общем процесс смены форм домостроительства был единым, но не одинаковым во времени. На юге, быть может, землянки раньше утратили свое значение, чем на севере. Конкретное изучение этого вопроса может иметь существенное значение и для проблемы синхронизации трипольских памятников.

Второй вопрос касается изучения трипольских поселений под углом зрения сохранности и причины их гибели. Уже обращалось внимание на тот факт, что некоторые трипольские поселения имеют признаки, свидетельствующие о быстром оставлении их обитателями. Жилища носят следы пожара, на полу находятся обломки сосудов, разбитые женские фигурки. Создается впечатление, что жилища были оставлены поспешно вследствие какого-то бедствия. Обитатели этих жилищ захватили только то ценное, что можно было унести с собой. Внимательная оценка фактов

показывает, что явления поспешного оставления жилищ характерны только для памятников развитого триполья, причем на очень широкой территории. Например, Коломийщина I (Обуховский район, Киевской области), Журы (Рыбницкий район, Молдавской ССР), ряд местонахождений в бассейне Быстрицы (Румыния). Все известные сейчас памятники раннего триполья не дают картины поспешного оставления их (Лука-Брублевецкая, Берново-Лука, Голерканы, Ленковцы, Лука-Устинская, местонахождения Побужья). В жилищах на раннетрипольских поселениях в основном встречаются вышедший из обихода инвентарь или случайно оброненные и затерянные предметы. Анализ столь загадочного и интересного явления обещает выяснить причину массовой гибели трипольских поселений. С другой стороны, массовое изучение по этапам развития триполья памятников этого времени с учетом сохранности их может дать важные результаты и для проблемы их хронологизации. В этом плане работа только еще начата, и успех ее может быть обеспечен лишь коллективными усилиями исследователей.

МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ БАССЕЙНА р. СОБ

П. И. ХАВЛЮК

(Гайсин)

Соб — один из левых притоков Ю. Буга — имеет длину около 100 км. Уже в среднем течении он достаточно полноводен. В далеком прошлом берега этой реки были густо заселены. Участники кружка краеведов¹ Дома пионеров г. Гайсина организовали археологическое изучение бассейна р. Соба, в результате которого были обнаружены следующие археологические памятники (рис. 1).

Поселения трипольской культуры

У с. Улановки, Ильинецкого района, Винницкой области, на краю плато правого берега р. Соба была обнаружена керамика с бороздчатым орнаментом, покрывающим всю поверхность сосудов (табл. I, 1). Бороздки заполнены белой массой. Много собрано керамики с мелким гребенчатым орнаментом на ребрах каннелюр (табл. I, 2). На месте поселения были найдены также кости животных. Культурный слой толщиной до 1 м залегает на глубине 0,15—0,20 м от современной поверхности. Площадь поселения 100 × 200 м. Датируется поселение временем раннего (А) этапа триполья².

На юго-восточной окраине с. Борисовки, Ильинецкого района, в 2 км от ранее исследованного трипольского поселения, было обнаружено поселение позднего этапа (С₁) триполья с красноглиняной керамикой, покрытой монохромной (черной) росписью.

В 2 км на юго-восток от с. Вербовки, Дащевского района, на краю плато в обрыве обнаружен культурный слой толщиной до 2 м. В верхней части этого слоя залегает керамика, изготовленная из красной, желтой и, редко, белой глины, зачастую покрытая монохромной росписью коричневого или черного цвета (табл. I, 3). В нижней части культурного слоя собрана керамика иного типа — темно- и светлокоричневого цвета с примесью песка и слюды. При зачистке слоя были найдены также изделия из кремня (пластины, скребки, треугольное острие), четыре глиняные женские фигурки, ручка черпака в виде головы птицы, фигурка кабана. В разрезе карьера, находящегося на площади поселения, на глубине 2 м от современной поверхности в слое золы найдены пять пти-

¹ Следует отметить активное участие в работе кружка учеников Виктора Бланка, Владимира Голутвы, Владимира Гопака, Валентины Передерий.

² Вся периодизация трипольских поселений дается по работе Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, МИА, № 10

щеподобных фигурок, а также изображение змеи. Есть основание утверждать, что культурный слой на поселении у с. Вербовки является напластованием двух этапов триполья.

На правом берегу р. Собы у с. Рахны на уступе надпойменной террасы найдены фрагменты керамики, характерные для раннего (А) этапа триполья. Выше на склоне плато, в 300 м от этого поселения, найдены остатки поселения позднего этапа триполья.

На северной окраине с. Гунчи, Гайсинского района, в стенках бывшего противотанкового рва были собраны фрагменты керамики с углубленным (табл. I, 4) и каннелированным штампом. На поселении встре-

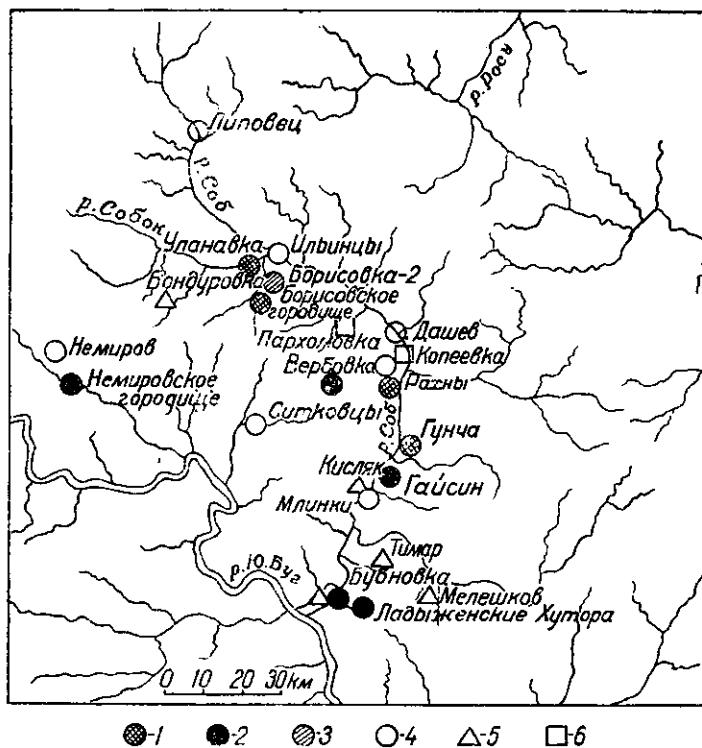

Рис. 1. Археологические памятники бассейна р. Соба.
1 — поселения трипольской культуры этапа А; 2 — поселения трипольской культуры этапов В₁—В₂; 3 — поселения трипольской культуры этапа С; 4 — поселения позднего этапа существования трипольской культуры; 5 — поселения культуры по-лей погребений; 6 — поселения времени Киевской Руси.

чается зола, мелкие кости животных. Найден кремневый наконечник стрелы. Датируется поселение ранним (А) этапом триполья.

На левом берегу р. Собы, в северной части с. Кисляка, Гайсинского района, на надпойменной террасе найдены фрагменты керамики с углубленным орнаментом. Поселение можно датировать средним (В₁—В₂) этапом триполья.

На северо-восток от с. Бубновки, того же района, на левом берегу р. Собы, на плато собраны многочисленные фрагменты керамики с монохромной росписью черного цвета, углубленным и ямочным орнаментом (табл. I, 6). Кроме керамики, найдены 18 кремневых скребков, биконическое глиняное пряслице, клиновидное орудие из гнейса, кремневый наконечник стрелы, гранитная зернотерка, фигурка животного (табл. I, 5). Поселение датируется средним (В₁) этапом триполья.

В центре с. Ладыженские Хутора, Гайсинского района, на плато

обнаружены следы глинобитной площадки. Керамика тонкостенная, серой глины. Поверхность слегка каннелированная, заглаженная и покрыта белой краской. Поселение датируется этапом В₁ триполья.

Памятники культуры полей погребений

На южном склоне плато, в 1 км от с. Тимара, Гайсинского района, обнаружены следы глиняной обмазки жилищ, кружальная (табл. I, 7) и

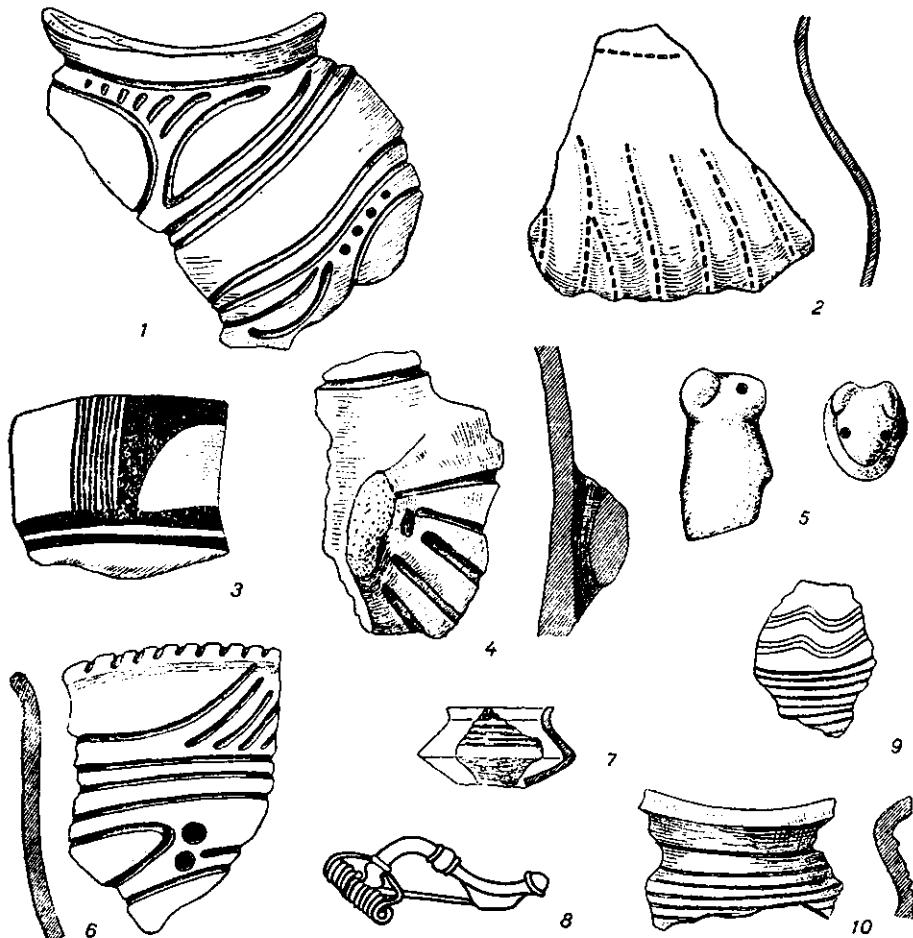

Таблица I. Подъемный материал с трипольских поселений, памятников культуры полей погребений и времени Киевской Руси в бассейне р. Собы.

лепная керамика черняховского типа, бронзовая фибула (табл. I, 8). Площадь поселения 400 × 200 м. Поселение датируется III—IV вв. н. э.

У хут. Млынок, того же района, на площади 700 × 200 м собрана кружальная керамика серого цвета (горшки, миски, чаши и т. д.). Поселение датируется III—IV вв. н. э.

На юго-восточном склоне оврага у с. Мелешкова, Гайсинского района, собрана керамика, аналогичная керамике Тимарского поселения.

На третьей террасе левого берега р. Собы у с. Бубновки найдена керамика черняховского типа. Площадь распространения находок 300 × 50 м.

На склоне левого берега ручья у с. Бондурочки, Немировского района, обнаружены фрагменты лепной посуды черняховского типа. Характерно отсутствие лощеной керамики.

Славянские поселения времени Киевской Руси

В 1 км от с. Пархомовки, Дащевского района, на склоне высоты, у ручья Васильевка, собрана толстостенная лепная керамика. Орнаментация состоит из 4—5 параллельных линий, иногда волнистых. Типы посуды представлены горшками, сковородками с низкими краями. Венчики горшков слабо загнуты, некоторые совсем прямые, в верхней части закругленные.

На склоне третьей террасы правого берега р. Собы у с. Копеевки, того же района, на протяжении 800 м была собрана толстостенная лепная керамика, украшенная волнистыми параллельными линиями (табл. I, 9), а также кружальная керамика (табл. I, 10).

В 1928 г. в 2 км от этого поселения был найден клад¹. Очевидно, этот клад имеет отношение к славянскому поселению у с. Копеевки.

---

¹ Н. Лінка-Геппенер, Копіївський скарб, «Археологія», т. II, К., 1948, стр. 182—191.

РАЗВЕДКИ ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ В СТЕПНОМ КРЫМУ

Ю. Г. КОЛОСОВ

Степная часть Крыма стала привлекать внимание археологов лишь недавно. Археологические разведки в степных районах, проводившиеся Крымским филиалом АН УССР, позволили установить, что степи Крыма были заселены еще в первобытные времена¹. Но вместе с тем в степном Крыму осталось еще много неисследованных районов, одним из которых является Присивашье.

Ровную и однообразную прибрежную полосу приазовских Сивашей в их юго-восточной части почти не прорезают ни овраги, ни балки; здесь протекает лишь несколько речек, которые летом пересыхают. Естественно, что при существующих сейчас физико-географических условиях жизнь первобытного человека в прибрежном районе восточного Сиваша была бы невозможна. Однако 4—5 тыс. лет тому назад гидрография, ландшафт, фауна и флора Присивашья были несколько иными. Это делает понятным наличие здесь стоянок первобытного человека.

Небезынтересно в связи со сказанным привести выдержку из работы большого знатока Крыма Н. Н. Клепинина, относящуюся к исследованному нами району: «Старицы, участки заболоченных почв, близость хорошей грунтовой воды вблизи этого старого русла так же хорошо рассказывают историю всей этой низины, как старицы Салгира и Биюк-Карасу, расположенные северо-западнее. Обилие камышей также позволяет составить себе представление, что в более раннее время здесь было много заболоченных мест, что вдоль Карасу были широкие плавни, от которых сейчас остались заливные луга и обогащенные перегноем луговые почвы, к югу переходящие в черноземовидные. Исторические данные не противоречат такой картине. Старожилы рассказывали, что в обширных камышовых зарослях близ совхоза Томак водились 70 лет тому назад дикие лошади тарпаны»².

Археологические разведки, предпринятые в июне 1955 г. в юго-восточном отрезке приазовских Сивашей, начались с посещения обнаруженной еще в 1952 г. стоянки катакомбной культуры невдалеке от устья Салгира³. Далее маршрут проходил вдоль берегов Сиваша на юг и за-

¹ П. Н. Шульц, О комплексных историко-археологических и палеогеографических исследованиях в Северном Крыму, Изв. Крым. отдела Географ. о-ва СССР, в. 2, Симферополь, 1953, стр. 115 сл.; его же, Работы Северо-Крымской экспедиции, КСИА, в. 4, К., 1955, стр. 97; Ю. Г. Колосов, Археологические исследования в степном Крыму, Изв. Крым. отдела Географ. о-ва СССР, в. 4, Симферополь, 1956; А. А. Щепинский, Археологические разведки в долине р. Салгира, там же, в. 3, Симферополь, 1954, стр. 81 сл.

² Н. Н. Клепинин, Почвы Крыма, 1935, стр. 20, 21.

³ Ю. Г. Колосов, Археологические разведки в степной части Крыма, КСИА, в. 4, К., 1955, стр. 129.

вершался берегами Алексеевской засухи (рис. 1). Дополнительные сборы подземного материала со стоянки близ устья Салгира и шурфовка дали кремневый и керамический материал.

Среди кремней, в большинстве отщепов и сколов, выделяются рассеченные ножевидные пластинки и одна заготовка вкладыша (табл. I, 26). Из фрагментов керамики, чаще со штриховкой с внутренней стороны, выделяются обломки со слегка отогнутыми наружу или прямыми венчиками. Некоторые фрагменты имеют орнамент врезными пунктирными линиями, параллельными (табл. II, 1, 2) и резными вертикальными линиями.

Как показали разведочные раскопки (шурф 2×2 м), стоянка почти вся полностью размыта. Остался лишь местами культурный слой толщиной 5 см. В шурфе найдено несколько неорнаментированных фрагментов керамики и кремневых отщепов и свыше 100 расколовых, частично обожженных костей. Значительный процент костей относится к жвачным животным.

Небольшая, сильно размытая стоянка обнаружена на дне пересохшего залива Сиваша, в 2 км к востоку от с. Белый Кош. На дне пересыхающего, но еще влажного залива, покрытого белым налетом кристаллов соли, были собраны фрагменты керамики и кремни. Среди фрагментов грубой лепной, плохо обожженной керамики, часто заглаженной гребенкой с обеих сторон, найдено несколько обломков отогнутых наружу венчиков и обломок с орнаментом в виде елочки, выполненной веревочным штампом, окаймленным с боков параллельными желобками (табл. II, 3). На этом же фрагменте сохранилась часть круглого отверстия, которое было проделано при древней реставрации горшка.

Помимо отщепов и сколов, иногда с ретушью по одному краю, были найдены сечения пластинок с ретушью, фрагмент наконечника стрелы (табл. II, 7), скребки на отщепах, скребок нуклевидный и скол с нуклеусом. Найдены также каменные шлифованные орудия из диорита: половина топора с цилиндрическим отверстием посередине (табл. II, 6) и небольшой фрагмент орудия, три сходящиеся грани которого хорошо отшлифованы.

Стоянка относится к катакомбной культуре.

Третья стоянка эпохи бронзы была обнаружена в 2 км к востоку от с. Черный Кош. Протяженность стоянки, расположенной на обрывистом берегу, составляет 75 м. На запад, в степь, стоянка распространяется примерно на 10—15 м.

В оплавинах берегового обрыва высотою до 2—2,5 м были собраны фрагменты лепной посуды, кремень и кости животных. Керамика плохо обожжена, с заглаженностью гребенкой на внутренней и внешней сторонах.

Среди фрагментов орнаментированной посуды встречаются обломки с валиком, украшенным косыми насечками, вдавленными ямочками, обрамленными двумя желобками, или просто с параллельными желобками (табл. II, 4, 8, 9) и веревочным штампом, так называемым гусеничным орнаментом. Среди керамики попадаются обломки амфор средневекового времени.

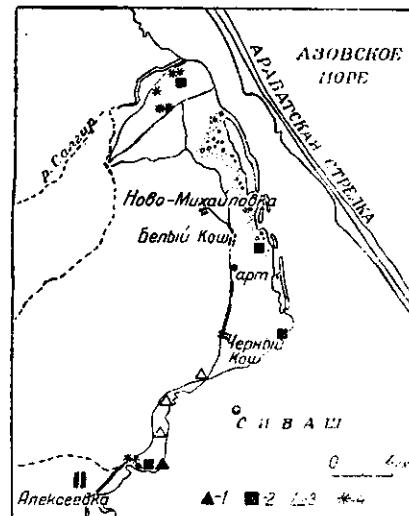

Рис. 1. Схематическая карта района Присивашья. 1 — стоянки неолитического времени; 2 — стоянки эпохи бронзы; 3 — отдельные находки; 4 — курганы.

В береговом обрезе, на глубине 10 см от дневной поверхности, было найдено рубящее орудие дисковидной формы из кремня плохого качества. Два края орудия, заостренные сколами, имеют выщербины. Кроме того, среди кремней выделяются: наконечник стрелы, концевой скребок, сечения пластинок, фрагмент тщательно обработанного и отполированного серпа или ножа (табл. I, 11, 27, 28).

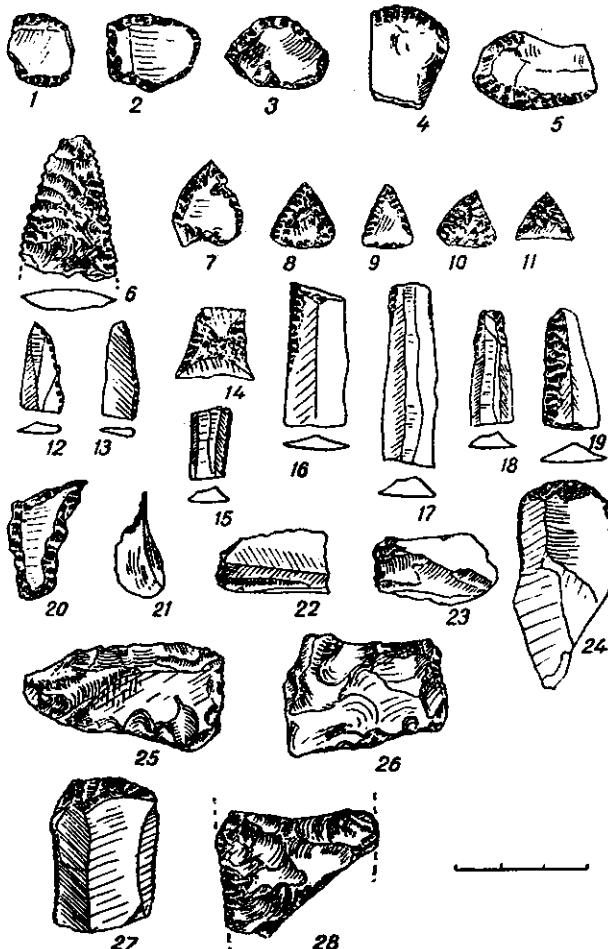

Таблица I. Кремевые орудия из стоянок Присивашья.

Эту стоянку, судя по керамическому материалу, можно отнести к концу катакомбного времени.

На расстоянии 2—5 км на юго-запад от стоянки Черный Кош из низких размытых берегах Сиваша часто встречаются кремни. Здесь найден обломок наконечника дротика с пильчатыми краями и струйчатой ретушью (табл. I, 6).

Интересная стоянка, давшая значительно больший подъемный материал, находится южнее, на мысу, в районе Алексеевской засухи. Мыс возвышался в июле месяце над уровнем вод Сиваша на 2—2,5 м. Отметим попутно, что здесь, на расстоянии 50—200 м от залива, находятся 8 курганов, расположенных цепью один за другим, от 0,6 до 6 м высотой.

Подъемный материал на стоянке был собран как в оплавившем обрыве берега (большинство находок), так и на задернованном плато между берегом и курганами.

На стоянке найдены кремни и фрагменты лепной, плохо обожженной посуды. Кремневый материал можно разделить на два комплекса: неолитический и эпохи бронзы. К орудиям неолитического времени относятся маленькие скребки округлой формы и концевые скребки на коротких отщепах (табл. I, 1—5) и серия ножевидных пластинок и их сечений в количестве 40 штук. Некоторые ножевидные пластинки имеют частичную краевую ретушь (табл. I, 15—19). Две пластинки со скосенным краем (табл. I, 12, 13), одна трапеция со струганной спинкой (табл. I, 14), две проколки (табл. I, 20, 21), четыре вкладыша (табл. I, 22, 23).

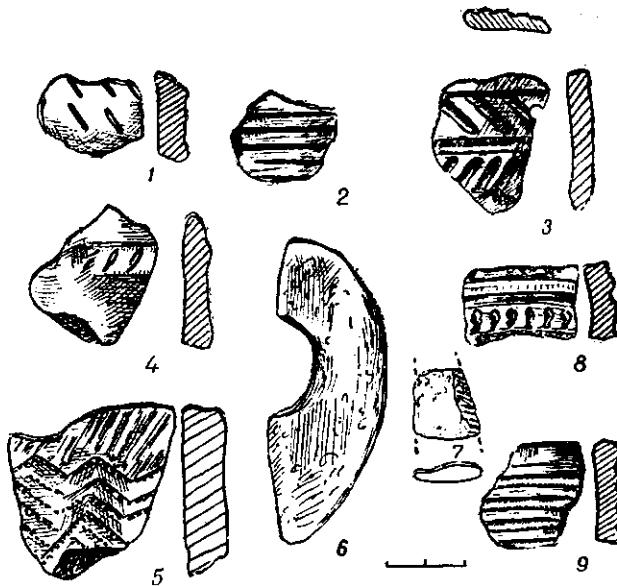

Таблица II. Подъемный материал из стоянок Присивашья.

изготовленных из сечений ножевидных пластинок, и наконечники стрел также могут быть отнесены к неолиту. Особый интерес представляют кремневые наконечники стрел из тонких и прозрачных отщепов белого и желтоватого цвета. Все четыре наконечника имеют треугольную форму. Основание у трех из них слегка выпуклое, а у четвертого — с неглубокой выемкой (табл. I, 7—10). Прямые аналогии таким наконечникам в Крыму указать пока трудно. Они предназначались, вероятно, для охоты на птиц. Кремни, предположительно относящиеся к эпохе бронзы, более массивны. Среди них выделяются концевой скребок и вкладыш (табл. I, 24, 25).

Керамические находки на этой стоянке крайне фрагментарны. Выделить из них керамический комплекс, относящийся к неолиту, трудно. Найденные фрагменты посуды скорее относятся к эпохе бронзы. Один из обломков — с орнаментацией рядами ломанных линий, выполненных гребенкой. На внешней и внутренней поверхности имеется заглаженность гребенкой. Толщина стенки 1,3 см (табл. II, 5). Большинство фрагментов без орнаментации также имеет штриховку с внутренней, а иногда и с внешней стороны. Венчики то слегка отогнуты наружу, то прямые. Найден обломок плоского днища. Фрагмент с гребенчатым орнаментом, может быть, относится к концу ямного, началу катакомбного времени, т. е. рубежу III—II тыс. до н. э.

Разумеется, предложенное деление подъемного материала носит еще предварительный характер. Провести более четкую классификацию находок можно будет лишь после раскопок стоянки, которая может оказаться двуслойной. Возможно, что разновременные стоянки размещены

лись на разных участках территории мыса, занимающего сравнительно большую площадь.

Археологическая разведка охватила лишь юго-восточную прибрежную часть Сиваша. На неразведанных участках берега к северу, а также к югу от места работ 1955 г., несомненно, будут обнаружены новые стоянки эпохи неолита и бронзы.

Обследование свидетельствует о значительной заселенности береговой полосы Сиваша с первобытных времен. Собранный кремневый материал со стоянки Алексеевская засуха еще раз подтверждает наличие неолитических стоянок в степной части Крыма¹.

---

¹ В упоминавшихся выше наших статьях мы отмечали лишь отдельные неолитические находки в степном Крыму.

РАСКОПКИ ОЛЬВИИ В 1955 г.

Л. М. СЛАВИН

Основными задачами раскопок 1955 г. являлось дальнейшее изучение: 1) центральной части Верхнего города — агоры (участок *E*) и примыкающих к ней с севера городских кварталов (участок *АГД*); 2) южной части Верхнего города, там, где в догетскую эпоху находился акрополь, а в первых веках н. э. — цитадель (участки *L* и *M*); 3) ольвийской периферии.

При раскопках агоры (Е. И. Леви и А. Н. Карасев) удалось соединить в одну большую площадь северный раскоп с обнаруженными в нем культурными сооружениями с северо-восточным раскопом, на котором в предшествующие годы были открыты водоем и общественное здание.

Из строительных остатков, открытых в 1955 г., следует прежде всего назвать восточную ограду священного участка, представлявшую собой каменную стену V — начала IV в. до н. э. Участок, находившийся к востоку от этого места, был чуть выше остальной части агоры. Возможно, что и вся восточная сторона агоры несколько возвышалась над всей остальной площадью.

При раскопках района, прилегающего к храму IV в. до н. э., был сделан ряд находок, снова указывающих на то, что этот храм был посвящен Аполлону Дельфинию (посвятительные надписи на мраморной плите, крае лутерия, сосудах).

К западу от этого храма был открыт небольшой жертвенник V в. до н. э. в виде прямоугольной площадки, несколько приподнятой над уровнем полевки. Все это значительно расширяет наши представления об ольвийских культурах.

Одним из наиболее интересных памятников, открытых в 1955 г., является цистерна, расположенная к югу от храма, круглой формы, глубиной 8 м, вырытая в материке. Верхний диаметр цистерны равен 1,5 м, нижний — 3 м. Стены ее были покрыты слоем известковой массы, толщиной от 1 до 3 см. В заполнении цистерны было большое количество находок, носивших характер выброса. До глубины в 4 м шел мешаный материал. С 4 м цистерна была заполнена только эллинистическими находками, среди которых было найдено около 100 целых и примерно 1000 фрагментов терракот, относящихся ко времени от IV до II в. до н. э. Среди них первое место занимают изображения Кибелы, затем промоты Афродиты или Деметры, изображения крылатого гения, Аполлона и др. Довольно много встречено терракотовых изображений быков. Здесь же были найдены и некоторые формы: одного из вариантов Кибелы (с которой точно складываются несколько терракот) и ряд обломков еще не определенного изображения.

Из других находок отметим глиняные алтарики прямоугольной формы (высотой 7—8 см), с рельефными изображениями на всех четырех сторонах. К востоку от храма обнаружен подобный же выкид: здесь было

больше 100 терракотов — целых экземпляров и обломков, в основной своей массе однотипных с найденными в цистерне. Здесь находилась целая форма для изготовления изображений девушки, играющей на кифаре, а также два обломка других форм. На ряде терракотов, найденных в обоих пунктах, имеются следы раскраски.

Такого большого количества терракотов еще ни разу не находили ни в Ольвии, ни в других городах Северного Причерноморья. Терракоты являются продукцией преимущественно ольвийских мастеров. Мастерская, повидимому, находилась на самой агоре. Выкид этих терракотов из храмов и святилищ произошел во II в. до н. э., вероятно, потому, что вместо одних божеств стали почитаться другие божества.

Из других находок следует отметить несколько обломков декретов о проксении, в частности одну в честь орхоменца из Аркадии IV в. до н. э.

В 1955 г. удалось выяснить, что средняя часть Верхнего города (лежащая к северу от цитадели послегетской эпохи), на которой в первые века н. э. находились производственные предприятия, хозяйствственные сооружения и различного рода хранилища, была ограждена рвом, шедшим с востока на запад по линии небольшой балки, расположенной в нескольких десятках метров к югу от так называемого Зевсова кургана. В 1955 г. ров открыт на протяжении 8,5 м. Это открытие имеет важное значение для уточнения границ Ольвии в первые века н. э.

Раскопки в другом пункте центральной части Верхнего города — на участке АГД — велись в 1955 г. в северо-восточной его части, к северу, востоку и западу от дома IV—II вв. до н. э. (дом № 3) и комплекса больших подвальных помещений монументального здания V—IV вв. до н. э. (Л. М. Славин и А. И. Фурманская).

Дом № 3 заканчивается на северной стороне двумя жилыми помещениями, построенными не ранее середины III в. до н. э. До того эта часть дома была использована для хозяйственных нужд. Здесь, в частности, находилась большая и глубокая яма, служившая, возможно, для хранения зерна. Полы в обоих помещениях были глинобитные. Северная наружная стена дома, каменная часть которой не сохранилась, покоялась на субструкциях и глинобитной трамбовке.

Под северо-восточными наружными стенами дома № 3 обнаружены каменные кладки, принадлежавшие северо-восточным углам двух других построек более раннего времени — V и IV вв. до н. э., занимавшим данный участок на перекрестке двух улиц. Это является еще одним доказательством возникновения прямолинейной планировки в Ольвии в конце VI — начале V в. до н. э.¹.

Сразу же за домом № 3 и монументальным зданием с большими подвалами открыта новая сравнительно неширокая (около 2,20 м) улица, идущая в направлении с востока на запад. Здесь были выявлены остатки четырех горизонтов черепянных и щебневых вымосток, сменивших одна другую в период от середины IV до начала II в. до н. э.

Раскопки к северу от монументального дома с большими подвалами открыли по другую сторону улицы остатки трех разновременных домов, перекрывавших друг друга. Один из них относится к концу IV—III вв. до н. э. От него раскрыта часть мощных субструктур (до 2 м глубины) для стен, видимо, одного помещения (около 5×4 м). Продолжение субструктур уходит на север, запад и восток, под нераскопанные борта.

От следующего, более раннего дома пока открыта только одна кладка, являвшаяся, повидимому, каменным цоколем для сырцовой стены южной стороны дома. Нижний ее ряд состоит из сравнительно плоских

¹ Б. В. Фармаковський, Розкопування Ольбії р. 1926, Одесса, 1929, стр. 40; В. Д. Блаватский, Искусство Северного Причерноморья античной эпохи, М., 1947, стр. 56—59.

Рис. 1. Участок АГД. Каменный цоколь типа полигональной кладки конца V—IV вв. до н. э.

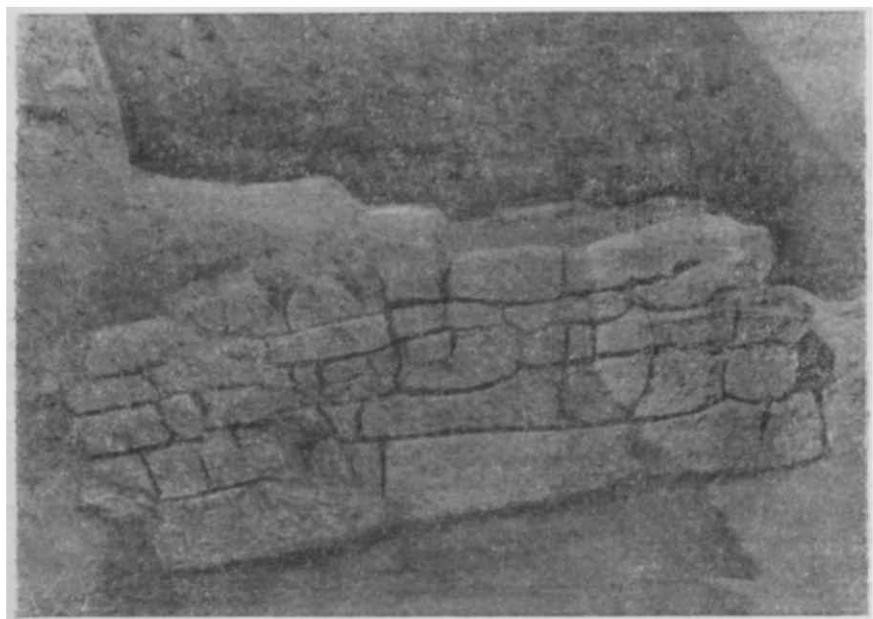

Рис. 2. Участок АГД. Часть каменного цоколя для сырцовой стены жилого дома конца VI — начала V в. до н. э.

плит, положенных плашмя. Над этим возвышаются следующие ряды, состоящие из камней разных размеров, среди которых были треугольные и многоугольные камни (рис. 1). Приемы кладки, стратиграфия и вещественные находки позволяют датировать эту постройку V — началом IV в. до н. э. Эта кладка имеет много общего с так называемой полигональной кладкой, открытой Б. Ф. Фармаковским в 1903 г. с западной стороны дромоса Зевсова кургана¹.

Наконец, от самого раннего дома на этом участке — конца VI — начала V в. до н. э. сохранилась только часть стены, положенной на полевке, не имеющей себе аналогий в Ольвии: обе лицевые ее стороны сложены

Рис. 3. Участок Л. Общий вид двух подвальных помещений здания II—III вв. н. э.

Рис. 4. Участок Л. Глиняный светильник в виде женской ноги, обутой в сандалий.

из небольших камней прямоугольной формы (22×9 ; 22×7 ; $22 \times 28 \times 6$ см), напоминающих большие кирпичи. Верхняя часть стены была сложена из сырцового кирпича, частично сохранившегося на южной стороне цоколя (рис. 2).

Вещественные находки из раскопок участка АГД были весьма многочисленными. Большую ценность имеет целый ряд фрагментов ионийских и чернофигурных, а также ранних краснофигурных сосудов, встреченных при углублении до материка с севера от дома № 3 и в большой яме на площади этого дома. В материале эллинистического времени преобладают обломки амфор, черепицы. Весьма значителен чернолаковый материал, обломки красноглиняной и сероглиняной столовой посуды. Найдены литейная форма, несколько терракотов, единичные металлические изделия. Монет и дельфинов обнаружено более 50.

В 1955 г. было продолжено изучение оборонительных сооружений Ольвии. С этой целью расширялся участок К на Заячьей балке, в 150 м к северу от границы города в первые века н. э. Участок этот впервые был заложен в 1947 г. Работы 1955 г. (К. Э. Гриневич) открыли здесь часть нижнего ряда наружного облицовочного панциря стены из больших, прекрасно отесанных квадров, датируемый концом V — началом IV в. до н. э., а также остатки оборонительной стены III в. до н. э., построенной на глинобитном массиве и субструкции. Здесь же открыты

¹ Б. В. Фармаковський, Розкопування Ольбії р. 1926. стр. 31.

остатки трех водосточных каналов (два — V—IV вв., третий — III в. до н. э.), выводивших из города в балку дождевые воды.

Раскопки на участке Л в центре цитадели первых веков н. э. (Р. И. Ветштейн) продолжили изучение большого здания, находившегося с северо-восточной стороны перекрестка двух улиц. Здание было построено около середины II в. н. э. и просуществовало более 100 лет. От него пока открыты: два смежных, но не сообщавшихся между собой подвальных помещения большой глубины (около 2,50 м), с очень толстыми стенами (0,95—1,15 м). Устройство помещений указывает на какое-то специальное их назначение (рис. 3). Третий подвал, повидимому, жилой, находился в западной части здания.

Из вещественных находок этого участка отметим: обломок мраморной плиты с греческой посвятительной надписью I—II вв. н. э.; обломок ступни мраморной статуи мужской фигуры; глиняный светильник в виде женской ноги, обутой в сандалий (рис. 4); значительное количество краснолаковой посуды. Весьма обилен простой керамический материал — амфорный и столовый, в том числе серолощеный.

На участке М в 1955 г. проводились небольшие раскопки, которые тем не менее дали ценные результаты (К. С. Горбунова). Было закончено раскрытие южной стороны дома V—III вв. до н. э., раскапываемого уже несколько лет в западной части участка: здесь раскрыто помещение подвалом, относящимся ко второму периоду существования дома — IV—III вв. до н. э. Это первый жилой дом догетской эпохи, открываемый на территории акрополя.

Выявлено большое, повидимому, общественное здание, сооруженное в конце VI—начале V в. до н. э. От этого раннего времени на территории акрополя еще не открыто ни одной постройки. Здание перекрыто более поздними постройками, поэтому в 1955 г. удалось выявить только узкую часть северной стороны здания, состоявшей не менее чем из трех помещений, следующих одно за другим с востока на запад (рис. 5).

Наряду с раскопками в самой Ольвии в 1955 г. проводилось изучение и ольвийской периферии.

Были продолжены исследования городища первых веков н. э. у с. Козырки, Очаковского района, в 11 км к северу от Ольвии. Здесь продолжались раскопки большого дома конца I — начала III в. н. э. (А. В. Бураков) с каменными стенами и черепичной крышей. Обращает на себя внимание находка нескольких тысяч фрагментов фресок, исполненных яркими красками по штукатурке, нескольких сот обломков гипсовых карнизов, покрытых лепными украшениями растительного и архитектурного характера, много сотен штук кирпича.

В 1955 г. открыто было под земляными полами помещений еще несколько захоронений детей в амфорах и больших лепных сосудах, носящих ритуальный характер. Ближайшие аналогии им, как и фрескам,

Рис. 5. Участок М. Слева — подвальное помещение IV—III вв. до н. э. В центре — основание северной стены здания конца VI — начала V в. до н. э.

встречены в Неаполе Скифском. Эта усадьба является совершенно исключительным памятником позднескифского и сарматского характера, значение которого для изучения ольвийской периферии трудно переоценить.

В 6 км к югу от Ольвии, севернее с. Днепровки (б. Сары-Камыши), недалеко от берега лимана находится небольшой курганный могильник. В 1955 г. здесь был раскопан один курган (И. В. Яценко). Курган имел 0,50 м высоты при диаметре 12 м. В юго-западном секторе кургана в материке было обнаружено катакомбное погребение, ограбленное и разрушенное еще в древности. Судя по фрагментам керамики, погребение датируется IV в. до н. э. В северо-западном секторе кургана открыто небольшое каменное сооружение, повидимому, культового характера. Оно представляет собой площадку, образуемую большой известняковой плитой с четырехугольным отверстием в центре.

В 1955 г. Тилигульским отрядом (Э. А. Сымонович) на Кошарском городище (расположенном в 80 км к западу от Ольвии) на площади в 110 м² раскопаны остатки каменного дома, от которого пока открыты три помещения — два жилых и одно хозяйственное. В двух пунктах выявлены каменные блоки водосточных каналов. Характер кладки каменных стен, элементы благоустройства, керамические находки близко роднят это городище с Чертоватским, Закисовским и другими поселениями, расположеннымными в окрестностях Ольвии. Это свидетельствует о том, что городища и поселения Тилигульского лимана принадлежали тому же местному населению, которое жило также и в непосредственном соседстве с Ольвией.

Новые памятники, открытые в Ольвии и на близлежащих поселениях¹, имеют весьма существенное значение для воссоздания истории города и окружавшего его населения.

---

¹ Ольвийская экспедиция 1955 г. была организована Институтом археологии Академии наук УССР совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР. В экспедиции принимали участие Гос. Эрмитаж, Московский исторический музей, Московский музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Киевский и Харьковский университеты. Кроме упомянутых лиц, в работе экспедиции принимали участие М. П. Ваулина, Е. В. Максимов, Г. С. Иваннина, Е. А. Петровская, Е. К. Гончарова, Ю. И. Козуб, М. Б. Исакова-Парович, О. А. Голота и Н. И. Тихонов.

РАСКОПКИ 1951 г. НА ГАВРИЛОВСКОМ ГОРОДИЩЕ

К. А. БРЕДЕ

(Симферополь)

Вопрос о городищах низового Днепра со времени публикации В. И. Гошкевича¹ почти не затрагивался в литературе. Объясняется это, главным образом, тем, что ни одно из них не подвергалось сколько-нибудь серьезному исследованию. Лишь в самое недавнее время, в связи со строительством Каховской ГЭС, встал вопрос о глубоком археологическом исследовании территории, попадающей в зону затопления будущего Каховского моря.

Один из отрядов Гавриловской экспедиции, организованной Институтом археологии АН УССР для проведения исследовательских работ в зоне затопления, в 1951 г. произвел раскопки на Гавриловском городище².

Городище находится в 2 км к северу от с. Гавриловки, Ново-Воронцовского района, Херсонской области, и расположено на двух участках надпойменной террасы р. Пидпильной: на нижнем — центральная часть городища (так называемый «акрополь»), на верхнем — остальная его часть.

Шурфовка на большой площади и раскопки позволили достаточно хорошо определить стратиграфию и планировку городища, выявить строительные остатки и собрать значительный вещественный материал. Подстилающей породой лессовидных отложений террасы является известняк. Культурные наслоения на верхнем участке террасы в основном смыты, на нижнем они обнаружены на значительной глубине.

С напольной стороны городище было прикрыто двумя каменными оборонительными стенами со рвами: одной, более мощной, вокруг акрополя, и другой, более слабой, вокруг остальной части городища³. Толщина оборонительной стены акрополя достигала 3,8—4,0 м, а высота, предположительно, до 5 м. Защитный ров при ней имел ширину около 7,0—7,5 м и глубину до 2 м. Что касается второй оборонительной стены, то толщина ее у основания не превышала 1,3 м, а высота, предположительно, — 2 м, ров перед ней достигал 4,5 м ширины и 1,5 м глубины. Можно полагать, что первоначально городище ограничивалось территорией акрополя и лишь позднее, в конце I в. н. э., после появления строительных комплексов за пределами стен акрополя, была возведена вторая оборонительная стена длиною около 750 м.

¹ В. И. Гошкевич, Древние городища по берегам низового Днепра, ИАК. в. 47.

² Отчет о раскопках на Гавриловском городище в 1951 г. Научный архив и фонды Института археологии АН УССР.

³ До последнего времени считалось, что кроме этих двух стен существовал еще земляной вал, но последующие раскопки не подтвердили этого.

Раскопки 1951 г. установили, что на городище существовали два типа строений: каменные и легкого типа (из дерева, прутьев или камыша с обмазкой из глины).

Каменные строения возводились из колотого известняка на вяжущем растворе из глины. Нижний ряд кладки обычно состоял из крупных камней (иногда из поставленных на ребро плит), а верхние ряды укладывались плашмя с забутовкой середины, в том и другом случае более мелким камнем. Ширина стен в среднем равнялась 0,50—0,55 м. Высота стен не превышала 1,80—2,0 м. Очаг располагался в ближайшем левом от входа углу. Пол в жилых зданиях был глиnobитный, вход, как правило, — с юга.

В строениях хозяйственного назначения пол устраивался иначе. Площадка внутри здания углублялась на 15—20 см, покрывалась камнем вразброс и заливалась путем засыпки суглинком с последующей утрамбовкой.

Раскрыты в верхней части городища каменные строения в плане имели слегка скошенную форму, а по внутренней площади достигали 35—48 м². В одном из этих зданий были обнаружены зерна пшеницы. Строения легкого типа представляли собой небольшие хижины из дерева или камыша, обмазанные глиной, куски второй неоднократно встречались на городище. Внизу стенки этих построек для укрепления их и защиты от затеков ёэды во время дождей обычно обкладывались плитами, поставленными на ребро.

В пределах акрополя каменные здания небольших размеров были расположены вдоль оборонительной стены, а строения легкого типа (хижины) — по преимуществу в центре и ближе к береговой полосе.

Большой интерес представляют очаги. Было открыто несколько типов их. Основными следует считать круглые по форме жаровни, которые изготавливались из глины с примесью соломы. Диаметр жаровен обычно равнялся 70—72 см. Жаровни, при толщине пода в 4—6 см, окаймлялись глиняным валиком высотой с внутренней стороны 6—7 см. Жаровни имели небольшое устье и ставились на круг из камней. В одном случае жаровню вместе с камнями окружал наклонный пояс из такой же глины высотою 35—40 см. Концы пояса против устья обрывались, образуя проем.

Функционально жаровни могли служить и для нагрева жилищ и для выпечки лепешек и поджаривания зерен¹. Жаровни обычно сопровождались небольшим, поставленным вне жилища, очагом из нескольких плит, откуда уголь переносился на жаровню в жилище для накала пода². Устье служило для выгребания золы. Не исключено, что жаровни могли служить и для ритуальных целей.

Тип очага в форме жаровни бытует долго. Мы находим его в Неаполе Скифском в слое II—I вв. до н. э.³ и в древнерусских поселениях на Дону IX—X вв. н. э.⁴.

Наряду с жаровнями применялись очаги открытого типа с настилом из мелкого камня, залившегося глиной и окаймленного также валиком. По мере разрушения пода последний вновь подмазывался, в результате чего толщина пода со временем достигала 18—20 см.

Вещественный материал городища в основном состоял из обломков посуды — как местной, так и привозной.

Местная керамика представлена фрагментами лепных сосудов, главным образом горшков, с пальцевым и ногтевым орнаментом по вен-

¹ У одной из жаровен оказалось много поджаренного водяного ореха.

² То же самое отмечено и при раскопках Илурата, см. В. Ф. Гайдукевич, Новые исследования Илурата, КСИИМК, в. XXXVII.

³ П. Н. Шульц, Отчеты о работах Тавро-Скифской экспедиции за 1947—1949 гг. Хранятся в научном архиве Крым. филиала АН СССР.

⁴ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, Древнерусские поселения на Дону, МИА, № 8, стр. 37.

чику. Здесь мы имеем также большое количество лощеных мисок, близких по форме к мискам корчеватовского типа. В группе лепных сосудов значительное место занимают разного рода кувшины.

В числе сосудов, изготовленных на гончарном круге, с черным лощением, встречаются формы, которые можно сопоставить с керамикой эпохи полей погребений черняховского типа.

В привозной посуде превалируют амфоры, судя по днищам и горлам, не менее чем восьми типов. Они дают возможность определить хронологические рамки существования поселения на месте Гавриловского городища в пределах III в. до н. э. — III в. н. э. Вместе с тем, находки позволяют установить, что наибольшего расцвета это поселение достигло в период I в. до н. э. — I в. н. э. В числе фрагментов привозной керамики встречались обломки сосудов, покрытых лаком невысокого качества, красного или бурого цвета разных оттенков. Полевые подсчеты найденной керамики дают возможность заключить, что привозные сосуды составляют не более трети всей массы посуды.

При раскопках были обнаружены трапециевидные подставки из глины с головками животных, в частности с конскими головками, которые можно рассматривать в качестве оберегов.

Кости домашних животных (лошади, коровы, овцы) попадались в довольно большом количестве. Значительное место в питании населения и в вывозе, вне всякого сомнения, занимала рыба, на что указывают часто встречавшиеся позвонки ценных пород и чешуя.

Бечьи из металла оказалось очень мало. Из них следует отметить зеркальце — подвесочку из белого сплава и наконечники стрел сарматского типа. Монет найдено не было. В числе вещей из кости можно указать на небольшие ножны и обломок гребешка. Изделия из камня представлены обломками зернотерок и разного рода точильными камнями со следами использования.

Наряду с раскопками на Гавриловском городище Институтом археологии АН УССР в 1951 г. было проведено разведочное обследование всей береговой полосы в зоне Каховстроя. При этом был получен материал, позволивший сделать выводы об известной культурной общности городищ нижнего Днепра. Выводы эти сводятся к следующему: 1) большая или меньшая близость существования городищ во времени (III—I вв. до н. э. — III—IV вв. н. э.); 2) стратегическое, наряду с хозяйственным, назначение их; 3) сходство в планировке городищ и в приемах строительства их оборонительных сооружений и жилищ; 4) наличие скотоводства, земледелия и рыболовства; 5) господство натуральных форм обмена; 6) совпадение основных торгово-хозяйственных связей с Причерноморьем и 7) некоторая близость местной керамики в формах и технике обработки с корчеватовскими и черняховскими керамическими комплексами культуры полей погребений.

Цепь городищ, размещенных на сравнительно небольшом отрезке нижнего Днепра, не могла возникнуть исключительно для торговых целей. Основой хозяйственной жизни их, вне всякого сомнения, являлись земледелие, скотоводство и рыболовство. Прав М. И. Артамонов¹, отказывающийся рассматривать эти городища в качестве греческих факто-рий и указывающий на принадлежность их местному скифскому населению.

¹ М. И. Артамонов, Скифское царство в Крыму, Вестник ЛГУ, № 8, 1948.

**НАХОДКА МУСТЬЕРСКОГО ОСТРОКОНЕЧНИКА
У с. СТАРЫЕ КОДАКИ**

В. А. МИЗИН

(Днепропетровск)

В сентябре 1950 г. были осуществлены разведки в районе известного палеолитического местонахождения мустерского возраста в балке Сажавке у с. Старых Кодаков, Днепропетровского района¹.

Следует отметить, что фаунистический материал Кодакского местонахождения, добытый раскопками в 1934—1935 гг., находится в Институте зоологии АН УССР, кремневый же инвентарь, в котором были представлены основные типичные формы мустерской индустрии, погиб во время Великой Отечественной войны. Поэтому каждая новая находка кремневых орудий, происходящих с этого палеолитического местонахождения, представляет несомненный интерес.

Во время разведки, у колодца, в 300 м от устья балки и в 500—440 м от раскопа 1935 г., на левом склоне балки на высоте 2 м от ее дна был найден кремневый остроконечник мустерского облика. Нанос, в толще которого найден остроконечник, представляет собой типичные отложения овражного делювия, образованного потоками атмосферных вод, которые на своем пути размывали разрушенные выветриванием кристаллические породы, обнаженные во многих местах балки.

Найденный нами мустерский остроконечник изготовлен на уплощеннном в сечении отщепе треугольных очертаний. Верхняя сторона его слегка вогнута, нижняя — соответственно выпукла. По левому краю верхней стороны, кроме оформляющих его сколов, имеется вторичная подправка. Правый край, оформленный двумя крупными сколами, ретуши не имеет. С нижней стороны левый край орудия, у базы, обработан несколькими сколами, придающими выпуклой поверхности его определенную симметрию. В результате подправки отщепа остроконечник получил правильную треугольную форму со слегка дугообразными краями (рис. 1).

Орудие изготовлено из темнокоричневого кремня с светлыми прожилками табачного цвета. Нижняя поверхность покрыта легким налетом прозрачной матово-голубоватой патины. Длина орудия 47 мм, наибольшая ширина 40 мм, толщина 12 мм.

Мы не можем категорически утверждать, что найденное нами орудие относится к комплексу культурных остатков, исследованному ранее в балке Сажавке, однако некоторые наблюдения позволяют, как нам кажется, высказаться в этом отношении в положительном смысле.

В этой связи необходимо сопоставить данные раскопок о залегании

¹ В обследовании принимал участие научный сотрудник Днепропетровского исторического музея И. И. Артеменко.

культурных остатков с наблюдениями 1950 г. Экспедицией, производившей раскопки в 1935 г., было установлено, что фаунистические материалы растянуты на значительное расстояние от раскопа — места наибольшей концентрации в обнаженных слоях песчанистого суглинка. При этом было отмечено, что в раскопе и вблизи него встречались сравнительно крупные фрагменты костей, дальше, вниз по балке, соответственно расстоянию, более мелкие и, наконец, совсем размельченные. Кремневый материал залегал в основе этого слоя, непосредственно на каолинизированной поверхности гранита. Наблюдениями 1950 г. установлено, что измельченный и окатанный костный материал встречается

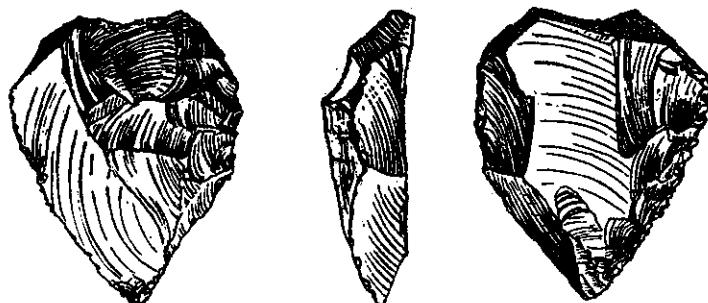

Рис. 1. Мустьерский остроконечник.

не только на прилегающей к раскопу территории, но и на всем протяжении балки, до ее устья. Эти факты свидетельствуют о том, что культурный слой Кодакской палеолитической стоянки был размыт еще в древности.

В настоящее время, после того как балка приняла современный облик, культурные остатки стоянки потоками атмосферных вод вымываются из слоя, в котором они заключены, и переносятся на значительное расстояние от места их первичного залегания.

Условия нахождения остроконечника в делювиальных отложениях из разрушенных кристаллических пород с каолином дают основание предполагать, что и наша находка была перенесена с места сосредоточения культурных остатков у раскопа 1935 г. В пользу этого свидетельствует и однородность материала, из которого были изготовлены и найденный нами остроконечник и орудия, добытые раскопками 1935 г.; а именно темнокоричневый кремень хорошего качества. Таким образом, нам представляется вполне оправданным предположение, что найденный в 1950 г. в балке Сажавке остроконечник принадлежит к комплексу культурных остатков, обнаруженному раскопками 1935 г.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ФИГУРЫ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

А. П. ЧЕРНЫШ

(Львов)

В художественном творчестве позднепалеолитического времени изображения людей очень редки. Встречаются они в виде женских статуэток, изготовленных из мамонтовой кости, камня и других материалов, а также в виде гравюр и резьбы на каменных плитках, по кости и рогу.

Наиболее редкими являются изображения на поверхности предметов неопределенного назначения, которые именуются «жезлами». Таких жезлов можно назвать несколько: из грота Меж¹, из пещеры Мадлен², из грота Гурдан³. Все эти изображения датируются мадленским временем; первое и третье изображения переданы техникой гравюры, а второе — низким рельефом. Кроме них можно указать «жезл» из пещеры Плакар, найденный в раннемадленском слое, у которого один из концов скульптурно оформлен в виде антропоморфной головы⁴. Мы не можем согласиться с мнением Г. Обермайера о наличии антропоморфных черт в исполненном техникой низкого рельефа изображения головы животного на «жезле» из рога северного оленя, который был встречен в Баварии⁵.

На территории ССР, где образы палеолитических людей в виде женских статуэток достаточно распространены (Костенки I, Гагарино, Малъта, Буреть, Елисеевичи, Авдеевка), известна только одна гравюра — изображение женщины на плитке известняка (Костенки I)⁶. Изображений на предметах из кости и рога пока не встречалось вовсе.

В 1955 г. при исследовании многослойной стоянки Молодова V, находящейся на правом берегу Днестра у с. Молодова, Кельменецкого района, Черновицкой области, во время расчистки скопления культурных остатков седьмого горизонта стоянки была обнаружена группа из пяти изготовленных из рога северного оленя «жезлов». Все эти поделки имели искусственное отверстие округлой или овальной формы. Они залегали горизонтально, группой из четырех «жезлов» и пятого, находившегося несколько дальше — в 15 см от остальных.

Первый, наиболее крупный «жезл» ($425 \times 35 \times 17$ мм) верхним концом (с отверстием) был ориентирован на юго-запад. Отверстие второго «жезла» ($270 \times 26 \times 22$ мм) находилось рядом с отверстием первого,

¹ D. Peugony, *Elements de Prehistoire*, Paris, 1927, стр. 97, рис. 55, 2.

² L. Capitan, H. Brenil, D. Peugony, *Les Combarelles*, Paris, 1924, рис. 92, 3.

³ H. Kühn, *Kunst und Kultur der Vorzeit Europas*, Leipzig, 1929, табл. 39 б.

⁴ L. Capitan, H. Brenil, D. Peugony, ук. соч., рис. 94, 2.

⁵ H. Obermaier, J. Graupholz, *Der skulptierte Rengewehrstab aus der Mittleren Klansenhöhle bei Essing (Niederbayern)*, JPEK, 1927, Leipzig, стр. 6—9, рис. 6.

⁶ П. П. Ефименко, *Первобытное общество*, К., 1953, стр. 431, рис. 181.

его нижний конец был обращен в противоположную сторону. У третьего «жезла», которому посвящена настоящая статья, отверстие находилось рядом с отверстием второго «жезла». Отверстие четвертого «жезла» ($260 \times 30 \times 22$ мм) располагалось в 7 см севернее третьего; нижним концом этот «жезл» был ориентирован на запад. Пятый «жезл», размерами $290 \times 32 \times 22$ мм, концом с отверстием был ориентирован на юго-восток. Характер расположения отверстий первых четырех «жезлов» позволяет предположить, что они, возможно, были связаны ремнем (рис. 1). Рядом с «жезлами» найдены кремневые нуклеусы и отщепы, а также терка из песчаника.

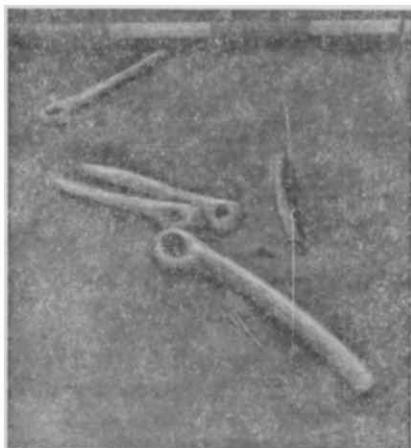

Рис. 1. Положение «жезлов».

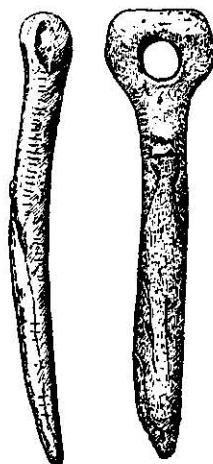

Рис. 2. «Жезл» с изображением человеческой фигуры.

Наиболее интересным среди «жезлов» является третий «жезл». Он находился на глубине 3,86—3,90 м, верхним концом был ориентирован на северо-восток. Размеры «жезла»: $305 \times 32 \times 25$ мм, диаметр отверстия 25 мм. На поверхности этого «жезла» имеются не только следы орнамента в виде трех рядов тонких параллельных линий, но, как нам кажется, и рельефное изображение человеческой фигуры. Оно расположено на внешней поверхности верхней стороны рога, размеры изображения 135×27 мм (рис. 2).

Изображение человека передано низким рельефом в фас. Отчетливо прослеживаются очертания головы, шеи, туловища и левой ноги; очертаний правой ноги нет, так как в древности, повидимому, эта часть поверхности рога отслоилась.

Глаза переданы двумя углублениями, нос — небольшим выступом, а в верхней части головы, где рельеф исчезает, видны вертикальные линии (изображение волос?). Таким образом, хотя очертания рук и отсутствуют, на «жезле» дан абдис реальной человеческой фигуры.

Необходимо также отметить, что кремневый инвентарь седьмого горизонта стоянки Молодова V, по данным раскопок 1955 г. (наконечники с боковой выемкой, симметричные острия, отдельные орудия с плоской ретушью и т. д.), может быть датирован, как нам кажется, концом солютрейского времени.

Абрис человеческой фигуры на «жезле» со стоянки Молодова V является первым в СССР позднепалеолитическим изображением человека, переданным в технике рельефа. Оно значительно расширяет пока еще количественно небольшой круг образов людей в изобразительном творчестве позднепалеолитического времени.

НОВАЯ НАХОДКА ОРНАМЕНТИРОВАННОГО БИВНЯ МАМОНТА

В. А. МЕСЯЦ

(Житомир)

В северной части Житомирской области, среди болотисто-песчаных просторов полесской низменности, возвышается до 320 м над уровнем моря Словечанско-Овручский кряж. Лесовой массив во всех направлениях прорезан глубокими, до 30 м и более, оврагами с источниками родниковой воды.

В районе кряжа, на склонах одного из оврагов И. Ф. Левицким была открыта палеолитическая стоянка возле с. Довгиничи¹.

Разведочная экспедиция Житомирского областного музея в 1954 г., кроме других находок в этом районе, обнаружила фрагменты бивней и зуб мамонта, а также часть тазовой кости шерстистого носорога. Во время этих разведок стало известно, что за несколько месяцев до работы экспедиции здесь был найден кусок бивня мамонта с насечками на его поверхности. Мы произвели дополнительное обследование оврага непосредственно на месте находки, не давшее, однако, результатов.

Лишь в следующем, 1955 г., на расстоянии 650 м на северо-восток от места находки, у с. Клинца, Овручского района, автору удалось открыть следы новой палеолитической стоянки, с которой, очевидно, и связана указанная находка обломка бивня мамонта с насечками².

Обломок бивня имеет длину 59 см. Толстый конец бивня диаметром 9 см закруглен, и края его слажены. С дугообразно выпуклой стороны этот конец срезан или стесан (длина скола 12 см). Тонкий конец бивня диаметром 7 см надломлен.

Поверхность бивня покрыта врезными линиями, которые в одних местах группируются в виде мастерски исполненного орнамента, в других — размещены в известном порядке рядами или же прочерчены в различных направлениях без определенной системы (рис. 1).

Можно говорить о трех группах линий на поверхности бивня в его более тонкой части.

а) Короткие поперечные линии, в большинстве случаев прочерченные параллельно одна другой, размещены восемью рядами вдоль бивня в направлении от середины к тонкому концу. Эти линии неодинаковой длины и различаются глубиной и шириной прочерченного штриха (рис. 2).

В одном ряду насчитывается 26 линий различной длины (от 6 до 10 мм); в другом ряду — 29 линий длиной от 7 до 15 мм; в третьем — вначале нанесено параллельно одна другой 8 насечек длиной от 5 до 7 мм, а далее размещены еще 12 «пучков» линий длиной от 14 до 18 мм по 2—5 линий в каждом. Линии четвертого ряда (до 80) размещены также

¹ И. Ф. Левицкий, Довгинецька палеолітична стація, «Антропологія», т. II, К., 1928.

² О палеолитической стоянке будет сообщено в отдельной статье.

пучками из нескольких черточек. В пятом можно насчитать до 40 линий длиной от 14 до 28 мм. Что касается линий последних трех рядов, то они истерты и сильно испорчены вследствие упомянутого выше стесывания поверхностных слоев бивня или же использования его в какой-то работе.

б) Посредине, вокруг бивня, мастерски нанесены две плотно сдвинутые полоски елочного орнамента, которые сохранились на протяжении 15 см. Линии этого орнамента (в количестве 195) размещены под острым и прямым углом одна к другой в четыре волнистых полоски. Еще одна

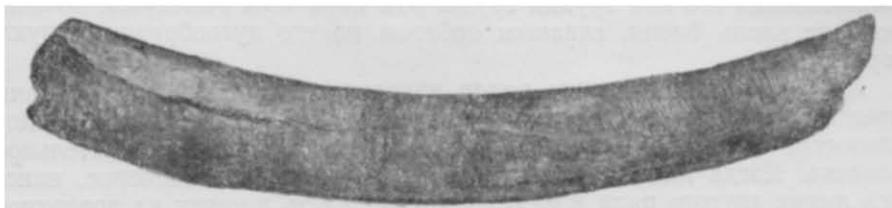

Рис. 1. Обломок бивня мамонта

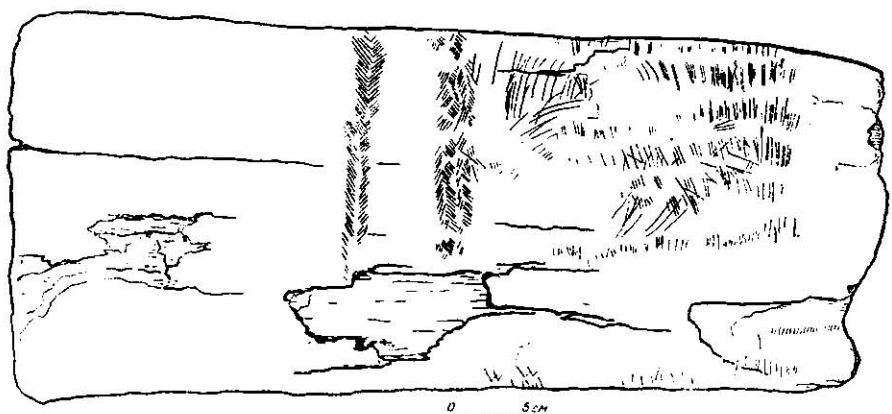

Рис. 2. Расположение насечек на обломке бивня мамонта. (Разворот.)

великолепно исполненная полоска такого же орнамента помещена на расстоянии 4 см от предыдущего комплекса в сторону более толстого конца бивня.

в) Между комплексом из 8 рядов врезанных линий и елочными полосками выделяется группа длинных, слегка выгнутых черточек (длиной от 10 до 48 мм), прочерченных в различных направлениях.

Между толстым концом и елочным орнаментом на поверхности бивня есть несколько более или менее глубоких зарубок. Одна из таких зарубок длиной в 25 мм имеет вид узкой поперечной нарезки глубиной около 3 мм. В другом месте три больших (длиной от 30 до 40 мм) дугобразно изогнутых и тесно сдвинутых зарубок шириной 5–8 мм и глубиной до 4 мм имеют такой вид, как будто они нанесены каким-то острым орудием.

Изучение линий на отрезке клинецкого бивня позволяет сделать некоторые выводы.

Орнамент «елочкой», нанесенный вокруг бивня, является художественным произведением, выполненным с целью украшения. И по замыслу и по размещению его элементов он заметно отличается от прочерченных рядами линий первой группы, как и от линий третьей группы на его более тонкой части.

Линии, нанесенные рядами на поверхности бивня у его тонкого конца, заслуживают внимания не только потому, что они размещены в определенном порядке, но и тем, что они сделаны в разное время: в одних рядах линии срезаны и стерты, в других еще сохранилась первоначальная глубина их. Ряды линий, сгруппированных в «пучки», по сравнению с рядами стертых и слаженных на концах, сохранились хорошо, и это свидетельствует о том, что они нанесены позднее.

Большую часть линий, нанесенных на поверхность бивня рукой человека, перекрывают царапины, образовавшиеся вследствие возможного использования его как орудия труда. Эти царапины различной величины проходят вдоль бивня, главным образом по его дугообразно выпуклой стороне.

Линии указанных выше рядов наносились на поверхность бивня в определенном порядке, один ряд возле другого в известной последовательности. Очевидно, они имели определенное значение в деятельности человека. Когда линии одного ряда утрачивали свое значение, наносились линии другого ряда и т. д. Некоторая часть насечек на поверхности бивня дает основание предполагать, что на бивне велся учет охотничьей или какой-то иной деятельности коллектива, обитавшего на месте Клинецкой палеолитической стоянки.

Само собой разумеется, что обнаруженные следы стоянки и находка вблизи нее орнаментированного бивня мамонта ставят перед нами задачу дальнейшего выявления следов новых стойбищ палеолитического человека на территории житомирского Полесья.

КЛАДЫ КРЕМНЕВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ с. ГОНЧАРОВКИ

С. Н. ОДИНЦОВА

В 1929 г. в Изюмский музей был доставлен клад изделий из кремня, состоявший из правильно ограненных конических нуклеусов, орудий, заготовок и крупных ножевидных пластин, всего в количестве 193 экземпляров. Этот клад был найден летом 1929 г. в с. Гончаровке (ныне предместье г. Изюма), Харьковской области, в усадьбе Е. С. Чигиринца во время обработки под огород влажной ложбины.

В скором времени из той же Гончаровки был доставлен другой клад прекрасно обработанных крупных орудий из местного серого с темными пятнами кремня, найденный в усадьбе Е. И. Зинченко, находящейся в юго-западной части села. Этот клад состоял из 20 кремневых вещей.

Гончаровка расположена на песчаной надлуговой террасе, северная часть ее (Болтуновщина) упирается в заболоченную пойму р. Мокрого Изюмца, на обоих берегах которого известен ряд небольших стоянок бронзового века. Северо-восточная часть этого села тянется по краю террасы над болотами и небольшими озерами. На этом месте в бронзовом веке существовало большое поселение. У юго-восточной окраины села на надпойменной террасе известны три (Изюм I, II, III), а в пойме две стоянки (Изюм IV, V), относящиеся к концу неолита и бронзовому веку.

В южной части с. Гончаровки местность покрыта небольшими дюнами, чередующимися с небольшими же дюнными болотцами или низинами, использованными в настоящее время жителями села под огороды. В усадьбе Чигиринца, на одной из таких низин, которая представляла собой древнее, высохшее теперь озерцо, глубиной не менее 2 м, и был обнаружен клад. Согласно сообщению Чигиринца, внизу лежали нуклеусы, наконечники копий и другие кремневые изделия, и все это было прикрыто аккуратно сложенными плотной кучей ножевидными пластинами.

За несколько дней до нашего осмотра места находок на том же месте были найдены еще два резака, острие и 14 пластин, а во время осмотра — еще одна пластина.

Таким образом, клад состоял из 193 кремневых предметов, сделанных из темного и светлого (каштанового цвета) кремня. Интересно отметить, что выходов кремня такой окраски поблизости не наблюдается. Однако, кремень такой окраски часто встречается в нижних слоях нескольких стоянок района (I-й Бондарихинской, IV-й и V-й Изюмских).

В состав клада из усадьбы Чигиринца входили следующие вещи:

1—6. Шесть конических нуклеусов, длиной 12—13,7 см при ширине ударной площадки 4,2—6 см. Все эти нуклеусы имели большей частью правильные грани и тщательно подправленную площадку и были вполне пригодны для дальнейшего использования (табл. I, 1—5).

7—18. Двенадцать орудий подтреугольной формы с утонченным ши-

роким основанием и заостренной верхней частью, длина 7—12 см, ширина 3,6—4,8, толщина 0,8—1,5 см (табл. I, 6—8, 11—13).

19—25. Семь наконечников копий или дротиков, длина 9—13,5 см, ширина 3,6—4,6 см, толщина 1,2—1,5 см (табл. I, 9, 10, 14).

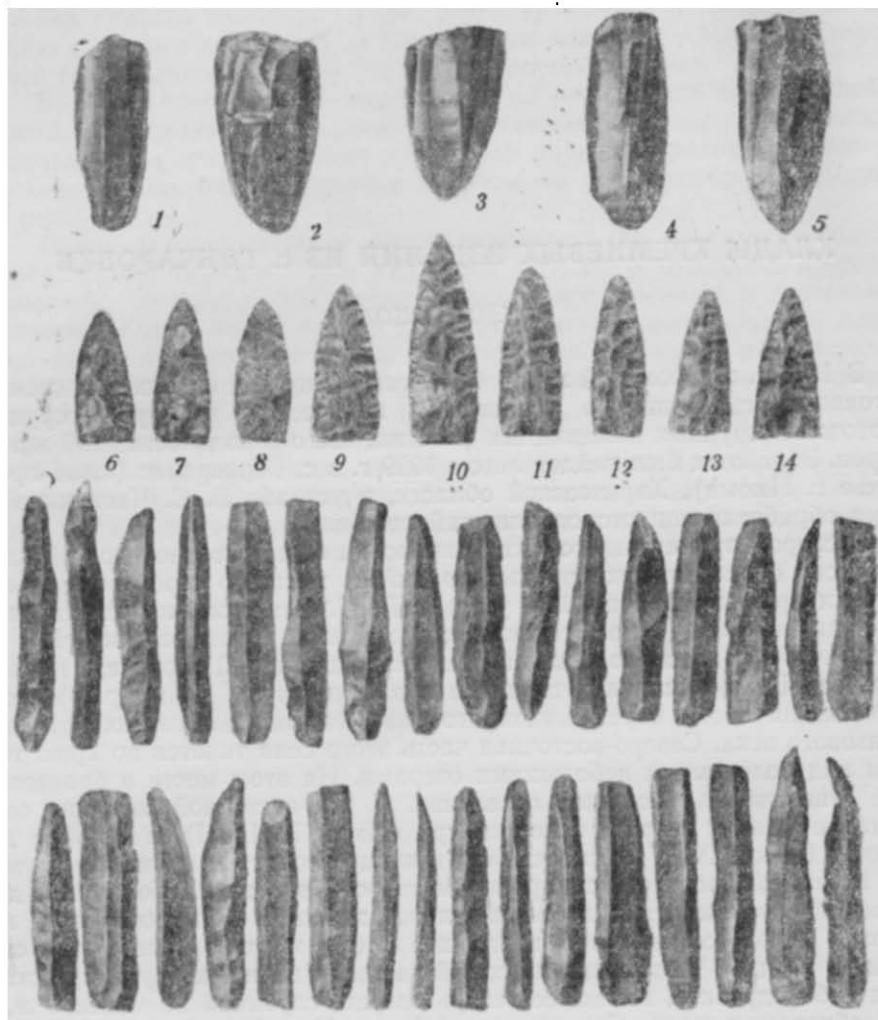

Таблица I. Изделия из клада, найденного в усадьбе Е. С. Чигиринца.

26. Острие на массивной пластине с заостряющей ретушью на рабочем конце, 11×2 см (рис. 1, 4).

27. Скребковидная пластина с ретушью на рабочем конце, 8,8×2,6 см (рис. 1, 1). Все эти орудия двусторонне прекрасно обработаны, кроме одного орудия, которое обработано только со стороны спинки (рис. 1, 2).

28—193. 166 пластин двусторонних и трехгранных, средняя длина их 15—20 см, ширина 2—3,5 см и даже 4 см (табл. I, 3 и 4 ряды). На нескольких из них есть ретушь (рис. 1, 3).

Найденный в усадьбе Чигиринца клад представляет большой научный интерес как по полноте и разнообразию орудий, так и по технике их обработки. Кремневые орудия такой же обработки встречены на многих позднепалеолитических стоянках среднего Донца: в Яремове, Студенке, Зливке, Петровском, Веревкиной и др.¹.

¹ М. В. Сибильов, Старовинності Ізюмщини, в. IV, Изюм, 1930, табл. LXXXII.

Находки прекрасно обработанных кремневых наконечников стрел и кремневого копья в форме лаврового листа отмечает и В. А. Городцов в раскопках курганов по Донцу (Селимовка, Черевков, Ковалевка)¹.

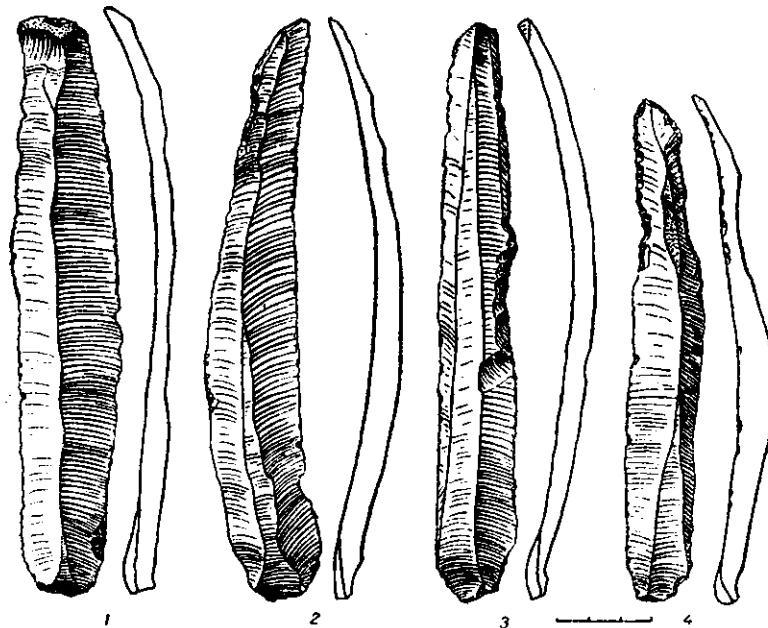

Рис. 1. Изделия из клада, найденного в усадьбе Е. С. Чигиринца.

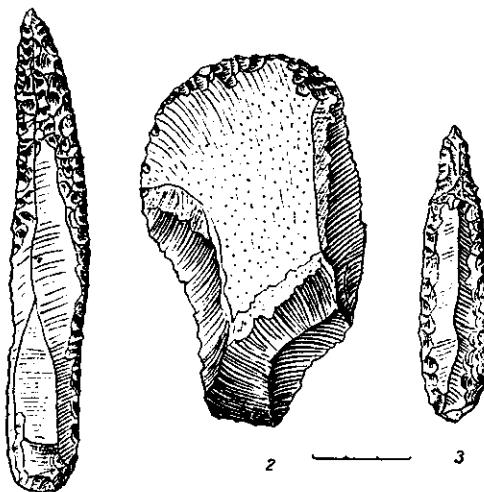

Рис. 2. Изделия из клада, найденного в усадьбе Е. И. Зинченко.

Усадьба Зинченко, на территории которой был найден второй клад, расположена на надпойменной террасе у древнего затона (на расстоянии 1 км от усадьбы Чигиринца). При срезании края террасы попадались черепки глиняной посуды, кремни, обломки железа и т. п. Все это вместе с землей сбрасывали в заболоченный затон. Одна прекрасно об-

¹ В. А. Городцов, Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Труды XII АС, т. I, М., 1905, табл. VII, 1—4, табл. II, 3—5.

работанная кремневая вещь обратила на себя внимание Зинченко, и благодаря этому были спасены и другие находки.

Доставленные в музей вещи, как выяснилось, составляли незначительную часть «кучи» кремня, обнаруженной при планировании края террасы на усадьбе Зинченко. При осмотре нами этой усадьбы, кроме нескольких черепков от амфор, ничего не было найдено. В связи с тем, что никаких признаков древней стоянки на усадьбе Зинченко обнаружено не было и все вещи залегали в одном месте, можно предполагать, что эта находка представляла собой часть клада.

Из состава клада были найдены следующие предметы:

1—2. Два острия, сделанные из крупных пластин, длиной 16, шириной 2,5 см, с прекрасной отжимной ретушью (рис. 2, 1).

3—10. Восемь скребков, из которых четыре — на больших отщепах ложковидной формы, размером $8 \times 4,5$ — $12 \times 5,2$ см, и четыре — концевых, на одном из которых ретушь заходит на края, размером $7 \times 3,2$ — $11 \times 4,3$ см (рис. 2, 2).

11. Проколка на пластинке с хорошо ретушированным острием, 9 × 2,2 см (рис. 2, 3).

13—20. Восемь ножевидных пластин длиной 11—19 см.

К сожалению, все эти вещи погибли во время Великой Отечественной войны.

Анализ гончаровских кладов дает возможность сделать следующие выводы: 1) вещи изготовлены мастером, в совершенстве владевшим техникой обработки кремня; 2) пластины сколоты с нуклеусов, входивших в состав клада; 3) клад состоял не только из законченных вещей, но и из заготовок и нуклеусов, использованных далеко не полностью, то есть представлял собой готовую продукцию и запасы материала какого-то мастера; 4) вещи предназначались не для личного пользования, а, повидимому, для обмена.

Клад этот, очевидно, следует относить к раннему периоду эпохи бронзы.

КАМЕННЫЙ ТОПОР-МОЛОТ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ с. ВАРВАРОВКИ*Н. Т. ЕВСТРОПОВ**(Волчанск)*

На плато севернее с. Варваровки, Рубежанского района, Ворошиловградской области, находится 14 курганов, высотою 1—2,5 м. Большинство курганов сильно распахано, некоторые из них имеют под насыпью каменную кладку. Часть курганов расположена в линию с востока на запад на протяжении 2 км. Три самых восточных кургана из этой линии разрушены в период Великой Отечественной войны. На месте одного из разрушенных курганов, находящихся на расстоянии 1,5 км от села, был найден каменный топор-молот (рис. 1). Иных археологических находок при осмотре кургана не оказалось.

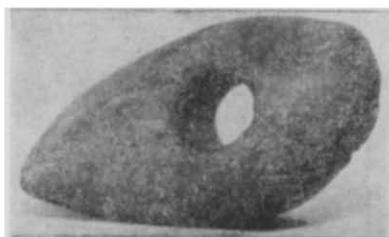

Рис. 1. Каменный топор-молот.

Шлифованный топор-молот изготовлен из местного плотного мелкозернистого песчаника желтовато-серого цвета. Длина его 9,5 см, ширина 5 см, толщина в самом широком месте 5 см, диаметр отверстия 2 см, вес 380 г. На лезвии и обухе орудия имеются повреждения (отколы).

Топор-молот может быть датирован эпохой средней бронзы.

ПОГРЕБЕНИЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

Д. Я. ТЕЛЕГИН

Разведочный отряд¹ Никопольско-Гавриловской экспедиции 1953 г., проводившей археологические исследования в районе Каховстроя, обнаружил ряд памятников скифского времени.

Одним из них является погребение скифского времени, обнаруженное и исследованное в с. Ушкалке, Верхнерогачикского района, Херсонской области.

Погребение залегало в лессовидном суглинке высокой террасы коренного берега на глубине 1,65 м от поверхности. Покойник был положен на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища и несколько отведены от него, голова склонена вправую сторону (рис. 1).

Погребение сопровождалось тремя лепными сосудами, наконечниками стрел, изделиями из железа и т. п. По обеим сторонам и в ногах скелета обнаружены кости крупных животных.

Около плечевой кости левой руки стоял сосуд типа горшка. Он имеет шаровидную форму, невысокую шейку и плоское дно. На плечиках, покрытых четырьмя рядами каннелюр, имеется две шишечки разной формы (округлая и овальная). Поверхность сосуда подлощена, черного цвета. Излом черепка черный. Вы-

сота сосуда 21 см, диаметр 22 см (рис. 2, 7). Два других небольших сосуда стояли с правой стороны черепа. Они по форме и технике напоминают первый сосуд, но не имеют шейки и шишечек. Один из них был наполнен угольками и золой (рис. 2, 6).

Слева от костяка находились два «пучка» стрел (25 и 29) с бронзовыми наконечниками, лежавших рядом с большим горшком. На фоне желтой глины хорошо видны полоски от истлевших древок, небольшие кусочки которых сохранились во втулках наконечников.

¹ В работе отряда, кроме автора, принимали участие Г. С. Гурский, А. А. Шепинский и Л. И. Телегина.

Почти все (51) наконечники трехлопастные с цилиндрической внешней втулкой. Границы лопастей довольно острые, отточенные. Большинство наконечников на втулке имеют боковое отверстие для закрепления их на древке. Размеры наконечников от 4,3 см до 1,9 см (рис. 2, 1—5). Три наконечника имеют очень малые размеры (1,5 см) и слабо выраженные лопасти. Два наконечника втульчатые. Наконец, один из них значительно выделяется среди остальных своими удлиненными пропорциями и строгой пирамидальной формой (рис. 2, 2).

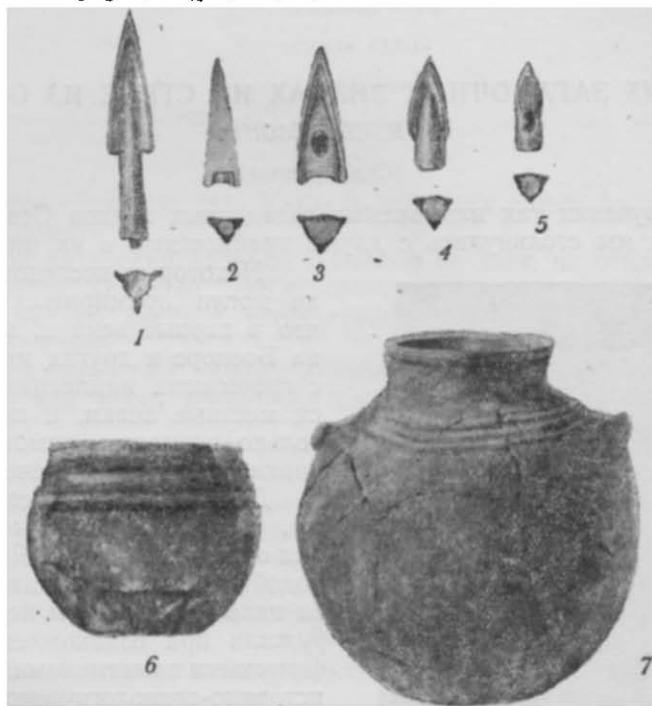

Рис. 2. Наконечники стрел (1—5) и сосуды (6—7)
из погребения.

Среди общего количества имеется два железных наконечника, которые по размеру и форме напоминают бронзовые. Среди костей животных был обнаружен железный нож, а около кисти левой руки — какой-то железный предмет округлой формы, напоминающий массивную пряжку.

В связи с тем, что раскопанное погребение обнаружено в обнажении террасы, сильно расчлененной размывами и разрушенной оползнями, определить характер погребального сооружения не представлялось возможным. Погребальная яма была замечена лишь на глубине 1,4 м от поверхности и не имела никаких четких очертаний. По типу стрел ушканьское погребение может быть датировано IV в. до н. э.

Самым интересным в этом погребении являются сопровождавшие его глиняные сосуды, которые совсем не типичны для степных скотов Нижнего Поднепровья¹. Они как будто несколько напоминают, с одной стороны, местную керамику эпохи поздней бронзы², а с другой — сарматские сосуды Нижнего Поволжья³. На это обстоятельство автор и хотел обратить внимание настоящим сообщением.

¹ Б. Н. Граков, Каменское городище на Днепре, МИА, № 36.

² Материалы нижнего слоя Ушканьского поселения. Раскопки автора, см. фонды Института археологии АН УССР.

³ И. В. Синицын, К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья, СА, VIII.

О ДВУХ ЗАГАДОЧНЫХ ЗНАКАХ НА СТЕЛЕ ИЗ ОЛЬВИИ

Э. И. СОЛОМОНИК

(Симферополь)

При изучении так называемых загадочных знаков Северного Причерноморья мы столкнулись с двумя крайностями в их интерпретации.

Некоторые исследователи долго не могли примириться с мыслью, что в первые века н. э. в Ольвии, на Боспоре и других местах наряду с греческими надписями встречаются местные знаки, и пытались, где только возможно, усмотреть в этих знаках варианты греческих букв¹.

Другая крайность сводится к тому, что все непонятные изображения относят к знакам. Яркий пример подобного заблуждения, длившегося целых 85 лет, мы недавно обнаружили при ознакомлении с эпиграфическими памятниками Херсонского историко-археологического музея.

Среди богатой коллекции греческих надписей там имеется большая известняковая плита, найденная в Ольвии в 1870 г. и перевезенная в Херсон из музея Суручана в Кишиневе. Сохранилась она полностью, но поверхность ее сильно повреждена, что затрудняет чтение семистрочной греческой надписи (рис. 1).

Размеры плиты следующие: высота 1,61 м, ширина 0,54 м, толщина 0,16 м.

Надпись, вырезанная крупными буквами (высота 4—6 см, ширина 3—3,5 см), занимает около половины плиты; под нею помещено два сложных геометрических изображения высотой 0,37 и 0,49 м. Благодаря тому, что они вырезаны весьма

Рис. 1. Плита из Херсонского музея с греческой надписью и знаками.

глубокой и широкой линией, очертания и выступают совершенно отчетливо.

¹ Ср. П. Беньковский, О терракотовых повязках из Керчи, ИАК, в. 9, стр. 70.

Сразу же после находки плиты в 1870 г. она была издана Ф. А. Струве¹ на основе копии, присланной П. Бурачковым. Затем ее переиздал В. Юрьевич² по снимку Н. А. Аркаса и, наконец, В. В. Латышев³, окончательно уточнивший текст надписи.

Ασφωρουγος
Καράστου την
στηλιδα[ν] Σανε-
στησεν ΑΧΙΛ-
λετ Καλλικλέ-
ως μνήμης
Χαρτιν

Перевод: Асфоруг сын Кааста поставил плиту Ахиллу сыну Каллика на память.

Точной датировки надписи Латышев не дает, но относит ее к позднему времени. Характер букв говорит, скорее всего, о III в. н. э.⁴. Имя Асфоруг, видимо, местное, встречается в эпиграфике Северного Причерноморья впервые.

Изображения под надписью первый издатель памятника Струве⁵ определил как знаки восточного происхождения и, следовательно, до-

Рис. 2. Изображение знаков по Струве, Юрьевичу и Латышеву.

бавленные значительно позже. Никаких аргументов в пользу этой точки зрения в статье не приведено.

Юрьевич⁶, издав надпись почти одновременно со Струве, писал об этих знаках следующее: «Какое значение имеют знаки, находящиеся внизу надписи, представляющие как бы несколько букв, соединенных вместе, догадаться трудно, но едва ли можно считать их простым украшением..., чтобы заполнить пустое место, оставшееся на камне».

Латышев интересовался главным образом надписью; по поводу знаков он повторил мнение Струве, полагая, что в дальнейшем их изучением займутся специалисты-востоковеды.

При первом же беглом осмотре памятника в Херсонском музее нам бросилось в глаза весьма неточное воспроизведение знаков в изданиях, причем у всех указанных авторов знаки имеют различные очертания (наиболее близок к подлиннику рисунок Латышева). Видимо, все внимание было сосредоточено на копировании надписи, а знаки зарисовывали лишь приблизительно.

Произвольная замена прямых линий кривыми и нарушение общих пропорций изменили характер изображения. Для большей наглядности мы приводим эти неточные копии наряду с фотографией и прорисью, выполненными нами по подлиннику (рис. 2).

¹ Th. Struve, Pontische Briefe, Rheinisches Museum für Philologie, т. 25, 1870 стр. 359 сл.

² В. Юрьевич, Ольвийская надпись, ЗОИД, т. VIII, стр. 1 сл.

³ IPE, I¹, № 118, и I², № 205.

⁴ Ср. ольвийские надписи IPE, I², № 184 и 185.

⁵ Th. Struve, ук. соч., стр. 360.

⁶ В. Юрьевич, ук. соч., стр. 2.

Быть может, изображение «полумесяца» над вторым знаком и другие неточности ввели в заблуждение исследователей, не видевших самого камня, породив, в частности, гипотезу о восточном происхождении этих знаков. В действительности, среди восточных знаков аналогичных форм не встречается; поэтому мнение Струве представляется неубедительным.

Считая знаки восточными, Струве вынужден был принять их за позднейшие дополнения, что также не подтверждается при внимательном изучении памятника.

Расположение знаков, а также характер резьбы и их общий стиль заставляют предполагать руку одного мастера, одновременно выполнившего и греческую надпись и знаки.

Тогда возникает вопрос: что же представляют собой эти знаки? Если они одновременны надписи, то естественнее всего предположить, что перед нами скифо-сарматские знаки, широко распространенные в Северном Причерноморье в первые века н. э. Однако приходится отказаться и от этой гипотезы, так как среди множества известных знаков этого рода они не имеют никаких аналогий. Правда, существуют сложные двух- и трехчленные знаки (особенно на Боспоре), которые состоят

из различных сочетаний более простых элементов. Если предположить, что мы имеем дело с новыми, не встречавшимися раньше сложными знаками, то их следует разложить на составные части и рассмотреть каждую из них в отдельности. Но и эта попытка не дала положительного результата, однако она натолкнула на совершенно другой путь решения вопроса, который смутно угадывался еще Юргевичем (см. выше), но не получил дальнейшего развития в науке.

Начав исследование со второго изображения, мы вскоре пришли к выводу, что оно состоит не из знаков, а из сочетания греческих букв, т. е. представляет собой какую-то сложную монограмму.

Хорошо известны различные лигатуры и монограммы на античных сосудах и монетах, в том числе и из городов Северного Причерноморья¹, хотя многие из них окончательно не расшифрованы. Поэтому, приступая к чтению монограммы, мы твердо помнили указание А. Н. Зографа, что «расшифровка монограмм принадлежит к числу едва ли не самых трудных задач археологического исследования. Для того, чтобы показаться убедительной и сделаться общепризнанной, такая расшифровка должна происходить просто, без натяжек, и естественно вытекать из историко-археологического анализа памятника, носящего монограмму»².

Прежде всего мы установили, что в основе второй монограммы лежит большая буква Х, нижняя часть которой с перекрестием внутри является одновременно А, а верхняя — перевернутой А (рис. 3).

Обращает на себя внимание, что форма альфы с ломаной астой совпадает с начертанием этой буквы в надписи; соответствуют надписи и общие пропорции букв.

Интересно отметить, что в Ольвии первых веков н. э. чеканились монеты с монограммой (архонт)³, где имеется такое же сочетание букв А и Х, как и в нашей монограмме.

¹ См. И. И. Толстой, Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, М., 1953, № 28, 56, 85, 97, 131, 141, 226 и др.; Г. Д. Белов и С. Ф. Стржецкий, Отчет о раскопках Херсонеса в 1937 г., МИА, № 34, стр. 73, рис. 38.

² А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, стр. 91.

³ Там же, табл. XXXIV, 12 сл.

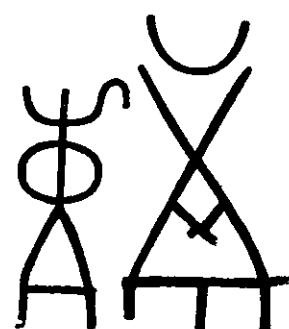

Рис. 3. Прорись знаков.

из различных сочетаний более простых элементов. Если предположить, что мы имеем дело с новыми, не встречавшимися раньше сложными знаками, то их следует разложить на составные части и рассмотреть каждую из них в отдельности. Но и эта попытка не дала положительного результата, однако она натолкнула на совершенно другой путь решения вопроса, который смутно угадывался еще Юргевичем (см. выше), но не получил дальнейшего развития в науке.

Начав исследование со второго изображения, мы вскоре пришли к выводу, что оно состоит не из знаков, а из сочетания греческих букв, т. е. представляет собой какую-то сложную монограмму.

Хорошо известны различные лигатуры и монограммы на античных сосудах и монетах, в том числе и из городов Северного Причерноморья¹, хотя многие из них окончательно не расшифрованы. Поэтому, приступая к чтению монограммы, мы твердо помнили указание А. Н. Зографа, что «расшифровка монограмм принадлежит к числу едва ли не самых трудных задач археологического исследования. Для того, чтобы показаться убедительной и сделаться общепризнанной, такая расшифровка должна происходить просто, без натяжек, и естественно вытекать из историко-археологического анализа памятника, носящего монограмму»².

Прежде всего мы установили, что в основе второй монограммы лежит большая буква Х, нижняя часть которой с перекрестием внутри является одновременно А, а верхняя — перевернутой А (рис. 3).

Обращает на себя внимание, что форма альфы с ломаной астой совпадает с начертанием этой буквы в надписи; соответствуют надписи и общие пропорции букв.

Интересно отметить, что в Ольвии первых веков н. э. чеканились монеты с монограммой (архонт)³, где имеется такое же сочетание букв А и Х, как и в нашей монограмме.

¹ См. И. И. Толстой, Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, М., 1953, № 28, 56, 85, 97, 131, 141, 226 и др.; Г. Д. Белов и С. Ф. Стржецкий, Отчет о раскопках Херсонеса в 1937 г., МИА, № 34, стр. 73, рис. 38.

² А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, стр. 91.

³ Там же, табл. XXXIV, 12 сл.

Снизу к букве А примыкает положенное горизонтально Е. Нижняя попечная черточка от Е несколько короче остальных (быть может, по недосмотру резчика), но средняя одинаковой длины с верхней, как и в самой надписи.

Нарушая симметрию, одна из линий Е (горизонтальная) продлена вправо, видимо, образуя еще одну букву — И.

Таким образом, второй «знак», по нашему мнению, состоит из букв А, Х, А, Е, И, представляющих собой монограмму имени 'Аχιλλεος.

Сделать свое чтение убедительным, как писал А. Н. Зограф, можно, лишь связав его с памятником в целом. Мы уже отмечали сходство форм букв в монограмме и надписи. Такое же совпадение оказалось и в содержании: надпись посвящена Ахиллу сыну Калликла.

Чтобы окончательно убедиться, что перед нами не случайные совпадения, как могут подумать некоторые, остается доказать, что и первый знак представляет собой связанную с надписью монограмму.

В первой монограмме легко удается выделить перевернутую букву Ф, очертания которой также соответствуют палеографическим особенностям надписи.

Из-за нечеткости форм некоторое затруднение вызвало сочетание букв в нижней части монограммы, которое мы первоначально приняли за А (или Δ) и Г (проверяя форму букв по надписи, мы и на этот раз убедились, что в ней такая же квадратная сигма), но тогда оказывалось слишком большое скопление согласных в одном слове. Поэтому мы пришли к выводу, что перед нами А с вписанной в нее Г. Квадратная форма сигмы привела к тому, что альфа имеет прямую асту, не соответствующую второй монограмме и надписи, но это вполне возможно, так как в самой надписи встречаются различные формы одних и тех же букв (А, М, О и др.).¹

Здесь нам могут напомнить цитированные выше слова А. Н. Зографа о недопустимости натяжек при расшифровке монограмм, но Зограф имел в виду главным образом монетные монограммы, связанные с другой техникой выполнения. Целая серия монет чеканилась по одному заранее изготовленному штампу под наблюдением и ответственностью специальных должностных лиц. Плиты же с надписями выполнялись мастерами различной квалификации и степени грамотности, и потому в надписях, менее сложных, чем монограммы, мы нередко встречаем ошибки, пропуски или незавершенность отдельных букв.

Присмотримся также к некоторым деталям работы резчика над нижней частью первой монограммы.

Левую нижнюю линию он сначала повел несколько вкось, видимо, намереваясь изобразить привычную форму буквы А, но затем, вспомнив об Г и решив, что для нее внизу останется мало места, поспешно выпрямил линию и даже протянул ее слишком далеко наверх, рискуя нарушить общие пропорции букв и сделать Г похожим на П. Создается впечатление, что с указанных букв резчик и приступил к выполнению монограмм, допустив на первых порах несколько мелких оплошностей.

В целом первая монограмма, состоящая из букв А, Г и Ф, расшифровывается как начало имени 'Ασφ[ώρουγος], соответствующее имени лица, посвятившего данную надпись.

Таким образом, обе монограммы обозначают два основных имени надписи: того, кто ее посвятил, и того, кому она посвящена. Они как бы

¹ Сочетание А и Г могло быть решено по аналогии с сочетанием А и Е во второй монограмме, но из желания избежать однообразия или в силу других причин мастер этого не сделал. Наконец, возможно, что резчик стремился к указанной аналогии, но просто забыл вырезать асту внутри альфы. Однако это предположение представляется менее вероятным.

в сжатой форме повторяют главное содержание надписи: 'Αστούρος Αχιλλεῖτ, в то же время украшая весь памятник.

Без объяснения еще остаются дугообразные значки над монограммами, которые, несомненно, не входят в буквенный состав монограмм, но выполнены одновременно с ними.

Е. М. Штаерман¹ отмечает, что на позднейших надписях часто бывают причудливые монограммы, причем буквы снабжаются различными украшениями и значками. Быть может, и наши дужки служили украшением, знаком лигатуры или имели какой-либо сакральный смысл, связанный с характером самой надписи².

Соответствие имен в монограммах и надписи, а также сходство палеографических особенностей доказывают, по нашему мнению, правильность предложенной расшифровки этих двух загадочных знаков.

Рассмотренный памятник показывает, что в первые века н. э. в Северном Причерноморье наряду со знаками (значение которых еще далеко не изучено) на плитах с надписями иногда помещали сложные греческие монограммы³. Это заставляет нас более внимательно и критически пересмотреть весь материал, в котором возможны и другие случаи смешения букв и монограмм со знаками.

Приведем для примера одну надпись. В IPE, IV, № 237, издано надгробие из Пантикалея первых веков н. э. с греческой надписью и знаком. Поскольку плита не сохранилась, а в издании помещена примерная зарисовка, которой полностью доверять нельзя, нет возможности и точно судить об очертаниях знака. Аналогичные знаки нам не известны, а очертание, близкое греческой букве Μ с небольшим украшением, возможно, связано с встречающимся в надписи именем Макарий.

Умение отделять знаки от монограмм необходимо как для расшифровки последних, так и для классификации и изучения знаков Северного Причерноморья⁴.

---

¹ Е. М. Штаерман, О загадочных знаках Северного Причерноморья, ВДИ, 1950, № 1, стр. 115.

² Некоторое сходство имеют нечитаемые значки на монограммах ряда боспорских монет (А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 191) и дужки над Н-образными знаками на стенах пещеры Ак-Кая в Крыму (не изданы) и на бронзовом зеркале из Керчи (ИАК, в. 25, стр. 16, рис. 6).

³ Ср. две легко читаемые монограммы на надгробии из Керчи, изданном В. Шкорпилом, ИАК, в. 54, № 6. Они также расположены под надписью и соответствуют упомянутым в ней именам. Плита хранится в лапидарии Керченского музея.

⁴ Эта задача осложняется тем, что в качестве знаков частично использовали и формы букв.

КЛАД АНТИЧНЫХ МОНЕТ ИЗ КАМЕНКИ-ДНЕПРОВСКОЙ

Н. И. ВОЛЧКОВА

(Мелитополь)

В 1954 г. в Мелитопольский краеведческий музей преподавательницей В. И. Ашихман были доставлены 19 ольвийских монет, так называемых борисфенов, и две пантикопейские бронзовые (?) монеты. По словам В. И. Ашихман, эти монеты были найдены в глиняном сосуде «с высоким узким горлом» на левом берегу Днепра, у с. Каменки-Днепровской, в песчаных кучугурах после сильной бури. Монеты нашел в 1914 г. крестьянин этого села. Часть найденных монет он передал В. И. Ашихман, которая хранила их у себя до 1954 г., остальные монеты утрачены, и дальнейшая их судьба не известна. Сколько было монет в сосуде, не известно, но, по словам находчика, их было много.

Сохранность переданных в музей монет хорошая. Все они покрыты хорошей патиной темнозеленого цвета, легко поддающейся очистке.

Найденные борисфены однотипны. На лицевой стороне они имеют изображение головы рогатого речного бога, на обратной выбиты: лук в горите, секира, монограмма и надпись ОΛΒΙΟ (табл. I). Если сравнить лицевые и оборотные стороны монет, можно установить, что данные экземпляры монетбиты различными штемпелями, повторения одинаковых штемпелей на монетах нет. Борисфены имеют одну сторону несколько меньшего диаметра, чем другая (разница у 15 монет составляет 1 мм, у трех монет — 2 мм, у одной монеты — 3 мм), и резко скошенный край. На всех монетах заметны следы небрежного отруба литников.

При датировании ольвийских борисфенов А. Н. Зограф принимает во внимание технику изготовления монеты и ее вес¹. Согласно его датировке, три первые монеты (диаметр 20—21 мм, вес 10,54—11,77 г) следует отнести к началу III в., следующие две (диаметр 19 и 20 см, вес 9,13 и 9,78 г) — ко второй трети III в. и остальные экземпляры (диаметр 16—20 мм, вес 4,92—8,97 г) — к концу III в. до н. э.

Обе пантикопейские монеты этого клада также однотипны. На лицевой стороне изображена голова безбородого сатира, на обратной — львиная голова с осетром под нею и с буквами ΠΑΝ. Диаметр монет 20 мм, вес 5,98 и 6,63 г. Обе монеты имеют надчеканки: на лицевой стороне — двенадцатиконечную звезду во вдавленном круге, на обратной — горит с луком (табл. I, 20, 21). Монеты биты разными штемпелями. Такие монеты с подчеканками А. Н. Зограф относит к началу III в. до н. э.².

Как уже сказано, клад был найден у с. Каменки-Днепровской, возможно, на территории Каменского городища — этого значительного

¹ А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, стр. 132.

² Там же, стр. 177, 245.

центра скифской эпохи. Скифы Поднепровья вели оживленную торговлю с Ольвией и Боспором и, повидимому, эту территорию нередко посещали ольвийские и пантикопейские купцы. Описанная находка является

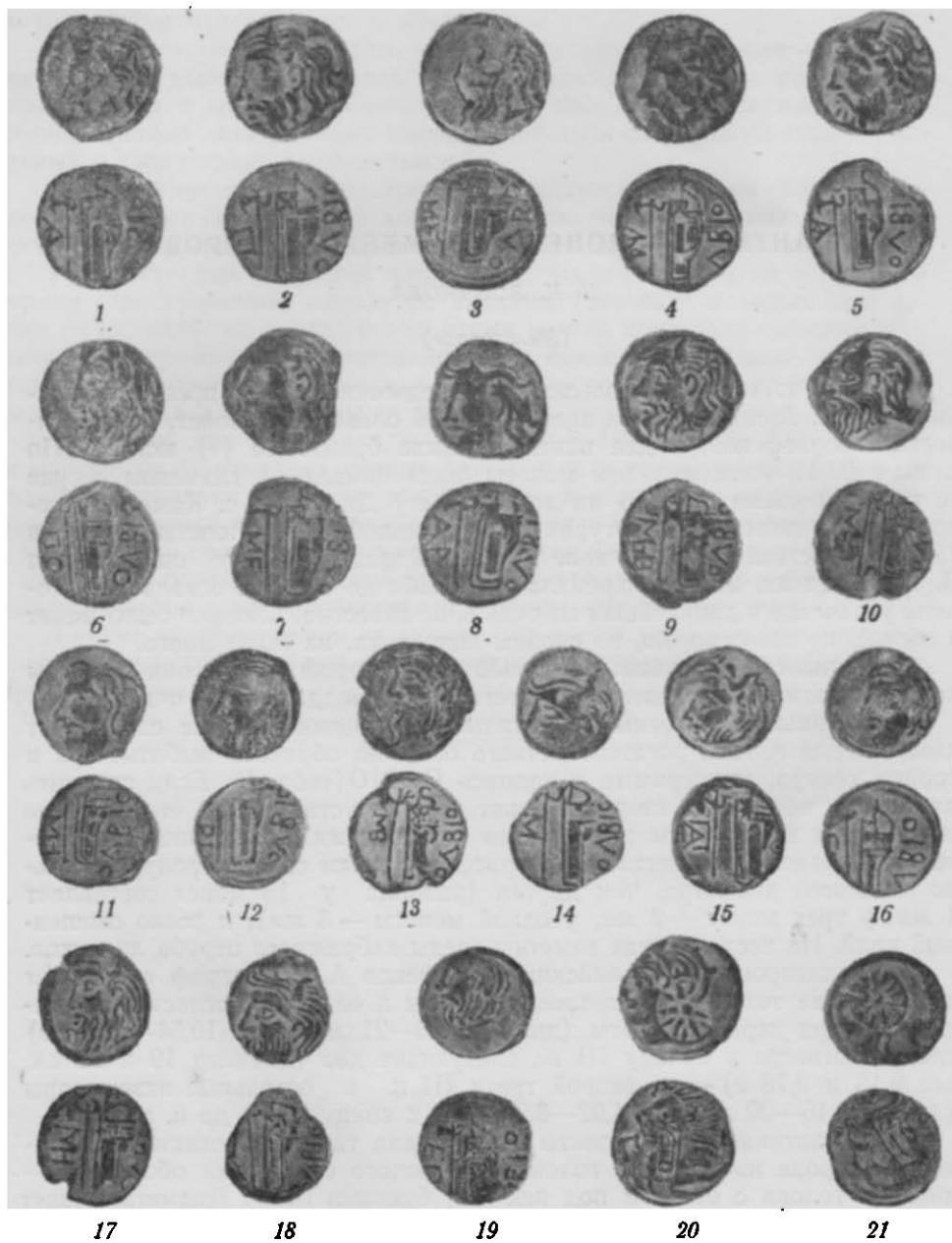

Таблица I. Монеты клада из Каменки-Днепровской.

1—19 — монеты Ольвии, 20, 21 — монеты Пантикапея.

пока что единственным кладом монет нашего античного Причерноморья, найденным на территории Скифии далеко за пределами ольвийской территории и Боспорского царства.

О НЕОБЫЧНЫХ МОНЕТАХ РИСКУПОРИДА VI

К. В. ГОЛЕНКО

(Москва)

Монеты Рискупорида VI, последнего известного по нумизматическому материалу боспорского царя, как и других, близких ему по времени царей, являются единственным источником по истории позднего Боспора, известной лишь (кроме монет) по нескольким малосодержательным надписям и отрывочным упоминаниям у позднейших авторов. Поэтому изучение нумизматического материала Рискупорида VI, исследованного еще далеко не достаточно, имеет большое значение для понимания истории Боспора конца III — начала IV вв. н. э.

В монетах Рискупорида VI, несмотря на их чрезвычайную грубость и, как правило, неграмотность легенд, чувствуется отстоявшийся стиль и единая манера трактовки изображений. Поэтому стилистические и типологические отклонения у некоторых монет Рискупорида VI, необычных своей трактовкой изображений и неправильностью начертания года, выявляются из числа других монет сравнительно легко. В данной заметке мы коснемся лишь некоторых монет данного рода.

Лицевая сторона: бюст царя вправо, перед ним искаженный стилизованный венок *, кругом (не по всему кругу монеты) искаженная легенда **•УССІСКОВ**

Оборотная сторона: бюст императора вправо. Внизу и по сторонам его **•ІХІІІ**. Стиль монеты очень упрощен и груб (табл. I, 1—3)¹.

Подобного типа монеты Рискупорида VI в нумизматической литературе известны давно². Исследователи, хотя и отмечали грубость и необычность этих монет, пытались все же видеть в них раннюю чеканку Рискупорида VI, читая явно искаженную дату как 610 (IX) год боспорской эры³.

Но только Росс⁴ и А. Н. Зограф⁵ обратили внимание на существование монет с лицевой стороной, одинаковой с указанными выше, но другой по сравнению с ними оборотной стороной. Стилистически оборотная сторона этих монет совершенно идентична описанным выше, но они принадлежат другому типу (дата по сторонам бюста императора, без добавочных атрибутов), с совершенно неожиданной датой **•ІХІІІ**.

¹ Дальше в тексте все номера монет соответствуют рисункам табл. I.

² Б. Кене, Описание музеума кн. Н. В. Кочубея, т. II, СПб., 1857, стр. 344, № 2 (приведены сведения о более ранних публикациях подобных монет); А. Орешников, Каталог собрания гр. А. С. Уварова, в. VII, М., 1887, стр. 120, № 790; W. Wroth, Catalogue of the Greek coins in the British Museum. Pontus, Paphlagonia, Bitynia and the kingdom of Bosporus, London, 1889, стр. 80, табл. XVIII, 10.

³ Там же. Разница между нашим летосчислением и боспорской эрой 296/7 лет.

⁴ W. Wroth, ук. соч., стр. 80, табл. XVIII, 13.

⁵ А. Н. Зограф, Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1934 гг., МИА, № 4, стр. 158, сноска.

(№ 4—6). Это обстоятельство, поскольку в году указанных монет есть цифра 20 (К), не позволяет читать год у первых монет как IX (610), так как невероятен факт работы одного штампа лицевой стороны в продолжение более 10 лет, тем более, что они менялись в чеканке Рискупорида VI несколько раз в год.

А. Н. Зограф в своем замечании совершенно правильно, на наш взгляд, предположил, что указанные монеты являются подражанием. Это положение подтверждается наличием у этих монет ряда признаков, свойственных варварским подражаниям: 1) очень грубый и упрощенный стиль изображений (в частности необычная трактовка венка перед бюстом царя, смысл которого был не понят резчиком); 2) полное искажение легенды — *•vci•k•v* (вместо *VACILÆQS RHCIOGPORIC*, наиболее обычной формы легенды); 3) искаженное и неосмысленное начертание года; 4) пониженный вес (нам известен вес 7 экземпляров — 6,77 г¹; 6,28 — Брит. муз.²; 5,84 — Брит. муз.; 5,25 — Эрмитаж; 5,08 — Эрмитаж; 4,72 — Эрмитаж; 4,55 — частн. собр.), в то время как средний вес монет Рискупорида VI — 7,3—7,6 г, хотя в виде исключения встречаются экземпляры с весом немного ниже 7 г, но есть экземпляры и в 8—8,4 г. Неверный, чаще всего пониженный вес — очень характерен для подражаний.

Разные типы оборотной стороны при лицевой стороне, чеканенной общим штампом, для монет Рискупорида VI — чрезвычайно редкое явление (подобные единичные случаи нам известны лишь для монет 622—623 гг., дающих большое количество разных, но отличающихся только незначительными деталями типов). Что касается чеканки Рискупорида VI, то последняя вообще отличается большой консервативностью, особенно в 617—621 гг.

Разнотипность оборотных сторон наших монет еще раз подтверждает предположение о том, что перед нами подражания, и позволяет допустить, что мастер при изготовлении штампов одновременно копировал монеты двух типов. Прототипом для монет типа № 4—6 послужили монеты одного из самых распространенных типов в чеканке Рискупорида VI, державшегося с 618 г. до конца чеканки, с изображением на лицевой стороне бюста царя и венком перед ним и на оборотной — императора без атрибутов, с датой, расположенной по сторонам бюста (№ 15—20).

Нетрудно определить первоначальный тип и для оборотной стороны монет № 1—3. Наличие на этих монетах справа от бюста императора знака **Y** «двузубца» указывает на ранний и довольно распространенный тип, известный лишь для 616—618 гг. (№ 13—14) (в виде редкого исключения и 619 г.).

Таким образом, мастер резал одновременно штампы для подражаний с двух разнотипных монет, разновременных выпусков, но находившихся одновременно в обращении.

Сравнительно мало искаженная дата на монетах № 4—6 дает точную, на наш взгляд, дату чеканки одного из прототипов (но не дату выпуска подражаний) как 621 (АКХ). Чтение даты как 624 (ЛКХ) возможно, но мало вероятно, так как монеты этого года очень редки.

Судя по многочисленным экземплярам указанных монет (нам известно их около 12), а также по наличию двух разных штампов лицевой стороны (№ 1—5, 6) и по крайней мере четырех оборотной (№ 1, 3, 4, 6), можно предположить, что выпуск этих подражаний был довольно значительным.

Вполне возможно, что разобранные выше монеты не являются единственными известными нам подражаниями монетам Рискупорида VI.

¹ А. Н. Зограф, ук. соч.

² W. Wroth, ук. соч.

Таблица I. Монеты Рискупорида VI (№ 13—20) и подражания им (№ 1—12).

Среди монет 620 г., как правило, отличающихся чрезвычайно отстоявшимся стилем (№ 15, 16), нам известны две монеты разных штемпелей (№ 7, 8), которые хотя и обладают неискаженной легендой, своим отклонением в сторону огрубения и искажения отличаются от обычных монет 620 г. (№ 15, 16), что ясно видно при сравнении тех и других. Это обстоятельство позволяет предположить, что перед нами также подражание. Кроме очень низкого веса (4,998, 6,84 г, Тиритакский клад, Эрмитаж)¹ и грубости стиля изображений, у этих монет есть ряд нюансов, подтверждающих наше предположение: например, неправильное изображение венка у монеты № 7 в виде тонкого кольца, у № 8 — в виде многолучевой звездочки, очень плоский рельеф и т. д.

Примерно то же можно сказать и о монетах № 11, 12, чеканенных одной парой штемпелей и составляющих, судя по стилистическим данным, одну серию вместе с монетами № 7, 8. У этих монет также понижен вес (5,99 г — частн. собр., 5,75 г — Эрмитаж), легенда хотя и не искажена, но год имеет обратное начертание ГКХ (вместо ГКХ, 623).

Несколько другие стилистические и фактурные признаки отличают от предыдущих монет № 9, 10; первая из них (№ 9) известна только в одном экземпляре (Эрмитаж), что касается № 10, то нам подобных монет известно пять, но все они чеканены одной парой штемпелей. Монета № 9 копирует экземпляр 622 г. (возможно, № 18, к которой она очень близка), год, хотя и искаженный, легко читается. На одной монете типа № 10 в собрании Эрмитажа год также читается, но он 623 (623 г. ГК+). Уродливое вытянутое изображение царя и императора этих монет (№ 10) легко определяет их прототип среди монет 623 г., некоторые из которых характерны как раз этой особенностью (см., например, № 19, 20).

Характерно, что у обоих монет разбираемой группы год имеет неосмысленное начертание, так как «хи» искажено (у № 9 в виде значка, напоминающего греческую «пси» и у № 10 в виде равноконечного прямого крестика). Вес у этих монет, несмотря на характерный для них плотный толстый кружок, понижен: 6,48 г (№ 9); 7,05; 6,14; 5,81 г (№ 10).

Рассмотрение указанных монет поднимает ряд вопросов, на которые, из-за почти полного отсутствия сведений о истории позднего Боспора, вряд ли можно дать достаточно обоснованные ответы, но тем не менее некоторые выводы и предположения сделать возможно. Так, обособленность наших монет, их незначительный процент в общей массе монет Рискупорида VI и отсутствие среди них серий, в которых бы чувствовалась прогрессирующая деградация типа (явление обязательное для каждой группы подражаний, чеканившейся регулярно) заставляет констатировать случайность, эпизодичность выпуска этих монет.

То обстоятельство, что прототипами для указанных монет явились, с одной стороны, монеты 620—621 гг., составляющие наибольший процент во всей чеканке Рискупорида VI, и сравнительно редкие монеты 622—623 гг., с другой, заставляет предположить, что время чеканки этих монет падает на конец правления Рискупорида VI или на более поздний период.

Выпуск этих монет в боспорских городах возможен, так как, судя по надписи 632 г. с Таманского полуострова², правление Рискупорида VI продолжалось и после прекращения чеканки боспорской монеты в 627—629 гг.

С другой стороны, возникновение чеканки подражаний боспорским монетам у окружающих Боспор племен не может явиться для нас неожи-

¹ Л. П. Харко. Тиритакский монетный клад 1946 г., ВДИ, № 2, 1949, № 106.

² В. В. Латышев, Заметки по греческой эпиграфике, ИРАИМК, II, стр. 79 сл.

данностью, так как, очевидно, в III в., или, может быть, несколько позже у этих племен чеканились подражания римским монетам¹, что свидетельствует о развитом денежном обращении. Найдки этих подражаний довольно многочисленны и сосредоточены на азиатской стороне Боспора, главным образом в районе Новороссийска², хотя распространение этих монет, очевидно, охватывает значительно большую территорию, как об этом свидетельствует клад из стан. Червленой (Грозненская обл.)³. Но находки подобных подражаний известны и на боспорских городищах, причем и на крымских⁴, что очень интересно, так как подражания римским монетам возникли, на наш взгляд, у местных племен вследствие широкого распространения среди них римской монеты, а не благодаря общению их с Боспором, где римская монета случайна⁵.

---

¹ А. Орешников, Монеты неизвестного народа, найдимые в Керчи и на Таманском полуострове, Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья, М., 1892, стр. 36 сл.; Н. А. Захаров, Вопрос о монетах «неизвестного народа», ВДИ, № 1, 1937, стр. 262 сл.; А. Н. Зограф, Распространение находок античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, I, стр. 29 сл.

² А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 76, № 68, 70; Н. А. Захаров, ук. соч.

³ Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и других республик и областей Кавказа, IV, Баку, 1949, № 1056.

⁴ Найдка в Тиритаке, где найдено также и подражание боспорской монете (А. Н. Зограф, ук. соч., МИА, № 4, стр. 65, № 27); находка в Фанагории (А. Н. Зограф, ук. соч., ТОНГЭ, I, стр. 76, № 169).

⁵ О распространении находок римских монет см. сводку В. В. Кропоткина, Клады римских монет в Восточной Европе, ВДИ, № 4, 1951, стр. 241 сл.

ПЛИТА ИЗ КЕРЧИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГРИФОНА

В. В. ВЕСЕЛОВ

(Керчь)

17 октября 1954 г. на восточном склоне горы Митридат (г. Керчь) в откосе бывшего окопа нами был обнаружен фрагмент плиты из плотного серого известняка с изображением грифона. Плита найдена при-

Рис. 1. Обломок плиты из Керчи с изображением грифона.

мерно на 10—15 м ниже площадки, на которой сооружен обелиск в память героев Великой Отечественной войны.

Основные размеры найденного фрагмента следующие: наибольшая длина 87 см, толщина 26,5 см, вес 150 кг.

Верхняя грань камня тщательно обработана. На этой грани находятся три углубления, в которые, по всей вероятности, вкладывались металлические анкеры и шпонка для прочной связи плиты с соседней плитой.

Изображение грифона (рис. 1) выполнено рукой опытного боспорского скульптора. На нем четко вырисовываются голова грифа с суровым взглядом, характерный перепончатый гребень на гибкой шее, мощное оперение крыла. К сожалению, почти стерлись некоторые, в настоящее время еле различимые, детали: стоячие уши над крутым лбом и бородка под нижней челюстью.

При сопоставлении данного изображения грифона с аналогичными изображениями на боспорских монетах¹, на пеликах так называемого керченского стиля², на ювелирных изделиях (например, на золотом калафе, найденном в кургане Большая Близница на Тамани)³, можно

¹ А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, табл. XL, 18.

² М. М. Кобылина, Поздние боспорские пелики, МИА, № 19.

³ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 287.

предположить, что керченский грифон относится к IV в. до н. э., возможно, к первой его половине (правление Левкона I), что подтверждается и изображением однотипного грифона на тетроболе (375—340 гг. до н. э.).

Если полным изображением грифона считать его изображение на упомянутом золотом калафе, то та часть изображения грифона, которая сохранилась на найденном фрагменте плиты, в пропорциональном отношении составляет примерно шестую часть полного изображения. Иными словами, каменное изображение грифона, возможно, занимало 1,5 m^2 .

Как известно, изображение грифона было особенно распространено на Боспоре. Об этом ясно свидетельствуют многочисленные пелики так называемого керченского стиля, найденные, главным образом, в пределах Боспорского государства. На этих пеликах изображены в различных сочетаниях грифоны, амазонки и аримаспы.

Напрашивается мысль, что обнаруженное на горе Митридат скульптурное изображение грифона было вставлено древними строителями в крепостную стену или башню акрополя или города в качестве герба Пантикея.

Советская археология получила еще один вариант изображения пантикеевского грифона, исполненного рукой хорошего мастера.

ЖЕЛЕЗОПЛАВИЛЬНЫЙ ГОРН В НОВОЙ ПОКРОВКЕ

А. Т. БРАЙЧЕВСКАЯ

(По материалам раскопок И. Ф. Левицкого)¹

В 1936 г. у поселка Новой Покровки, Чугуевского района, Харьковской области, И. Ф. Левицкий обнаружил остатки железоплавильного производства. Находки, связанные с плавкой железа, были обнаружены на второй надпойменной террасе левого берега р. Уды, на южном, обращенном к реке склоне песчаной дюны.

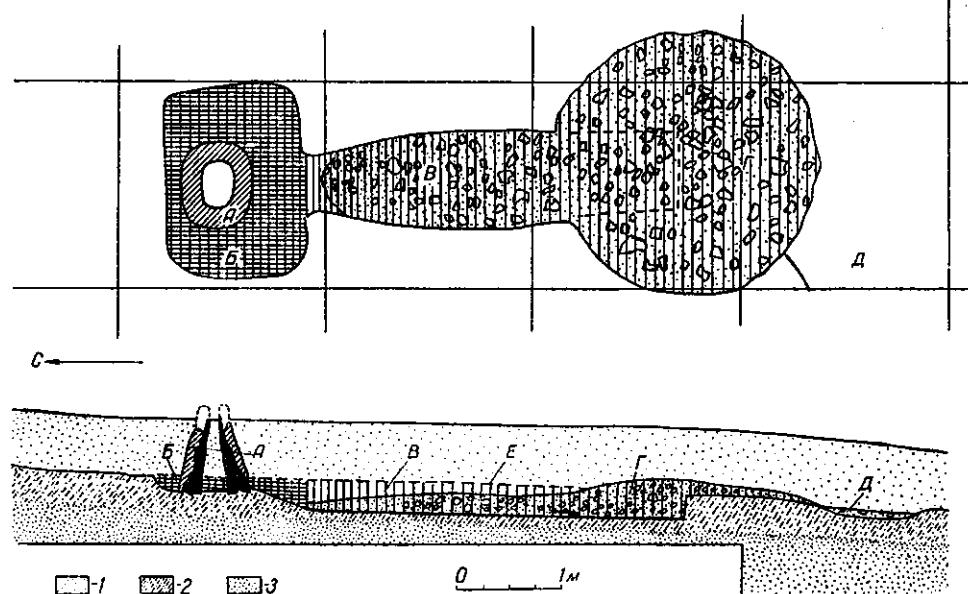

Рис. 1. Остатки железоплавильного комплекса (план и разрез).

A — горн; *B* — яма вокруг горна; *В* — проход, заполненный шлаками; *Г* — куча шлаков; *Д* — вход в полуzemляночную постройку; *Е* — уровень древней поверхности.
1 — слой серо-желтого золового песка; 2 — слой желтого песка; 3 — поверхность се-рых речных песков.

щенном к реке, склоне песчаной дюны. Остатки железоплавильного комплекса находились в слое песка, на глубине 0,55—0,70 м (рис. 1). Ниже (0,85—1,0 м) залегал культурный слой, относящийся ко времени поздней бронзы и раннего железа.

Железоплавильный горн помещался посреди неглубокой квадратной

¹ Настоящая публикация представляет собой обработку материала раскопок И. Ф. Левицкого, которая не была закончена при его жизни.

ямы, специально выкопанной в земле, размерами $1,80 \times 1,40$ м и глубиной 0,13—0,18 м от древнего уровня почвы. Сооруженный из глины со значительной примесью песка, он сохранился на высоту 0,72 м (первоначальная его высота, надо полагать, достигала 1 м). Нижняя часть горна была в плане овальной, вытянутой с запада на восток, снаружи она имела размеры $0,75 \times 0,36$ м, внутри $0,44 \times 0,24$ м. В разрезе горн имел конусовидную форму. Начиная от двух третей высоты, он значительно сужался, оканчиваясь наверху отверстием, которое служило для загрузки горна углем и железной рудой, а также для выхода дыма (рис. 2).

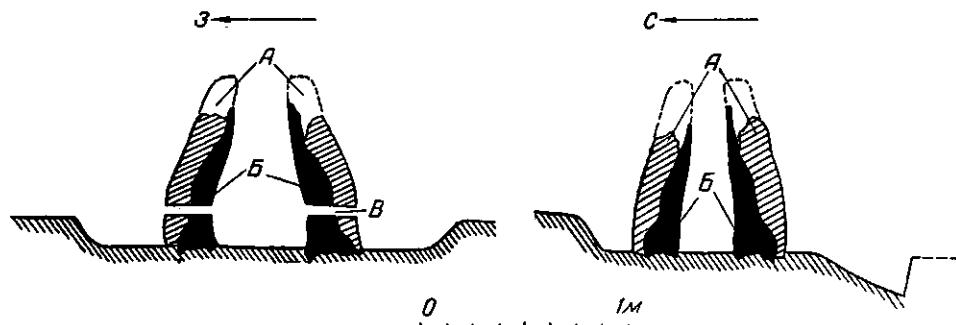

Рис. 2. Разрезы горна по линии С—Ю и В—З. А — внешняя поверхность горна; Б — внутренняя оплавленная поверхность горна; В — отверстия для сопел.

В нижней части горна с западной и восточной стороны находилось по одному отверстию для сопел — глиняных трубок, которыми оканчивались меха и через которые нагнетали в горн воздух, необходимый для восстановления железа из руды. Отверстия, длиной 20 см и диаметром 3,5—4,5 см каждое, выходили на уровень древней почвы, так что меха во время работы горна должны были находиться на уровне поверхности земли (рис. 2).

Способ получения железа в такого типа «сыродутных» горнах хорошо известен и по этнографическим и по археологическим материалам¹. Горн загружался измельченной железной рудой, засыпавшейся поверх горящего древесного угля. В результате горения угля в горне происходил химический процесс — восстановление железа из руды. Порода в виде жидкого шлака отделялась от металла, а восстановленное железо опускалось в нижнюю часть горна, откуда оно извлекалось после окончания «варки».

Внутри описываемого горна сохранились следы выплавки в нем железа. Внутренняя поверхность горна была сильно обожжена и покрыта оплавленным металлом, внутри его находились куски шлаков. Из ямы, в которой помещался горн, в южном направлении тянулся проход длиной 2,5 м и шириной 0,5—0,7 м, который был почти доверху заполнен кусками шлаков и углем. Проход служил для отребания или выноски отходов производства, так как в конце его лежала куча шлаков (рис. 1, 3).

В 1 м к югу от кучи шлаков были открыты остатки полуземлянки, относящейся к тому же культурному слою, что и горн (рис. 3). Постройка размером 4×4 м имела вход с восточной стороны. В центре ее, в небольшом углублении, помещался очаг, у которого находился круг, выполненный из кусков железной руды (гематита). Надо думать, полу-

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 122—133; Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси, МИА, № 32, стр. 22—26.

землянка была жилищем ремесленника, которому принадлежал горн. Возможно, здесь же он производил и некоторые вспомогательные операции, связанные с его ремеслом (нагревание и проковка криц и т. п.). Выложенный из кусков руды круг, видимо, имел какое-то символическое значение.

Сверху железоплавильный комплекс был перекрыт погребениями более позднего могильника (рис. 3). В частности, несколько погребений

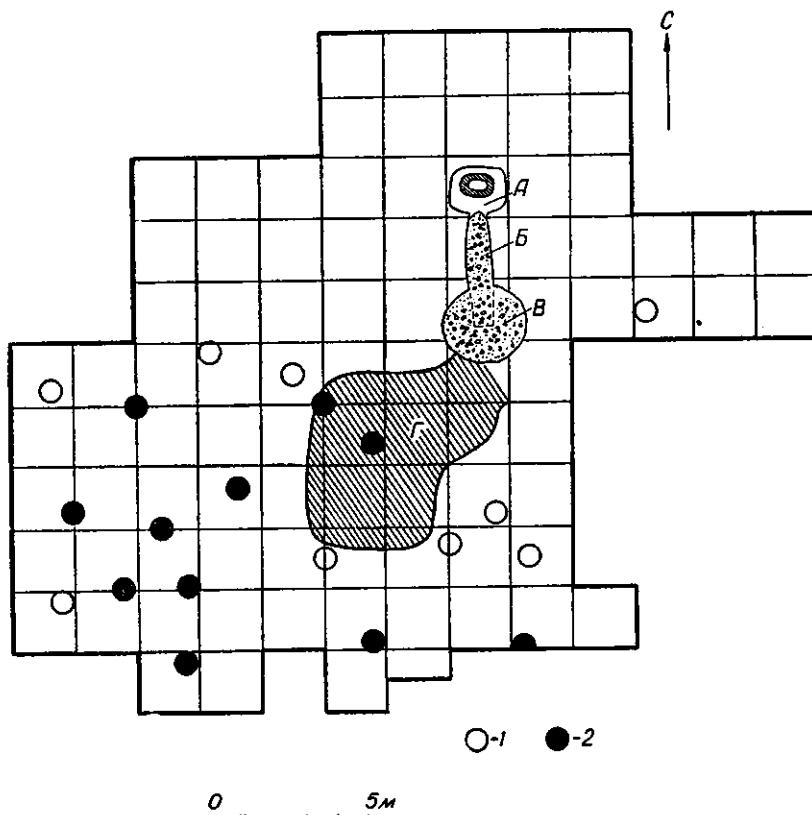

Рис. 3. План раскопа с остатками железоплавильного производства.
А — яма с горном; Б — проход, заполненный шлаками; В — куча шлаков;
Г — полуземляночная постройка. 1 — разрушенные погребения; 2 — по-
гребения могильника VII—VIII вв. н. э.

было выявлено над полуземляночной постройкой. Исследование этого могильника, начавшееся еще И. Ф. Левицким в 1936—1937 гг., было закончено Ю. В. Кухаренко в 1949 г. Могильник был датирован VII—VIII вв. н. э. и определен как раннеславянский памятник, испытывавший на себе влияние соседней салтово-маяцкой культуры¹. Таким образом, исходя из стратиграфических условий, горн можно датировать промежутком времени начиная от позднескифской эпохи и кончая серединой I тыс. н. э. И. Ф. Левицкий датировал горн I—II вв. н. э., однако, к сожалению, не привел достаточно веских оснований для подобной датировки.

Хорошо сохранившийся горн у Новой Покровки представляет боль-

¹ Ю. В. Кухаренко, Новопокровський могильник і поселення, «Археологія», т. VI, К., 1952.

шой интерес. Железоплавильные горны известны начиная с позднескифской эпохи, однако в более южных, степных районах Скифии¹. Данный памятник является наиболее древним железоплавильным горном лесостепной полосы УССР. Наземные глиняные горны аналогичного типа были распространены в первой половине I тыс. н. э. в Средней Европе². Такого типа горны известны в памятниках второй половины I тыс. н. э. в средней и северной полосе Восточной Европы (Белоруссия, Псков)³. В древней Руси железоплавильный горн получает широкое распространение⁴.

Найдка в Новой Покровке показывает, что уже в первой половине I тыс. н. э. или даже в конце I тыс. до н. э. в лесостепной полосе Восточной Европы применялись для выплавки железа специальные наземные горны с дутьем.

---

¹ Б. Н. Граков, Каменское городище на Днепре, МИА, № 36, стр. 118—124.
² J. Filip, Praha pravěká, Praha, 1949, стр. 112—114, рис. 81, 82; F. Suhars, Prähistorischen Eisen-Schmelzofen in Wicklitz bei Türmitz, Zeitschrift für Ethnologie, Berlin, 1898, стр. 189.

³ А. Н. Ляданський і К. М. Палікарповіч, Даргісторні жалезнай пра-
мисловасці на Беларусі па данных археолёгії, «Савецкая Краіна», № 5, 1932,
стр. 69—72, рис. 5—7; С. А. Тараканова, О происхождении и времени возникно-
вения Пскова, КСИИМК, в. XXXV, стр. 26—27.

⁴ Б. А. Рыбаков, ук. соч.; Б. А. Колчин, ук. соч.

ЧЕРЕПА ИЗ ВОВНИГСКИХ ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Т. С. КОНДУКТОРОВА

(Москва)

В 1949 и 1952 гг. в Солонянском районе, Днепропетровской области, М. Я. Рудинским¹ были вскрыты два могильника. Оба могильника располагались в обрыве берега Днепра (первый — на левом берегу против с. Вовниги, второй — несколько выше по течению на правом берегу в центре этого села). Хронологически, по мнению М. Я. Рудинского, они близки друг к другу и предшествуют Мариупольскому могильнику (может быть, части его погребений). М. Я. Рудинский рассматривает Вовнигские могильники «как локальную вариацию поздне-неолитических могильников днепровско-приазовского юга».

Сохранность остеологического материала из могильников плохая. Черепа почти во всех случаях были раздавлены и некоторые из них посмертно деформированы. Многие черепа состояли из 10—20, а иногда и большего числа фрагментов. Большую и тщательную работу по реставрации черепов проделал лаборант Института антропологии Московского государственного университета М. Н. Елистратова.

В результате оказалось возможным включить в научную обработку из правобережного могильника 19 мужских и 7 женских черепов, из левобережного могильника 7 мужских и 4 женских черепа, кроме того, несколько отдельных нижних челюстей. Один череп подростка был измерен, но в подсчет средних не был включен. Вследствие плохой сохранности черепов, количество измерений различно по разным признакам. Так, черепной указатель определен на 21 мужском и 11 женских черепах, скуловой диаметр — на 20 мужских и 17 женских, верхняя высота лица — на 17 мужских и 8 женских, а дакриальная высота всего на 4 мужских черепах.

Различий в антропологическом типе правобережного и левобережного могильников не наблюдается². Правда, левобережный могильник представлен ограниченным числом черепов, притом недостаточной сохранности. Так, лишь на двух из них можно взять лицевые размеры. Но как по измерительным, так и по описательным признакам эти два черепа не отличаются от черепов правобережного могильника. Нереальность различий средних размеров мозгового отдела и скулового диаметра

¹ Предварительные археологические данные о могильниках см. М. Я. Рудинский, Вовнигские позднеолитические могильники, КСИА, в. 4, К., 1955.

² Настоящее сообщение должно рассматриваться как предварительное, главным образом, в связи с невозможностью опубликовать в данном издании цифровой материал. Этот материал (как индивидуальные измерения черепов, так и результаты их статистической обработки) в настоящее время хранится в Институте антропологии МГУ.

черепов обоих могильников подтверждается вариационно-статистическим анализом (полученное расхождение средних арифметических величин оказалось в каждом случае меньше предельного, допустимого при случайном расхождении). Учитывая отсутствие различий в строении черепов правобережного и левобережного могильников, мы дадим их общую характеристику.

Серия черепов из вовнигских неолитических могильников в целом характеризуется долихокранией (черепной указатель равен 74,5 и 75,5)¹.

Основные диаметры черепа крупные, особенно продольный и высотный (продольный диаметр — 193,1 *мм*, 184,8 *мм*, поперечный — 144,5 *мм*; 139,4 *мм*; высотный от базиона — 144,2 *мм*, 140,0 *мм*). На большие размеры мозговой коробки указывают также горизонтальная окружность через гlabelлу (544,9 *мм*, 520,8 *мм*), поперечная дуга (326,2 *мм*, 311,4 *мм*) и сагиттальная дуга (394,3 *мм*, 374,2 *мм*).

Лоб широкий (наименьшая ширина лба — 101,1 *мм*, 95,0 *мм*). Наклон лба сильный (угол профиля лба назион—метопион к горизонтали — 79,9°, 82,8°; угол профиля лба гlabelла — метопион к горизонтали — 72,0°, 76,4°).

Надпереносье развито хорошо (баллы 3,65 и 2,45). Гlabelлярно-церебральный индекс (27,1 и 29,2) высокий и указывает также на хорошее развитие надпереносья относительно мозговой части лобной кости.

Для оценки выраженности надбровных дуг (например, на уровне внутренней трети глазницы) можно применить ту же шкалу Мартина, которая служит для оценки развития гlabelлярной области (надпереносья). По этой шкале мы можем оценить развитие надбровных дуг нашей серии как сильное (баллы 4,12 и 2,60). Надбровные дуги имеют значительное протяжение и во фронтальном направлении², так, у мужских черепов они часто заходят за середину глазниц (протяжение надбровных дуг в среднем равно 75,1 *мм* и 64,7 *мм*). Если взять отношение протяжения надбровных дуг к верхней ширине лица, то мы получим индекс, указывающий на относительное распространение надбровных дуг по краю глазницы. У вовнигской серии черепов величина этого индекса большая (66,8 и 60,9).

Хорошая выраженность наружного затылочного бугра (баллы 3,06 и 1,60) и развитые сосцевидные отростки (баллы 2,69 и 1,54) указывают также на сильное развитие рельефа.

Лицо по относительным размерам скорее широкое (верхний лицевой указатель — 50,6 и 50,0; полный лицевой указатель 83,1 и 83,2). По абсолютным размерам лицо даже очень широкое (скуловой диаметр 144,8 *мм* и 134,4 *мм*).

Высота лица средняя (верхняя высота лица — 73,5 *мм*, 67,1 *мм*; полная высота — 121,6 *мм*, 111,8 *мм*).

Профиль лица орто-мезогнатный (общий угол лица — 83,4°, 84,8°; указатель выступания лица — 94,7 и 95,3). Умеренно представлен альвеолярный прогнатизм (альвеолярный угол — 81,0°, 82,5°). Горизонтальная профилировка резко выражена. Величина назо-малярного и зиго-максиллярного углов небольшая (первый угол — 138,8°, 140,6°; второй — 126,4°, 126,7°). Глубина клыковой ямки средняя (4,3 *мм*, 4,2 *мм*).

Глазницы невысокие, о чем свидетельствует как абсолютная их высота (32,4 *мм*, 31,5 *мм*), так и глазничный указатель II (77,3 и 77,9).

¹ В данном случае и во всех последующих при описании серий в скобках даны средние арифметические величины (первая цифра — средняя арифметическая величина мужских черепов, вторая — женских).

² Протяжение надбровных дуг — прямолинейное расстояние между концами надбровных дуг. Концы надбровных дуг намечаются при осмотре черепа спереди, а затем проверяются со стороны глазниц (снизу).

Ширина глазницы большая (от дакриона — 42,2 мм, 40,0 мм; от максиллофронтала — 44,0 мм, 41,5 мм).

Нос умеренно широк и высок (ширина — 26,5 мм, 25,1 мм, высота — 54,1 мм, 49,9 мм). Носовой индекс указывает на мезоринию (48,7 и 50,6).

Высота переносья значительная (у мужских черепов дакриальная высота — 14,4 мм; дакриальный указатель — 62,0; максиллофронтальная высота — 10,4 мм, 8,6 мм; симотическая высота — 5,2 мм, 4,3 мм). На выступание переносья указывает и большая величина симотического индекса (54,6 и 49,0).

Угол выступания носа выше среднего ($30,8^{\circ}$, $29,8^{\circ}$). Хорошо развита передненосовая ость (для всей серии балл 4,00). Большой является также высота переднего края носового отростка верхней челюсти¹ (высота — 11,3 мм, 10,0; индекс выступания края — 22,6 и 21,2).

Небо относительно широкое (указатель 90,2 и 93,1).

Нижняя челюсть имеет, так же как и череп в целом, крупные размеры, особенно широтные. Так, очень большую величину имеет мыщелковая ширина нижней челюсти (130,4 мм, 121,9 мм) и бигониальная ширина (116,4 мм, 104,3 мм).

Подбородок сильно выступает (угол подбородка инфрадентале-погонион с базальной плоскостью $64,7^{\circ}$, $64,8^{\circ}$).

Для суждения о степени изменчивости отдельного признака в нашей серии было высчитано среднее квадратическое уклонение. Величина среднего квадратического уклонации оказалась почти во всех случаях близкой к наиболее часто встречающимся величинам средних квадратических уклонений ранее изученных краниологических серий.

Половые различия в строении вовнигской серии черепов представлены хорошо, но они также не выходят за пределы различий обычных для краниологических серий.

Наибольшую близость вовнигская серия показывает из основных современных рас с европеоидной. Только у представителей большой европеоидной расы встречается в настоящее время комбинация орто-мезогнатного, сильно профицированного лицевого скелета с умеренно широким, сильно выступающим носом. Мы не нашли в вовнигской серии таких сочетаний признаков, которые говорили бы о примеси монголоидных или негроидных типов, во всяком случае в той комбинации, в которой они встречаются в настоящее время.

Вовнигская серия не обнаруживает полного тождества ни с одной из современных краниологических серий. В то же время она не отличается сколько-нибудь существенно от суммарной серии верхнепалеолитических черепов из Западной Европы². Оценка расхождения средних арифметических величин этих групп показала, что по всем основным признакам различия несущественны (исключением является высота глазницы — у верхнепалеолитических она еще ниже). Самое большое сходство у них наблюдается по значительной ширине лица, по очень большим размерам мозговой коробки, по сильному развитию рельефа, в частности, по развитию надбровья. Если по отношению к большинству ранее описанных серий древних черепов нашей территории можно было, строго говоря, заключить лишь о сохранении некоторых кроманьонских

¹ Технику измерений этого признака см. В. П. Якимов, Дополнительные признаки на черепе, КСИЭ, в. XVIII, 1953.

² Чтобы не осложнять решения вопроса, мы исключили из рассмотрения череп «негроида» Гриимальди и шанселядский, относительно систематического положения которых высказывалось много различных мнений, а также череп Лауч I, как принадлежащий молодому индивидууму. Добавлены данные о черепе из Костенки II.

(protoевропейских) черт¹, то в вовнигской серии мы наблюдаем их ясно. Таким образом, мы имеем серию черепов, характеризующуюся кроманьонскими (protoевропейскими) чертами. Важным является при этом, что она происходит из одного места и относится к одному времени.

В связи с большим сходством вовнигских черепов с верхнепалеолитическими черепами, мы вправе предположить о генетической связи неолитического населения кроманьонского типа с палеолитическим населением Европы.

В ту эпоху, к которой относится Вовнигский могильник (неолит и энеолит), кроманьонский тип был распространен в северном направлении по крайней мере до Онежского озера (Олениостровский могильник), возможно, и до Северного Ледовитого океана. В восточном направлении пределы его распространения доходят до Алтая и Минусинской котловины (могильники афанасьевской культуры), но, повидимому, не заходят за Енисей. Во всяком случае уже в Прибайкалье этот тип встречается разве лишь в виде примеси, в Забайкалье его нет совсем. К западу от Днепра область распространения этого типа простиралась недалеко. По крайней мере в Польше и в западных областях Украины для этой эпохи известен другой тип. На юге — в Греции, Египте, Иране — описаны также иные типы.

Кроманьонские (protoевропейские) черты представлены также на черепах древнеямной и катакомбной культур Украины, но уже в более ослабленном виде (судя по исследованным нами материалам 1951—1952 гг. Молочанской археологической экспедиции — Мелитопольский и Ново-Васильевский районы, Запорожской области). Мы можем в связи с этим предположить, что потомками неолитических кроманьонцев на Украине были племена древнеямной и катакомбной культур, далее, вероятно, скифы и, в какой-то мере, славяне. Но здесь речь идет лишь о генетической преемственности, морфологические же черты кроманьонского типа постепенно модифицируются в ходе «эпохальных» изменений.

---

¹ Г. Ф. Дебеш, Палеоантропология СССР, Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. IV, 1948.

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ РАННЕЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ИНСТИТУТЕ АРХЕОЛОГИИ АН УССР

E. V. МАКСИМОВ

В XXII томе «Советской археологии» опубликованы статьи Г. Ф. Корзухиной и Л. С. Клейна¹, в которых рассматриваются некоторые спорные вопросы происхождения и ранней истории восточных славян.

Г. Ф. Корзухина и Л. С. Клейн по целому ряду вопросов, как видно из их статей, не соглашаются с мнениями многих исследователей этой проблемы, в том числе и со взглядами сотрудников Института археологии А. И. Тереножкина и М. Ю. Брайчевского.

В Институте археологии АН УССР 7 и 9 декабря 1955 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета, на котором были рассмотрены вопросы происхождения и ранней истории славян в связи со статьями Г. Ф. Корзухиной и Л. С. Клейна.

С докладами выступили А. И. Тереножкин и М. Ю. Брайчевский.

По мнению А. И. Тереножкина, Л. С. Клейн, рассматривая доклады на VI научной конференции Института археологии, посвященные вопросу происхождения славян, не понял задач этой конференции, заключавшихся в постановке новых направлений проблемы происхождения и ранней истории восточных славян, в достаточной мере запутанной антимарксистскими положениями Н. Я. Марра. В связи с этим Л. С. Клейн не смог правильно подойти к критическому разбору взглядов, изложенных в отдельных докладах, опубликованных в сборнике VI конференции². А. И. Тереножкин подчеркнул, что скифам-пахарям он придает особое значение в истории древних славян на территории УССР. Территория, которую занимали скифы-пахари, простиралась в лесостепной зоне между Днепром и Днестром. Подобная локализация скифов-пахарей, по мнению А. И. Тереножкина, доказана на основании историко-археологических данных в статьях В. А. Ильинской и П. Д. Либерозы. Не соглашаясь с подобной локализацией скифов-пахарей, Л. С. Клейн вместе с тем не приводит никаких веских, опровергающих ее аргументов.

Утверждение Л. С. Клейна об одноэтничности Скифии, подкрепленное ссылкой на Геродота, у которого якобы недвусмысленно сказано, что все скифские племена говорили на одном языке, является недоразумением,— Л. С. Клейн приписывает Геродоту то, что принадлежит ему самому: у Геродота нигде не сказано, что племена, которые он называет скифскими, говорили на одном языке. Положение о разноэтничности Скифии подтверждают и исследования языковедов, из которых А. И. Тереножкин упоминает работы В. Ф. Миллера, считавшего, что

¹ Г. Ф. Корзухина, К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э., СА, XXII, стр. 61—82; Л. С. Клейн, Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии Академии наук УССР, СА, XXII, стр. 257—274.

² Сб. «Доклады VI научной конференции Института археологии», К., 1953.

под именем скифов скрываются различные индо-европейские племена, в том числе и ираноязычные. А. И. Тереножкин обращает внимание в связи с этим, что Л. С. Клейн совершенно игнорирует данные языкоznания, хотя и призывает других исследователей опираться на них.

По мнению Л. С. Клейна, скифы-пахари были фракийцами, их культура генетически связана с трипольем. Эта никем не обоснованная гипотеза дополняется рассуждениями, также не подтвержденными фактами, о том, что ко времени Геродота скифы-пахари, будучи ассимилированы кочевыми скифами, уже стали по языку иранцами. Данные же археологии говорят об ином ходе исторического развития: Среднее Поднепровье было заселено местными племенами, об этом свидетельствует непрерывная культурная преемственность, прослеживаемая от бронзового века до времени древнеславянской культуры полей погребений зарубинецкого типа. О том, что прародиной славян являлась территория от Вислы на западе до Днепра на востоке и до границы Лесостепи со Степью на юге, — писал еще Л. Нидерле. Такое представление о прародине славян соответствует и выводам современного языкоznания, считающего, что общеславянский язык складывался в контакте с древнегерманским, балтийским, фракийским и иранским языками. В связях славянского языка с иранским, по мнению Л. С. Клейна, весьма неясных, но в действительности достаточно убедительно установленных работами языковедов, А. И. Тереножкин видит особой важности факт, подтверждающий древнеславянскую принадлежность племен скифов-пахарей, которые «скифами» были только по названию.

Скифы-пахари не были ассимилированы ираноязычными кочевыми скифами. Царские скифы, правда, господствовали над лесостепными племенами, как и над другими племенами Скифии, часто совершали военные походы в Лесостепь, но обитали они на обособленных территориях и не смешивались с земледельческим населением Лесостепи. Только к более позднему времени можно отнести какое-то проникновение кочевников в южную часть Лесостепи, о чем говорят Рыжановский курган IV в. до н. э. и некоторые другие курганы со степными скифскими (по погребальному обряду катакомбными) могилами.

Л. С. Клейн думает, что в скифскую эпоху славянам могла принадлежать подгорцевская культура, памятники которой обнаружены на территории Полесья, и что с ней генетически связана зарубинецкая культура. Однако это предположение не подтверждается фактами: известно, что памятники зарубинецкой и подгорцевской культур имеют коренные различия. С несомненно большим основанием зарубинецкую культуру можно связывать с культурой скифов-пахарей. Дальнейшие успехи науки в решении вопроса происхождения славян будут зависеть от достижений сравнительно-исторического языкоznания и проведения углубленных археологических исследований как на предполагаемой территории родины восточных славян, так и в смежных с ней областях.

После доклада М. Ю. Брайчевского¹ начались прения, в которых выступило 16 человек.

В. А. Ильинская отметила, что вопрос об этническом составе населения Скифии, вопреки мнению Л. С. Клейна, и поныне является еще предметом научной дискуссии. В. А. Ильинская также подчеркнула, что ссылка Л. С. Клейна на Геродота, текст которого якобы «недвусмысленно убеждает, что все население Скифии говорит на одном языке», не подтверждается источником. Рассмотрев высказывания Геродота о языке скифов, В. А. Ильинская делает вывод, что эти высказывания относятся к группе племен собственно скифов и не содержат данных о языковом единстве всех племен Скифии. В. А. Ильинская считает, что сведения, содержащиеся у Геродота о географии и расселении племен

¹ Изложение доклада М. Ю. Брайчевского см. в настоящем сборнике

скифов, рассмотренные в сопоставлении с картой размещения археологических культур, не оставляют сомнений в том, что население Скифии было разноэтничным. В состав Скифии, помимо степного Приазовья и Причерноморья, входили и земли, расположенные между Ю. Бугом и Дунаем, и Среднее Поднепровье; на этих территориях обитали и собственно скифские племена, и фракийцы, и славяне. Неправильно утверждение Л. С. Клейна, который, вслед за М. А. Артамоновым, считает, что правобережное и левобережное Среднее Поднепровье в скифское время было заселено этнически единными будинскими племенами (будины, андрофаги и меланхлены). Археологические материалы говорят о другом, а именно, что в лесостепном Правобережье и Левобережье жили различные по культуре и происхождению племена. Генезис населения Правобережья связывается с предскифской белогрудовско-чернолесской культурой. На Левобережье корни культуры скифского времени уходят в позднесрубные памятники. Все это свидетельствует о различном составе населения Правобережья и Левобережья в скифское время.

Г. Т. Титенко возражала против тезиса Л. С. Клейна о недоказанности генетических связей скифской культуры и культуры полей погребений. Анализ погребальных памятников скифского времени Среднего Поднепровья и памятников раннеславянских племен показывает наличие общих черт: трупосожжение, складывание остатков на дно могилы без урн или в урнах, наличие ритуального мяса, сходные формы керамики. Г. Т. Титенко считает, что территорию скифов-пахарей, которых А. И. Тереножкин помещает на среднеднепровском Правобережье, следует расширить: и на Левобережье есть район, где находятся совершенно идентичные правобережным памятники — это бассейн р. Ворсклы.

Д. Т. Березовец критиковал тенденциозность подхода Е. В. Махно и М. Ю. Брайчевского к проблеме генезиса культуры Киевской Руси: указанные исследователи стремятся вывести культуру Киевской Руси из культуры полей погребений черняховского типа, датировка памятников которой ими для этого повышается. Е. В. Махно, например, датирует Ягнятинское поселение VI в., не учитывая такой твердо датирующий материал, как фибулы, относящиеся ко II—III вв. Курган IX—X вв. из Ягнятина, в котором обнаружено погребение в деревянном гробу с железными гвоздями и другими атрибутами древлянского ритуала, объявляется на основании случайно попавших нескольких черепков черняховской посуды относящимся к черняховской культуре, хотя здесь же были найдены керамика времени Киевской Руси и шиферное пряслице. М. Ю. Брайчевский не хочет признавать, что славянские племена Левобережья находились на одинаковом с племенами Правобережья уровне социально-экономического развития, хотя единство исторического процесса на этих территориях подтверждается близостью археологических культур обоих берегов Днепра, где для начала I тыс. существуют памятники зарубинецко-корчеватовского типа, так же, как во II—V вв. памятники культуры полей погребений черняховского типа. Для последующего времени на Левобережье известны волынцевские и роменские памятники, а на Правобережье — очень близкие им памятники типа Корчак и Луки-Райковецкой, а в конце I тыс. — общая для всего Поднепровья культура Киевской Руси. Единство исторического развития населения этих территорий видно даже в сходстве элементов материальной культуры Волынцевского поселения (Левобережье) и поселения на правобережном Пастьрском городище. Между культурой черняховского типа и Киевской Русью непосредственной связи не было, о чем свидетельствуют, в частности, открываемые в последнее время памятники, не имеющие ничего общего с черняховскими, но заполняющие лакуну между черняховом и Киевской Русью. Эти памятники характеризуются

лепной или сделанной на примитивном гончарном круге керамикой, по формам и орнаменту близкой к керамике Киевской Руси. Отличаются они от черняховских наличием землянок, а не наземных жилищ, печей-каменок, а не глинообитных, топографией поселений. Подобные памятники известны теперь на всей территории УССР от Северского Донца до Закарпатья.

В. А. Богусевич сказал, что дискуссия об историческом месте черняховской культуры вполне закономерна, поскольку эта проблема до сих пор не решена. Черняховскую культуру следует связывать, очевидно, со временем римского влияния, которое распространялось на широкую территорию, примыкавшую к римским провинциям. Черняховская культура была связана с рабовладельческой формацией, которая не оказала влияния на сложение Киевской Руси. С падением Римской империи исчезла и черняховская культура, простиравшаяся узкой полосой от Дона до Одера.

В. И. Довженок заявил, что Г. Ф. Корзухина в решении вопроса об исторических корнях Киевской Руси не видит преемственности исторического развития у восточных славян, которое привело к образованию древнерусского государства. По мнению В. И. Довженка, эта преемственность доказана работами советских исследователей, хотя еще многие стороны общественного развития славянских племен I тыс. н. э. не освещены или освещены слабо, многие решенные вопросы требуют уточнения, проверок и т. п. Исторической науке может принести только пользу принципиальная критика тех или иных установившихся положений, касающихся этой проблемы. В. И. Довженок считает, что статью Г. Ф. Корзухиной нельзя отнести к числу таких принципиальных критических статей. Г. Ф. Корзухина, говорит В. И. Довженок, объявляет неприемлемыми для освещения истории восточных славян сведения византийских авторов об антах, не признает, в качестве исторического источника многие археологические памятники, некоторые клады и т. д. Все это понадобилось ей для аргументации своих взглядов на исторический процесс на лесостепной территории Восточной Европы, который она понимает не как последовательное развитие общества, а как ряд опустошений, осуществленных гуннами, аварами, хазарами. Затем В. И. Довженок останавливается на необходимости разработки некоторых важных вопросов истории этого времени, которые остаются пока в тени, таких, например, как вопрос о культурной связи славянского населения, оставившего черняховскую культуру, с римским миром.

С. С. Березанская считает, что доклад А. И. Тереножкина является, по сути, развернутой аргументацией его позиции в понимании истории населения Среднего Поднепровья в I тыс. до н. э., а не критической статьи Л. С. Клейна. В советской археологии существуют две точки зрения по этому вопросу. Одни исследователи (М. И. Артамонов, В. Д. Рыбалова, В. Н. Даниленко и др.) считают, что в эпоху бронзы и раннего железа территория Среднего Поднепровья, представленная памятниками чернолесской культуры, была заселена фракийскими племенами и что славяне поселились здесь позднее, в первых веках н. э. А. И. Тереножкин придерживается другой точки зрения, согласно которой в Лесостепи, между Днепром и Днестром уже в начале I тыс. до н. э. жили славянские племена. Для доказательства подобного решения проблемы происхождения славян А. И. Тереножкину нужно на основании всей совокупности археологических данных выяснить целый ряд вопросов, таких, как связь между зарубинецкой и позднескифской культурами; этническая принадлежность подгорцевской культуры; близость чернолесской культуры к памятникам Крыма, Подолии и Молдавии, территории которых в письменных источниках зафиксирована как славянская; роль и место трипольской культуры в сложении культур брон-

зового века, в том числе и комаровской, которую А. И. Тереножкин признает основой белогрудовско-чернолесской культуры; события в жизни населения Правобережной Украины эпохи бронзы, связанные с изменением этнического состава, исчезновением трипольцев-фракийцев. Не коснувшись этих вопросов, А. И. Тереножкин в своем докладе не сказал ничего нового по сравнению со своей статьей, рецензированной Л. С. Клейном, в связи с чем многие неясные стороны взглядов А. И. Тереножкина остались в том же положении, какими их рисует Л. С. Клейн.

М. Я. Рудинский сказал, что обзор Л. С. Клейна является положительной попыткой критического рассмотрения построений некоторых сотрудников Института археологии АН УССР в вопросе происхождения восточных славян. В нашей науке в этом вопросе была допущена досадная поспешность — при недостатке соответствующих доказательств культура полей погребений черняховского типа сразу была объявлена культурой восточнославянской, чуть ли не субстратом культуры Киевской Руси. Теперь, после десятилетних поисков, говорит М. Я. Рудинский, мы видим, что это далеко не так. У нас нет неопровергимых данных, которые позволили бы между черняховской культурой и восточными славянами поставить знак равенства. Черняховская культура — это многоэтническая периферия севера Римской империи с ее отличительными признаками на отдельных территориях, но, несмотря на это, — с более или менее единой в своих проявлениях провинциальной римской культурой, представлявшей собой значительное прогрессивное явление. Еще более рискованными являются попытки найти восточных славян в археологических и лингвистических потемках II и I тыс. до н. э. Можно лишь присоединиться к наиболее мотивированной догадке о возможном славянстве невров. Нет, однако, сомнений в том, что в пределах украинской Лесостепи издавна существовало земледельческое население, которое было покорено скифами-кочевниками, о чем М. Я. Рудинский писал еще в 1926 г., так же, как и о продвижении в скифское время древнего населения с лесостепного Правобережья на Левобережье. Этнос этого населения не имеет ничего общего с вопросом о происхождении славян. В пределах украинской Лесостепи на протяжении тысячелетия (от начала I тыс. до н. э. и по первые столетия н. э.) мы можем проследить развитие единой в своих основных проявлениях культуры земледельческого населения фракийского этнического корня.

А. Т. Брайчевская говорит, что Г. Ф. Корзухина и Л. С. Клейн, указывая на различные направления среди исследователей проблемы происхождения и ранней истории восточных славян, сами не имеют определенной точки зрения и не стремятся разрешить затрагиваемые вопросы в положительном плане. Подобная направленность работ Г. Ф. Корзухиной и Л. С. Клейна представляется ей неверной. А. Т. Брайчевская считает, вопреки мнению Л. С. Клейна, что на различных материалах хозяйства (земледельческие орудия, железоплавильные и гончарные горны и т. д.) преемственную связь черняховской культуры с культурой Киевской Руси показать гораздо легче, чем на одной лишь керамике. Л. С. Клейн также ошибается, когда объявляет завышенной датировку Пастырского городища и Плиснеска, фибул с высоким приемником и кубка из Городницы. Отсутствие на Среднем Поднепровье памятников VI—VII вв. А. Т. Брайчевская склонна объяснить слабой изученностью этой эпохи. Отметив в работе Г. Ф. Корзухиной ряд интересных соображений по поводу принадлежности некоторых кладов погребениям, А. Т. Брайчевская подчеркнула, что в классификации кладов не всегда выдерживается зональное членение, недостаточно учитываются хронологическое различие кладов и принадлежность их различным социальным группам населения.

И. Г. Шовкопляс полагает, что доклад М. Ю. Брайчевского был построен не совсем правильно и поэтому не достиг цели: докладчик

не дал полного разбора вопроса о происхождении славян, а пытался, часто недостаточно аргументированно, опровергнуть во многих случаях так же декларативные доводы своих оппонентов. С категорическими утверждениями об этнической принадлежности полей погребений черняховского типа надо еще подождать, культура эта еще недостаточно изучена. Возможно, черняховская культура представляла собой явление, связанные с влиянием Римской империи, и не может быть признана местной.

М. И. Вязьмитина коснулась вопроса о происхождении зарубинецко-корчеватовской культуры, который она считает еще не решенным. Этот вопрос следует ставить значительно шире, учитывая открытия последних лет в бассейне Припяти и на городищах нижнего Днепра, где наблюдается сочетание сарматских, греческих и, возможно, славянских элементов. В содружестве с другими науками, археология может способствовать разрешению этнических вопросов. М. И. Вязьмитина подчеркнула при этом, что нельзя забывать и такой важный источник, как изобразительное искусство, корни которого уходят в глубокую древность.

Д. И. Блифельд отметил полное игнорирование Г. Ф. Корзухиной письменных источников. Ее утверждение о перерыве исторического развития Среднего Поднепровья в результате хазарского нападения лишено каких-либо серьезных доказательств. Территориальное распределение кладов указывает, что зарытие их не может служить свидетельством военных событий или может быть связано с такими событиями только в крупных городах.

По мнению В. К. Гончарова, Г. Ф. Корзухина права, когда указывает на отсутствие в работах Е. В. Махно и М. Ю. Брайчевского должных публикаций материалов так называемых поздних памятников культуры полей погребений черняховского типа и на тенденциозность этих авторов в интерпретации материала. Тип поселений, устройство жилищ, обряд захоронений, вещественные памятники черняховской культуры генетически не увязываются со славянскими памятниками второй половины I тыс. н. э. и периода Киевской Руси. Исходя из предвзятой идеи о перерастании черняховской культуры в культуру Киевской Руси, М. Ю. Брайчевский тем самым вынужден отрицать наличие памятников данной культуры на днепровском Левобережье, где распространена роменская культура, памятники которой несомненно генетически связываются с культурой Киевской Руси. В действительности же на Левобережье открыты и многочисленные поселения, и могильники черняховской культуры. Этого не отрицает Е. В. Махно, но тем самым ставится под сомнение славянская принадлежность роменской культуры. Настаивая на положении о перерастании черняховской культуры в культуру Киевской Руси, М. Ю. Брайчевский сначала игнорировал наличие на Правобережье памятников VII—IX вв. типа Луки-Райковецкой, а затем высказал ничем не обоснованную мысль, что черняхов якобы не распространяется на территорию, занятую памятниками типа Луки-Райковецкой. Факты же говорят о противоположном. В. К. Гончаров отмечает особенности памятников VII—IX вв. типа Луки-Райковецкой по сравнению с черняховской культурой, которая на основании монет, фибул, амфор, стеклянной посуды датируется временем не позднее IV в. Затем он критикует аргументы Е. В. Махно, привлеченные ею для датировки поселений у сел Журавки и Ягнятинца временем вплоть до VII—IX вв. В. К. Гончаров сомневается, например, в достоверности утверждения Е. В. Махно, которой на Журавском поселении удалось якобы проследить в 35-сантиметровом слое чернозема остатки четырех наземных жилищ времени от I по VII в. н. э., залегающих одно над другим. Наличие памятников типа Луки-Райковецкой, по мнению В. К. Гончарова, исключает всякую необходимость искусственного расширения хронологических рамок черняховской культуры. Задача состоит в том, чтобы найти ее место в историческом процессе I тыс. н. э.

Е. В. Максимов отметил необходимость научной публикации таких памятников черняховской культуры, как, например, материалов из поселений у сел Ягнятин и Луки-Брублевецкой. Большой интерес для вопроса о времени бытования черняховской культуры представляет изучение достоверно археологических, придумайских памятников.

Л. Д. Дмитров считает, что в большинстве работ наших археологов, в частности и в работе А. И. Тереножкина, языковедческий материал отнюдь не является аргументирующим, скорее это только «декорум». Едва ли убедительным является утверждение А. И. Тереножкина об отсутствии в древнеславянском языке древнегреческих заимствований. Такие заимствования есть (вино, ведро, кадь и др.). Ссылка А. И. Тереножкина на работы В. Ф. Миллера недостаточна, языковедение после В. Ф. Миллера значительно подвинулось вперед. При изучении черняховской культуры, сказал Л. Д. Дмитров, следует помнить, что В. В. Хвойко опубликовал не все материалы, открытые при раскопках Черняховского могильника.

Е. В. Махно подчеркнула важность памятников черняховской культуры для решения вопроса о генезисе Киевской Руси и отметила необходимость расширения полевых и публикационных работ по этой проблеме, в частности подробной публикации материалов Ягнятинского поселения. Е. В. Махно заявила, что регламент не позволяет ей останавливаться на вопросе о датировке Ягнятинского кургана, а также об отношении его к черняховской культуре, но что все сказанное здесь по этому поводу Д. Т. Березовцом и В. К. Гончаровым не отвечает действительности. Что касается памятников корчакского типа, то на основании материалов Житомирского музея, рукописей С. С. Гамченко и личных археологических раскопок Е. В. Махно считает, что они совершенно отличаются от черняховских.

С. Н. Бибико в отметил, что он не согласен с М. Ю. Брайчевским и В. И. Довженком, считающими статью Г. Ф. Корзухиной слабой. Эта статья, как и работа Л. С. Клейна, принесла определенную пользу. В них есть недостатки, но недостатки имеются и в концепции М. Ю. Брайчевского, выступавшего здесь убежденно, но не убедительно.

В заключительных выступлениях М. Ю. Брайчевский и А. И. Тереножкин не согласились с критикой их взглядов на происхождение и раннюю историю восточных славян.

Обсуждение статей Г. Ф. Корзухиной и Л. С. Клейна на заседании Ученого совета Института археологии АН УССР показало, что вопросы, связанные с проблемой происхождения и ранней истории восточных славян, еще далеко не решены, а в некоторых случаях даже недостаточно изучены. Предстоит еще значительная работа по полевому исследованию, научному обобщению и публикации археологических материалов племен, живших, главным образом, на территории лесостепной части Украинской ССР в I тыс. до н. э. и в I тыс. н. э. Больших усилий потребует от исследователей и привлечение данных языковедения, антропологии, этнографии и других наук, без которых не могут быть окончательно решены этнические вопросы.

Ученый совет Института археологии принял решение усилить работу по проблеме происхождения и ранней истории восточных славян; путем, прежде всего, углубленного полевого изучения поселений и могильников черняховской культуры, памятников, предшествовавших времени образования Киевской Руси (VI—VIII вв.), памятников переходного времени — рубежа н. э. и других. Ученый совет отметил необходимость выпуска обобщающих монографий и проведения широкой научной дискуссии по одному из наиболее важных вопросов нашей науки — проблеме происхождения и ранней истории восточных славян.

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ РАННЕЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

(По поводу статьи Г. Ф. Корзухиной) *

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

Вопросы истории восточных славян в I тыс. н. э. привлекают усиленное внимание исследователей. В последнее время появилось значительное количество работ различных авторов, ставящих и пытающихся в той или иной степени разрешить ряд вопросов, связанных с этой проблемой. Нужно признать, что недостаточность источников и слабая еще степень разработки отдельных вопросов обусловили наличие значительных расхождений во взглядах исследователей. Особенно это касается середины I тыс. н. э., наиболее слабо обеспеченной источниками.

В XXII т. «Советской археологии» напечатана статья Г. Ф. Корзухиной, посвященная данному периоду, которая претендует на обобщающий характер и в связи с этим представляет значительный интерес¹.

Концепция, изложенная в этой статье, отрицает прямое и непрерывное развитие оседлых племен лесостепной полосы Восточной Европы на протяжении I тыс. н. э., которое, по мнению исследователя, дважды прерывалось самым решительным образом, что приводило к смене населения, к разрыву в культурном развитии восточноевропейских племен и т. д. Эта точка зрения резко расходится с распространенным в литературе взглядом, обоснованным в трудах Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, Б. Д. Грекова и ряда других авторов, о генетической преемственности исторического (в том числе и культурного) развития древних восточных славян в Восточной Европе от рубежа н. э. вплоть до эпохи Киевской Руси (как бы ни решались конкретно в трудах тех или иных авторов частные вопросы). Это обязывает критически рассмотреть как самую концепцию Г. Ф. Корзухиной, так и ее аргументацию, тем более, что упомянутая статья отражает определенного рода тенденцию, имеющую место среди части исследователей.

Характерной особенностью исследования Г. Ф. Корзухиной является то, что выводы автора очень часто не вытекают из фактического материала, а выводятся из нескольких общих положений, сформулированных без какого бы то ни было обоснования и аргументации. К числу таких положений относятся, например, утверждения о том, что кочевники не зарывают кладов, что все степные комплексы, о которых идет речь в статье, являются не кладами, а погребениями, что клады зарываются только в периоды военных потрясений; что сведения византий-

* Статья представляет собой изложение доклада М. Ю. Брайчевского на Ученом совете Института археологии АН УССР 7.XII 1955 г.

¹ Г. Ф. Корзухина, К истории Среднего Поднепровья в середине I тыс. н. э. СА, XXII, стр. 61—82.

ских авторов об антах касаются только Подунавья и т. д. Между тем многие из этих утверждений на поверку оказываются просто неверными.

Главная слабость позиции, занятой Г. Ф. Корзухиной, заключается в узости источниковедческой базы, которая еще более сужена чрезмерным скептицизмом автора по отношению почти ко всем существующим видам источников.

Г. Ф. Корзухина, например, решительно отрицает возможность использования в качестве источника по истории древних славян сведений византийских авторов об антах и склавинах, которые якобы касаются только населения Подунавья и не имеют никакого отношения к племенам Среднего Поднепровья и других древнеславянских земель. К сожалению, Г. Ф. Корзухина не сочла необходимым аргументировать эту свою точку зрения, ограничившись лишь ссылкой на устанавливаемую археологически возможность различий в развитии населения отдельных районов. Между тем эта точка зрения находится в решительном противоречии с показаниями самих источников.

Во-первых, византийские авторы под антами и склавинами имеют в виду не только подунайские племена. Так, Иорнанд определяет территорию антов между Днепром и Днестром. Прокопий пишет о бесчисленных племенах антов, обитавших к северу от гунно-болгарских племен Северного Причерноморья. Конечно, не о подунайских антах и склавинах идет речь в рассказах Менандра о начальном этапе борьбы славян с аварами, связанных с именами Даврита и Межамира и т. д. Следовательно, в представлении самих византийцев те анты и склавины, которых они описывали, были населением не только Подунавья, но и более отдаленных земель, в том числе и Среднего Поднепровья.

Во-вторых, те данные византийских источников, которые действительно касаются Подунавья, также являются важным источником по истории славян в целом. Ибо те славянские племена, которые в середине I тыс. н. э. оседали в Подунавье, продолжали сохранять свой общественный строй, культуру, язык и т. д. Известно, какое влияние оказали общественные отношения славян даже на развитие Византийской империи¹. Неоднократно отмечалось, что сведения о славянах, содержащиеся в трудах византийских историков, находят свое подтверждение в других источниках, освещающих развитие населения коренных славянских земель (в том числе и в Поднепровье), в частности — в материалах черняховской культуры². И это вполне естественно: ведь те анты и склавины, с которыми византийцам пришлось столкнуться на Дунае, появились там не откуда-нибудь, а из тех же коренных славянских земель, в том числе и из Среднего Поднепровья. Их продвижение к Дунаю, начавшееся в III в. н. э., прослеживается на основании памятников черняховской культуры, около этого времени появляющихся в Карпатско-Дунайском районе (Марошсентанна, Марошвассаргель, Альдени, Спанцов, Кашольт и ряд других).

Поэтому, думается, Г. Ф. Корзухина, отрицая значение трудов византийских историков VI—VIII вв. для изучения истории древних славян, совершенно безосновательно лишает себя очень важной и ценной группы источников. Конечно, этот вид источников, как и всякий другой, требует к себе критического отношения, поскольку отдельные неточности и недостоверные данные всегда возможны, но это не дает оснований совершенно игнорировать сведения византийцев об антах при изучении древнейшей истории восточнославянских племен.

¹ Е. Э. Липшиц, Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма, Византийский временник, т. I (XXVI), М., 1947, стр. 144—163.

² П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 158—204; Б. А. Рыбаков, Ранняя культура восточных славян, ИЖ, № 11-12, 1949, стр. 73—80.

Из археологических материалов Г. Ф. Корзухина использует только ту серию кладов и случайных находок ювелирных вещей, которую в качестве антских древностей выделил еще А. А. Спицын в 1928 г.¹. Она утверждает, что поселения и могильники VI—VIII вв. нам неизвестны, а сведения о них, содержащиеся в работах некоторых авторов, просто не принимает в расчет. Оснований для этого два: 1) плохая публикация этих материалов (то есть, раскрывая мысль — незнание этих материалов Г. Ф. Корзухиной и невозможность при данных условиях познакомиться с ними) и 2) тенденциозность Е. В. Махно и М. Ю. Брайчевского, в чьих работах содержатся ссылки на эти материалы². К сожалению, и в данном случае Г. Ф. Корзухина не считает полезным аргументировать свою точку зрения, в связи с чем ни один памятник, о котором идет речь, ею конкретно не рассмотрен и не отведен.

Между тем количество памятников, на том или ином основании датируемых VI—VIII вв., в настоящее время довольно значительно и достигает нескольких десятков. В работах ряда авторов содержится значительное число фактов, указывающих на существование черняховской культуры в середине I тыс. н. э.³. Г. Ф. Корзухина ограничивает верхнюю дату этой культуры рубежом IV и V вв.; между тем уже сейчас известно до полутора десятков черняховских памятников, датируемых VI — началом VII в. н. э. (Ромашки, Ягнятин, Белосток, Росава, Мартыновка, Малый Ржавец, Лука-Врублевецкая, Мишков, Мишин, Городница, Жабинцы, Псари и др.). Ни один из этих памятников в статье Г. Ф. Корзухиной даже не упомянут⁴. Между тем многие из них опубликованы (Ягнятин, Псари, Жабинцы, Мишков, Городница), а часть других доступна для исследования иным образом (архивные материалы и коллекции). Поэтому приходится думать, что не в отсутствии возможности ознакомления с материалом главная причина отказа Г. Ф. Корзухиной от полемики.

Любопытная деталь: говоря об отсутствии известных поселений VI—VIII вв., Г. Ф. Корзухина, как на одну из возможностей их обнаружения, указывает на необходимость обследования мест находки кладов этого времени, утверждая тут же, что это еще до сих пор не сделано. Между тем еще в 1946—1947 гг. было проведено обследование мест находок Хацковского, Мартыновского и Малоржавецкого кладов,

¹ А. А. Спицын, Древности антов, Сб. в честь А. Соболевского, М., 1928, стр. 492—495.

² Г. Ф. Корзухина не замечает внутреннего противоречия в этой аргументации. В самом деле, если материалы, о которых идет речь, ей неизвестны, то откуда такая уверенность в тенденциозности Махно и Брайчевского? А быть может, эти оставшиеся неясными для Г. Ф. Корзухиной материалы в действительности являются тем, за что эти авторы выдают? И как вообще можно отбрасывать какой бы то ни было материал (и тем более строить на этом отbrasывании какие-то выводы), не разобравшись в нем предварительно и не доказав его несостоятельности?

³ П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 151—152, 157—160, 162 и др.; М. Ю. Смижко, Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных, КСИИМК, в. XLIV, стр. 67—82; Е. В. Махно, Поселения культуры полів поховань на північно-західному Правобережжі, АП, т. I, К., 1949, стр. 153—176, Э. А. Симанович, Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка, КСИИМК, в. XLVIII, стр. 62—76; М. Ю. Брайчевський, Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст., «Археологія», т. IV, К., 1950, стр. 27—55; его же, Основные вопросы археологического изучения антов, Доклады VI научной конференции Института археологии, К., 1953, стр. 60—81.

⁴ Часть этих материалов критически рассмотрена Л. С. Клейном (Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии Академии наук УССР, СА, XXII, стр. 257—272). В отличие от Г. Ф. Корзухиной, Л. С. Клейн не отрицает вообще существования черняховской культуры в VI—VII вв., но высказывает сомнение в поздней датировке некоторых памятников (в частности Ягнятина и Луки-Врублевецкой). Его возражения, основанные на неправильных аналогиях, однако, не могут быть приняты.

причем выяснилось, что два последних определенно связываются с поселениями черняховской культуры¹.

Помимо того, известен ряд более поздних памятников, датируемых VII—IX вв. н. э. (Пастырское городище, ранний слой Плиснеска, Костянец Мирогоща, Викники Великие, Рыпнев, Радванка, Липа, Луцк, Гнидава, Витков и др.), часть из которых сохраняет еще ясно выраженные черты черняховской культуры. Ни один из этих памятников также не назван в статье Г. Ф. Корзухиной.

Известные ей клады VI—VIII вв. Г. Ф. Корзухина делит на две группы: 1) клады лесостепные (типа Мартыновского), связанные с оседлым населением Лесостепи, и 2) клады степные (типа Перещепинского), которые она связывает с кочевниками степного Причерноморья и считает не кладами, а богатыми погребениями. Однако это деление нельзя признать удачным.

Во-первых, утверждение о том, что степные комплексы являются не кладами, а погребениями, не подтверждается фактами. Этот взгляд не раз высказывался в литературе, но и до сего дня он остается ничем не доказанной маловероятной гипотезой. Не приводит никаких доказательств в пользу своей точки зрения и Г. Ф. Корзухина. Между тем места обнаружения Перещепинского и Келегейского кладов исследовались, причем во втором случае были даже произведены раскопки², а Вознесенский клад был найден во время археологических раскопок³, однако ни в одном случае ясных признаков погребения обнаружено не было. Условия находки остальных кладов (Макухинского и Новсанжарского) остались неизвестными и тоже не дают оснований для такого вывода.

Во-вторых, определение кладов типа Перещепинского как степных является условным: большинство из них (Перещепинский, Макухинский, Новсанжарский, Залесский) были найдены в пределах Лесостепи. Только два клада — Вознесенский и Келегейский были обнаружены в Степи, но оба они найдены вдоль Днепра, то есть вдоль того великого водного пути, который издревле служил коммуникацией для древнеславянского оседлого населения лесостепных и лесных районов с Причерноморьем. Поэтому увязка этих кладов с кочевниками причерноморских степей является весьма проблематичной.

В-третьих, разница в составе кладов лесостепных и степных не дает оснований для такого противопоставления их друг другу, как это получается у Г. Ф. Корзухиной. Если бы в этих кладах были представлены одни и те же категории вещей, но различные по своему характеру, действительно должен был бы встать вопрос об их культурном и этническом размежевании. Но в действительности в них представлены разные категории вещей: в кладах типа Мартыновского — преимущественно мелкие предметы личного обихода, а в кладах типа Перещепинского — главным образом драгоценная привозная утварь, оружие, реже предметы конского снаряжения. Эти категории вещей отлично дополняют друг друга в едином культурно-историческом комплексе.

Действительно, и в кладах Лесостепи встречаются драгоценные вещи византийского или иранского происхождения (Мартыновка, Крылос, Хомяково, Залесье, Кучурмаре и др.). Точно так же и оружие и конская упряжь были в обиходе лесостепных племен, причем того же типа, что и в Степи. Даже однолезвийные мечи (или сабли), на которых особое ударение делает Г. Ф. Корзухина, по ее же свидетельству⁴, были

¹ Н. В. Лінка, Розвідка в Канівському районі, АП, т. III, К., 1952, стр. 99—105.

² Літопис Херсонського музею, ч. 8, Херсон, 1929, стр. 16.

³ В. А. Грінченко, Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. «Археологія», т. III, К., 1950, стр. 37—63.

⁴ Г. Ф. Корзухина, Из истории древнерусского оружия XI в., СА, XIII, стр. 63—94.

в употреблении у древних славян, в частности в эпоху Киевской Руси.

Г. Ф. Корзухина подчеркивает отсутствие фибул, браслетов с полыми концами, сережек пастырского типа в степных комплексах. Но их сплошь и рядом не оказывается и в тех кладах, которые она рассматривает в качестве лесостепных. Так, фибул не оказалось в кладах: Хацковском, Малоржавецком, Пастырском 1898 г., Крылосском, Залесском, Хомяковском и др. В самом Мартыновском кладе, который Г. Ф. Корзухина считает классическим лесостепным комплексом, найдена только одна такая фибула, да и та — поломанная. Сережки отсутствовали в Мартыновском, Хацковском, Малоржавецком, Крылосском, Хомяковском и других кладах. Полые внутри браслеты были найдены только в Харивском и двух Пастырских кладах и т. д. Следовательно, с таким же успехом можно было бы противопоставлять не только степные комплексы лесостепным, но и многие лесостепные друг другу.

Бессспорно, восточноевропейские клады середины I тыс. н. э. неоднородны ни по своему составу, ни по хронологии, ни по историческому содержанию. Но предложенным в своей статье разделением Г. Ф. Корзухина одновременно и упрощает и запутывает дело. Реально групп кладов больше, чем две, причем клады типа Перешипинского действительно составляют особую и очень интересную группу, но отличия ее состоят не в том, в чем их видят Г. Ф. Корзухина. Действительное отличие заключается в их богатстве. Это — клады, принадлежащие высшему слою общественной верхушки, вероятнее всего князьям. Поэтому в них много золота, которого совершенно нет в кладах типа Мартыновского или Пастырских, состоящих в основном из мелких серебряных поделок, да и то довольно низкопробных.

Таким образом, концепция Г. Ф. Корзухиной базируется на искусственно суженном круге источников. В частности, на ограниченности источниковедческой базы основана и ее точка зрения о двукратном перерыве в развитии лесостепных племен Восточной Европы на протяжении I тыс. н. э.

Первый из этих разрывов Г. Ф. Корзухина связывает с нашествием гуннов в конце IV в., в результате которого якобы было сметено население черняховской культуры, а новое население стало выбирать новые места для поселений.

Вопрос о значении нашествия гуннов для истории восточных славян еще не вполне выяснен в науке, однако вряд ли можно согласиться с точкой зрения, отстаиваемой Г. Ф. Корзухиной и некоторыми другими авторами. Основной аргумент Г. Ф. Корзухиной (подкрепляемый ссылкой на статью М. А. Тихановой) — прекращение существования всех известных нам памятников черняховской культуры — не может быть принят, ибо, как отмечалось выше, известен целый ряд памятников этой культуры, датируемых послегуннским временем. Кроме того, нам известно немало поселений этой культуры, на которых имеются и более поздние слои (Неслухов, Викницы Великие, Костянец, Мирогоща, Волица-Страклиевская, Лука-Брублевецкая, Ольшаница и т. д.), так что нельзя утверждать, как это делает Г. Ф. Корзухина, что в послечерняховское время население лесостепной полосы Восточной Европы стало выбирать другие места для поселений.

О том, что нашествие гуннов не могло сыграть такой фатальной роли в истории восточных славян, какая им приписывается, свидетельствует тот факт, что эти события (в отличие, например, от столкновения славян с римлянами, готами, аварами, хазарами, болгарами, уграми и т. д.) не нашли ни малейшего отражения в памяти самих славян. Между тем ни одному из перечисленных народов не приписывается столь решающая роль в развитии славянских племен. Против этого же

свидетельствуют и данные о состоянии восточнославянского общества в послегуннское время, к которому относится особенно большая активизация военно-политической деятельности славян, особенно бурное развитие у них производства (в частности такого, как ювелирное) и т. д. Одним словом, восточные славяне в V—VII вв., насколько можно судить на основании имеющихся данных, очень мало напоминают общество, только что пережившее столь ужасный удар, согнанное с мест своего обитания и чуть ли не поголовно истребленное. Неудивительно, что для того, чтобы сделать свою гипотезу хоть сколько-нибудь правдоподобной, Г. Ф. Корзухиной приходится отвести едва ли не все существующие категории источников. Но и то, что оставлено ею и используется в рассматриваемой статье, николько не соответствует защищаемой автором концепции: немыслимо представить, чтобы ювелирное ремесло развивалось столь ярко в то время, как другие отрасли производства — более важные — находились в упадке, в обществе, только что пережившем жесточайшую военно-политическую катастрофу.

Очевидно, гунское нашествие вообще в очень незначительной степени затронуло славянские земли. Гуны прошли через степи, не заходя глубоко в область Лесостепи, что следует из исторических данных о направлении движения гунских полчищ. Во время этого движения, вероятно, пострадали в какой-то степени пограничные со степью районы (например на Левобережье)¹. Но основные пространства Лесостепи остались в стороне от гуннского нашествия, вследствие чего последнее не послужило здесь существенным фактором исторического развития.

Другой перерыв в развитии восточнославянских племен Г. Ф. Корзухина относит к VIII в. н. э. и связывает с хазарами. Основанием для этого утверждения служат рассмотренные выше клады, которые по мнению Г. Ф. Корзухиной, были зарыты все в начале VIII в., именно в связи с нашествием хазар.

Г. Ф. Корзухина, опять-таки не приводя в обоснование своего взгляда никаких доказательств, утверждает, что клады зарываются в землю только в минуту военной опасности. С этим утверждением, конечно, согласиться нельзя. Не отрицая того, что при известных обстоятельствах клады могут быть зарыты и в результате внешней опасности, в периоды военных потрясений (ср., например, клады, зарытые во время осады Киева монголами в 1240 г.), нельзя не учитывать того, что, как правило, клады являются внешним выражением процесса образования сокровищ.

Особенно это касается кладов, состоящих из вещей, очень компактных в смысле своей ценности, то есть таких, которые имеют большую ценность при незначительном весе и объеме, главным образом из золота и серебра. Во время военной опасности, когда население вынуждено покидать насажденные места, обычно зарывается громоздкий инвентарь, а деньги и драгоценности уносятся с собой. Клады, содержащие золото и серебро, — это ценности, сохраняемые в земле, независимо от тех или иных событий, о чем свидетельствуют все известные нам этнографические и исторические примеры. Так, К. Маркс, рассматривающий обычай зарывать золото и серебро в землю именно в связи с вопросом об образовании сокровищ, приводит пример Индии, где это практиковалось очень широко еще в XIX в.² Из исторических параллелей можно указать на обычай хранить сокровища в земле, распространенный в Киевской Руси, о чём, между прочим, писал Владимир Мономах, для которого выражение «закапывать в землю» было равнозначным выражению «собирать сокровища»³.

¹ П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 152.

² К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 136—141.

³ А. С. Орлов, Владимир Мономах, М.—Л., 1946, стр. 137.

Приводимый в статье Г. Ф. Корзухиной фактический материал не укладывается в предлагаемую ею схему. В действительности большинство известных восточноевропейских кладов середины I тыс. н. э. датируется не началом VIII в., а более ранним временем (Мартыновский, Хацковский, Малоржавецкий, Крылосский, Залевкинский, Ново-Суджанский, Колосковский, Лесово-Скибинецкий и ряд других). Определенно VIII в. могут датироваться только четыре: Залесский, два Пастырских и Харивский. Как ни странно, к началу VIII в. относятся как раз те клады, которые Г. Ф. Корзухина считает степными погребениями и связывает с хазарами или с подвластным хазарам населением степей.

Таким образом, клады VI—VIII вв. в качестве аргумента для обоснования перерыва в развитии лесостепных племен Восточной Европы в VIII в. явно не годятся. Других же аргументов в статье нет.

В свое время весьма преувеличивалась роль хазар в истории восточных славян: признавалось господство хазар едва ли не над всей основной частью восточнославянских племен, а хазарский каганат рассматривался чуть ли не в качестве предшественника Киевской Руси¹. Теперь эта концепция оставлена². Выясняется, что хазарский каганат отнюдь не был столь сильным государством, чтобы играть ту роль, которая ему приписывалась: источники, на которых базировались прежние выводы (в частности еврейско-хазарская переписка), в настоящее время критически пересматриваются, причем картина оказывается совсем не той, как представлялось прежде. Господство хазар над славянами имело довольно условный характер и затрагивало лишь крайний юго-восточный угол восточнославянских земель (вятичи и северяне). Сведения о попытках хазар распространить даннические отношения на полян (летописная легенда о полянских мечах) свидетельствуют скорее против признания господства хазар над этим «племенем», чем в пользу его.

Таким образом, славянам с хазарами столкнуться пришлось, но вряд ли эти столкновения могли привести к серьезной перетасовке восточноевропейского населения, к разрыву в традиции культурного развития восточнославянских племен.

С нашествием хазар Г. Ф. Корзухина связывает распространение культуры городищ роменского типа, которую она считает единственным предшественником и источником культуры Киевской Руси. Между тем это положение давно оставлено исследователями. Эта культура была лишь одним из предшественников культуры Киевской Руси и связывается с одним племенем северян³. Ареал ее распространения довольно ограничен и охватывает главным образом Посеймье и верхнюю часть бассейна левых притоков Днепра — Сулы, Псла, Ворсклы. Ее памятники, в частности, совершенно не распространены наПравобережье, и утверждение Г. Ф. Корзухиной о том, что здесь данная культура начинает появляться буквально на наших глазах, не соответствует действительности: до сих пор здесь нет ни одного памятника, который можно было бы рассматривать в качестве роменского. Не назван ни один из них и в статье Г. Ф. Корзухиной. Напротив того, все известные наПравобережье материалы VIII—IX вв. н. э. (Плиснесь, Рыпнев, Радванка, Луцк, Гнидава, Витков и т. д.) совершенно явственно отличаются от городищ роменского типа (например, широким распространением гончарной посуды).

¹ В. А. Пархоменко, У истоков русской государственности, Л., 1924.

² П. Иванов, Об одной ошибочной концепции, газ. «Правда» от 25.XII 1951 г.; Б. А. Рыбаков, Русь и Хазария, Сб. в честь 70-летия Б. Д. Грекова, М., 1952, стр. 76—88.

³ Д. Т. Березовець, До питання про літописних сіверян, «Археологія», т. VIII, К., 1953, стр. 28—44.

Что же касается территории действительного распространения роменской культуры в области днепровского Левобережья, то там генетические корни этой культуры в последнее время, после открытия памятников типа Харивки и Волынцева¹, начинают прощупываться достаточно ясно. Составленные недавно карты распространения на Левобережье памятников черняховской и роменской культур очень ясно показывают несовпадение обоих ареалов. Поэтому и здесь говорить о смене населения в VIII в. на основании памятников культуры городищ роменского типа не приходится.

Таким образом, концепция, предложенная Г. Ф. Корзухиной, предполагающая двукратный разрыв в историческом и культурном развитии населения лесостепной полосы Восточной Европы, обнаруживает ряд уязвимых мест. Содержащиеся в статье выводы, в значительной степени покоящиеся на неправильных, априорно формулируемых исходных положениях, на неосновательном отбрасывании важных материалов, а иногда и просто на недоразумениях, не могут быть приняты. Думается, правильный путь исследования далеко еще не разработанной проблемы истории восточных славян в середине I тыс. н. э. лежит в ином направлении и предполагает самое тщательное исследование всех имеющихся в распоряжении науки источников как письменных, так и археологических. Надо надеяться, эти исследования приведут к целому ряду новых открытых, основанных на твердых фактах, которые смогут продвинуть данную проблему к ее окончательному решению.

---

¹ Д. Т. Березовець, ук. соч.

ИЗ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН УССР
В 1955 г.

Р. И. ВЫЕЗЖЕВ

Институтом археологии в 1955 г. завершена работа по подготовке коллективного обобщающего труда «Очерки древней истории Украинской ССР» объемом около 50 печатных листов. Этот труд освещает историю населения территории Украинской ССР со времени становления человеческого общества по эпоху Киевской Руси. Он представляет первую в историко-археологической литературе работу, дающую в марксистском освещении историю древних племен и народностей, обитавших на нынешней территории УССР. Основным источником для написания «Очерков» послужил большой археологический материал, собранный на территории УССР в результате работ украинских и русских археологов. В работе над составлением «Очерков» принимали участие большинство научных сотрудников Института археологии.

Кроме «Очерков», в институте выполнен ряд других работ, посвященных различным вопросам древнейшего прошлого Украины.

В 1955 г. институт осуществил широкую программу экспедиционных исследований в различных районах республики, в результате которых получены новые материалы, имеющие важное значение для освещения древней истории УССР. В поле работало 18 экспедиций и их отрядов.

Выполняя постановления Совета Министров СССР и Совета Министров УССР, институт в 1955 г. завершил многолетние исследования археологических памятников в зоне водохранилища Караванской ГЭС на нижнем Днепре и приступил к полевым работам в зонах водохранилищ Кременчугской ГЭС и канала Северский Донец — Донбасс.

На нижнем Днепре раскопки проводила Никопольско-Гавриловская экспедиция (Е. Ф. Лагодовская), исследовавшая поселения эпохи меди-бронзы в сс. Михайловке и Ушаковке и поселение III в. до н. э. — I в. н. э. в с. Золотой Балке, Херсонской области.

На поселении в с. Михайловке (Е. Ф. Лагодовская) в различных его частях обнаружены остатки больших каменных оградительных стен, а также собран обильный вещественный материал, указывающий на продолжительное существование поселения.

Многолетними исследованиями этого уникального памятника открыта новая страница в изучении племен юга УССР в эпоху меди-бронзы, которые находились на высоком уровне хозяйственного развития (знали скотоводство и земледелие), строили укрепленные поселения, поддерживали обменные отношения с более южными областями — Кавказом, Балканами и Восточным Средиземноморьем.

На поселении в с. Золотой Балке (М. И. Вязьмитина) закончено раскрытие остатков большой усадьбы, состоявшей из каменных жилых и

хозяйственных сооружений, зерновых ям и остатков металлургического и гончарного производства.

Работа Кременчугской экспедиции (В. К. Гончаров) была направлена на разведочное обследование зоны будущего водохранилища с целью выявления археологических памятников для стационарных раскопок в будущем. В результате разведок обнаружены поселения эпохи неолита, бронзы, скифского и раннеславянского времени и эпохи Киевской Руси.

Краснооскольский отряд (Д. Я. Телегин) провел археологическое обследование в зоне будущего Краснооскольского водохранилища и канала Северский Донец—Донбасс, в результате которых открыты стоянки неолитического времени, поселения эпохи бронзы, а также VIII—X вв. н. э. и определены объекты для исследования в 1956 г.

Продолжались раскопки (И. Г. Шовкопляс) палеолитической стоянки в с. Мезин, Черниговской области. Были изучены остатки долговременного жилища, при сооружении которого были использованы крупные кости мамонта и рога северного оленя, а также несколько углубленных очагов. Собрано большое количество разнообразных предметов из камня и кости — орудия труда, бытовые предметы, украшения и др.¹.

Могильник, относящийся к малоизученному времени перехода от палеолита к неолиту, раскапывался (Д. Я. Телегин) около с. Васильевки, Днепропетровской области. В нем обнаружено 37 скорченных по гребений, при которых находились кремневые наконечники стрел и дротиков.

Продолжались раскопки (В. Н. Даниленко) поздненеолитических поселений на р. Ю. Буге (Кировоградская обл.).

На Среднем Поднепровье были осуществлены раскопки (А. И. Тереножкин) на городище IX—VII вв. до н. э. около с. Субботова, Черкасской области. Они дали много новых археологических данных, которые позволяют глубже осветить материальную культуру и ход исторического процесса в переходное время от эпохи меди-бронзы к железному веку. На площади раскопок открыты большие землянки, хозяйственные ямы и собрано большое количество бронзовых и ранних железных орудий.

В бассейне р. Ворсклы, около с. Хухры, Ахтырского района, Сумской области, открыты остатки наземных жилищ VIII—VII вв. до н. э., характеризующие местную культуру начала железного века, остававшуюся до последнего времени очень слабо изученной.

Продолжались раскопки античной колонии Ольвии (Л. М. Славин)².

На древнем поселении у с. Козырки, вблизи Ольвии, открыты (А. В. Бураков) остатки жилых и хозяйственных сооружений первых веков н. э., многочисленные остатки расписной штукатурки, свидетельствующие о довольно высоком уровне обитателей данного поселения.

Новый разнообразный материал второй половины I тыс. н. э. получен в результате раскопок на городище в с. Пастырском, Кировоградской области (М. Ю. Брайчевский). Были раскопаны остатки жилищ и производственных помещений VII—VIII вв. Особый интерес представляет открытая раскопками кузница, где обнаружен полный набор кузнецких инструментов.

В г. Лохвице проведены раскопки (Д. Т. Березовец) открытого при земляных работах могильника культуры полей погребений черняховского типа. Полученные в результате этого исследования материалы важны для освещения истории культуры племен II—V вв. на Левобережье УССР.

¹ См. статью И. Г. Шовкопляса «Жилища Мезинской стоянки» в этом сборнике.

² См. статью Л. М. Славина «Раскопки Ольвии в 1955 г.» в этом сборнике.

Новыми раскопками в центральной части древнерусского городища X—XIII вв. в с. Городске, Житомирской области, автором обнаружены полуzemляночные жилища и хозяйственные ямы, а также выяснена планировка его застроенной части.

Изучению древнего Киева были посвящены раскопки в усадьбе по Владимирской ул., № 7-9, вблизи места Батыевых ворот (В. И. Довженок и В. К. Гончаров). Обнаружены остатки жилых и хозяйственных построек, относившихся, повидимому, к княжескому двору XII—XIII вв. Жилища располагались в определенном порядке, указывающем на наличие здесь древней городской улицы. Среди разнообразного бытового материала, обнаруженного при раскопках, особый интерес представляет клад золотых и серебряных женских высокохудожественных украшений великокняжеского периода (колты, браслеты, перстни).

Кроме экспедиций Института археологии, на территории Украинской ССР в 1955 г. проводили исследования экспедиции Львовского и Крымского филиалов АН УССР, Института истории материальной культуры АН СССР, Государственного Эрмитажа, Московского, Ленинградского и Харьковского университетов и ряда музеев УССР.

Институт археологии провел два научных совещания специалистов на местах раскопок важнейших археологических памятников, исследовавшихся в 1955 г.—Мезинской палеолитической стоянки на Десне и поселения эпохи меди-бронзы в с. Михайловке на нижнем Днепре, в которых, наряду с сотрудниками института, приняли участие ведущие специалисты Москвы, Ленинграда, Киева и Львова.

В течение года подготовлены и обсуждены научные отчеты по 20 экспедициям и отрядам 1954 г.

Ряд научных сотрудников (И. Г. Шовкопляс, М. И. Вязьмитина, В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин) участвовали в работе пленума ИИМК АН СССР и выступали с докладами об осуществленных ими в 1954 г. полевых исследованиях.

Проделана значительная популяризаторская работа. На предприятиях и в школах Киева, на целинных землях и на местах раскопок прочитано 92 лекции. В газетах и журналах опубликовано 19 научно-популярных статей. Вышла в свет брошюра И. Г. Шовкопляса «Древний каменный век на Украине». Однако в области научной пропаганды институт имеет ряд существенных недостатков—значительная часть научных сотрудников не участвует в лекционной работе. Почти совсем не ведется работа по написанию брошюр научно-популярного характера.

Вышли из печати сборник «Археологические памятники УССР», вып. 5, посвященный полевым исследованиям, проведенным в 1949—1951 гг. и «Краткие сообщения Института археологии», вып. 4 и 5, в которых опубликованы тезисы докладов, прочитанных на VII научной конференции института (вып. 4) и основные результаты экспедиционных исследований института, осуществленных в 1954 г. (вып. 5). Всего издано 48 печатных листов.

Широко осуществлялась связь института с музеями Украины. Научные сотрудники музеев повышали свою квалификацию, участвуя в экспедициях института, научные сотрудники института дали много консультаций по вопросам экспозиций и определения археологических материалов, хранящихся в музеях. В Киевский и Черниговский исторические музеи для хранения и экспонирования были переданы археологические коллекции. В Киевский исторический музей переданы материалы, обнаруженные при исследовании палеолитической стоянки в с. Добраничевке, Черкасской области (раскопки И. Г. Шовкопляса в 1953 г.), скифского кургана в г. Мелитополе (раскопки А. И. Тереножкина в 1954 г.), найденные в Киеве на усадьбе по Владимирской ул., № 7-9 (раскопки В. И. Довженко и В. К. Гончарова в 1955 г.), в Чернигов-

ский исторический музей — материалы из раскопок В. А. Богусевича в Чернигове за 1951—1953 гг.

В 1955 г. научными сотрудниками защищены две кандидатские диссертации (М. Ю. Брайчевский и Р. А. Юра).

Украинские археологи принимали у себя своих коллег из стран народной демократии. В 1955 г. в институте побывали ученые-археологи Гейштор, Раевский (Польша), Константинеску-Яш (Румыния), Милчев (Болгария), Точик (Чехословакия), которые сделали ряд научных сообщений. Проводился также обмен мнениями по вопросам организации археологических исследований.

Ученый совет института рассмотрел ряд научных вопросов. Большой интерес вызвал доклад И. Г. Шовкопляса «О результатах раскопок Мезинской палеолитической стоянки в 1954 и 1955 гг.», в котором докладчик предложил новую реконструкцию палеолитического жилища.

Большая дискуссия возникла на заседании, где обсуждались спорные вопросы ранней истории славян. С докладами выступили А. И. Тереножкин и М. Ю. Брайчевский¹.

В заповеднике института «Ольвия» завершен капитальный ремонт музея и всех служебных помещений. Продолжалось пополнение музея и библиотеки новыми материалами и книгами, а фондохранилища — материалами из раскопок в Ольвии за прошлые годы, хранившимися в фондах института.

Научными сотрудниками заповедника (Р. И. Ветштейн и Г. С. Иваниной) была проведена большая массово-экскурсионная работа. Заповедник посетило более 400 экскурсий, в которых приняло участие около 10 тыс. человек.

---

¹ См. в этом сборнике статью Е. В. Максимова «Обсуждение вопросов ранней истории восточных славян в Институте археологии АН УССР» и статью М. Ю. Брайчевского «О некоторых спорных вопросах ранней истории восточных славян».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
AC	— Археологический съезд
ВДИ	— Вестник древней истории
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИЖ	— Исторический журнал
ИГАИМК	— Известия Гос. академии истории материальной культуры
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН УССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛГУ	— Ленинградский гос. университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА	— Советская археология
ТОНГЭ	— Труды отдела нумизматики Гос. Эрмитажа
IPE	— <i>Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini</i>
JPEK	— <i>Jahrbuch für Prähistorische und Ethnographische Kunst</i>

СОДЕРЖАНИЕ

Полевые исследования

И. Г. Шовкопляс, Жилища Мезинской стоянки	3
С. Н. Бибиков, Трипольские поселения в окрестностях Луки-Брублевецкой	13
П. И. Хавлюк (Гайсин), Материалы к археологической карте бассейна р. Соб	18
Ю. Г. Колосов, Разведки памятников неолита и бронзы в степном Крыму	22
Л. М. Славин, Раскопки Ольвии в 1955 г.	27
К. А. Бреде (Симферополь), Раскопки 1951 г. на Гавриловском городище	33

Публикации

В. А. Мизин (Днепропетровск), Нахodka мустьерского остроконечника у с. Старые Кодаки	36
А. П. Черныш (Львов), Изображение человеческой фигуры позднепалеолитического времени	38
В. А. Месяц (Житомир), Новая находка орнаментированного бивня мамонта	40
С. Н. Одинцова, Клады кремневых изделий из с. Гончаровки	43
Н. Т. Евстропов (Волчанск), Каменный топор-молот из окрестностей с. Варваровки	47
Д. Я. Телегин, Погребение скифского времени на нижнем Днепре	48
Э. И. Соломоник (Симферополь), О двух загадочных знаках на стеле из Ольвии	50
Н. И. Волчкова (Мелитополь), Клад античных монет из Каменки-Днепровской	55
К. В. Голенко (Москва), О необычных монетах Рискупорида VI	57
В. В. Веселов (Керчь), Плита из Керчи с изображением грифона	62
А. Т. Брайчевская, Железоплавильный горн в Новой Покровке	64
Т. С. Кондукторова (Москва), Черепа из Вовнигских поздненеолитических могильников	68

Дискуссии

Е. В. Максимов, Обсуждение вопросов ранней истории восточных славян в Институте археологии АН УССР	72
М. Ю. Брайчевский, О некоторых спорных вопросах ранней истории восточных славян	79

Хроника

Р. И. Выезжев, Из научной жизни Института археологии АН УССР в 1955 г.	87
--	----